

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ
ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

ВЕСТНИК

Кабардино-Балкарского института
гуманитарных исследований

2 (25)
журнал выходит четыре раза в год

НАЛЬЧИК · 2015

**ВЕСТНИК
КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОГО
ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

Издается с 1968 г.
ISSN 2306-5826

Выпуск 2 (25), 2015
Выходит 4 раза в год

Главный редактор

д.и.н. Б.Х. Бгажноков

Редакционный совет

Акад. РАН *В.И. Тишков* (*председатель*);
член-корр. РАН *Х.И. Амирханов*; акад. РАН *Н.Н. Казанский*;
акад. РАН *А.Б. Куделин*; член-корр. РАН *В.В. Наумкин*;
д.и.н. *Ю.А. Петров*; д.и.н. *В.В. Трепавлов*

Редакционная коллегия

д.и.н. *К.Ф. Дзамихов*, д.ф.н. *Б.Ч. Бижоев*, д.ф.н. *Ж.М. Гузеев*,
д.ф.н. *А.М. Готов*, к.и.н. *А.Г. Кажаров*, к.и.н. *З.М. Кешева*,
к.ф.н. *Д.М. Кумыкова* (*ответственный секретарь*), к.ф.н. *Л.Х. Махиева*,
к.и.н. *Р.Г. Ошроев*, к.и.н. *Д.Н. Прасолов*, д.ф.н. *Х.Т. Тимижев*,
д.ф.н. *З.Х. Толгуров*, к.и.н. *В.А. Фоменко*

Адрес редакции:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
ФГБНУ «Кабардино-Балкарский
институт гуманитарных исследований»
Тел.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Сайт: www.kbigi.ru

© КБИГИ, 2015
Редколлегия журнала
«Вестник КБИГИ» (составитель), 2015

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE
FOR THE HUMANITIES RESEARCH

BULLETIN

of the Kabardian-Balkarian Institute
for the Humanities Research

2 (25)
the journal comes out four times a year

NALCHIK · 2015

**BULLETIN (VESTNIK)
OF THE KABARDIAN-BALKARIAN
INSTITUTE FOR THE HUMANITIES RESEARCH**

Published since 1968
ISSN 2306-5826

Issue 2 (25), 2015
Published 4 times a year

E d i t o r - i n - c h i e f

Doctor of History *B.H. Bgazhnokov*

E d i t o r i a l c o u n c i l

V.I. Tishkov (chairman), Member of the Russian Academy of Sciences;
H.I. Amirkhanov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
N.N. Kazansky, Member of the Russian Academy of Sciences;
A.B. Kudelin, Member of the Russian Academy of Sciences;
V.V. Naumkin, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences;
U.A. Petrov, Doctor of History; *V.V. Trepavlov*, Doctor of History

E d i t o r i a l b o a r d

Doctor of History *K.F. Dzamikhov*; Doctor of Philology *B.Ch. Bizhoyev*;
Doctor of Philology *Zh.M. Guzev*; Doctor of Philology *A.M. Gutov*;
Doctor of History *A.G. Kazharov*; Candidate of History *Z.M. Kesheva*,
Candidate of Philology *D.M. Kumykova (exec. secretary)*;
Candidate of Philology *L.H. Makhiyeva*, Candidate of History *R.G. Oshroev*,
Candidate of History *D.N. Prasolov*, Doctor of Philology *H.T. Timizhev*;
Doctor of Philology *Z.H. Tolgurov*; Candidate of History *V.A. Fomenko*

Address of editorial office:
18 Pushkin Street, Nalchik 360000
Kabardian-Balkarian Institute for the Humanities Research
Ph.: 8 (8662) 42-50-94; E-mail: kbigi.red@mail.ru
Site: www.kbigi.ru

© KBIHR, 2015
Editorial board of the journal
«KBIHR Bulletin» (drafter), 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Кузнецов В.А.</i> Заметки о кобанской культуре	7
<i>Фоменко В.А.</i> Этноним «алан» и современное карачаево-балкарское обращение	19
<i>Кармов А.Х.</i> Кабардино-Балкария в первый период Великой Отечественной войны	25
<i>Сабанчиева Л.Х.</i> Институты материнства и отцовства в горской семье 20–30-х гг. XX в.	37
<i>Алоев Т.Х.</i> Формирование хаджретской Кабарды и ее участие в Кавказской войне в первой трети XIX в.	46

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Бгажноков Б.Х.</i> Нальчик. Проблема духовно-нравственных центров и памятных мест в культурном пространстве города	63
<i>Базиева Г.Д.</i> Современный художественный текст: между традициями и инновациями	68

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Антоев А.К.</i> Метонимия в составе этнографической лексики карачаево-балкарского языка	74
<i>Токъумакъ М.Хь.</i> Адыгэбзэ синонимхэм къагъэхъу гупхэр (Синонимическэ псалъальэм и материалхэм тещӀыхъауэ)	79
<i>Гутов А.М., Хежева Л.Х.</i> Феномен ренессансной личности и национальная культура	83

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

<i>Балкаров Б.Х.</i> Адыгские элементы в осетинском языке	96
<i>Калоев Б.А.</i> Аланский субстрат в этногенезе балкарцев и карачаевцев по данным этнографии	103
Сведения об авторах	114

CONTENT

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

<i>Kuznetsov V.A.</i> Some notes on the Koban culture	7
<i>Fomenko V.A.</i> The ethnonym «alan» and the modern Karachai and Balkar appeal	19
<i>Karmov A.Kh.</i> Kabardino-Balkaria in a first period of Great Patriotic war	25
<i>Sabanchieva L.H.</i> The institutions of motherhood and fatherhood in highland family 20's–30's. XX century	37
<i>Aloev T.H.</i> The formation hadjeretian Kabarda and its participation in the Caucasian war in the first third of the XIX century	46

PROBLEMS OF MODERN SOCIETY DEVELOPMENT

<i>Bgazhnokov B.H.</i> About moral and ecological problems of steady development of Nalchik	63
<i>Bazieva G.D.</i> Modern artistic text: between traditions and innovations	68

LINGUISTICS. LITERARY CRITICISM

<i>Appoev A.K.</i> Metonymy as part ethnographic vocabulary karachai-balkar language	74
<i>Tokmakova M.H.</i> Types of synonyms in kabardian language (According to the dictionary)	79
<i>Gutov A.M., Hezheva L.H.</i> Phenomenon renaissance identity and nationality culture	83

OF SCIENTIFIC HERITAGE

<i>Balkarov B.H.</i> Adyghe elements in ossetian language	96
<i>Kaloev B.A.</i> Alanian substratum in ethnogeny of balkarians and karachai according to ethnography	103
The authors of this issue	116

УДК 903'1(479)

В.А. Кузнецов

ЗАМЕТКИ О КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Работа посвящена знаменитой кобанской культуре эпохи поздней бронзы и раннего железного века. В статье затрагиваются некоторые непростые вопросы принципиального характера, требующие дальнейшей длительной, кропотливой работы. Среди этих вопросов: современное понимание локальных вариантов и этнической принадлежности кобанцев, проблема рудной базы для производства «классической» бронзы кобанской культуры.

Ключевые слова: Кавказ, эпоха поздней бронзы и раннего железного века, кобанская культура, локальные варианты, этническая принадлежность, проблема добычи олова на Кавказе.

По словам основного исследователя археологии Северного Кавказа в XX в. Е.И. Крупнова, «история Северного Кавказа богата фактами, подчеркивающими крупнейшие культурные достижения населения этого края, особенно явные в позднебронзовую эпоху»¹. Свой фундаментальный труд «Древняя история Северного Кавказа» ученый посвятил делу всей его творческой жизни – изучению так называемой кобанской археологической культуры конца II тыс. до н.э. – первой половины I тыс. до н.э. (XI–VII вв. до н.э.)², доказательству высокого уровня этой действительно блестящей культуры и ее глубоко местного, кавказского происхождения³. Труды Е.И. Крупнова продолжила его ученица и авторитетный специалист по культуре Кобани В.И. Козенкова⁴. Следует сразу подчеркнуть, что в отличие от Е.И. Крупнова В.И. Козенкова определяет хронологию кобанской культуры в пределах XIV–V вв. до н.э. и связывает ее с кобанской культурно-исторической общностью, говорит о своей авторской концепции, но «в русле концепции Е.И. Крупнова»⁵.

Я медиевист и никогда не занимался кобанской культурой, мои знания о ней поверхностны. Но занятия острой проблемой этногенеза осетинского народа неизбежно вывели меня на проблему этнического субстрата, без учета которого эту проблему решить не удастся, что и было мной опубликовано⁶. Ближайшее соприкосновение с литературой о кобанской культуре как этническом субстрате убедило меня в том, что она изучена не адекватно ее статусу культуры мирового уровня подобно знаменитой и синхронной культуре Гальштатта, и содержит больше вопросов принципиального характера, чем ожидалось. Эти весьма непростые и требующие длительной, кропотливой работы исследователя темы я сформулировал как заметки и размышления предварительного характера, не претендующие на решение. Хотелось бы привлечь внимание археологов-кавказоведов к великому культурному наследию, которое мы еще плохо осознаем и явно слабо знаем.

1. Культура или культуры?

Это проблема теоретического характера, вытекающая из необходимости верификации обширного археологического материала, полученного эмпирическим путем. В чем суть нашего вопроса?

После трудов Е.И. Крупнова, В.И. Козенковой и других исследователей археологический феномен, проявившийся в 1869 г. в осетинском сел. Кобань и получивший мировую известность, в соответствии с принятой к середине XX в. научной классификацией стал именоваться «кобанской культурой». Не будем здесь и сейчас заниматься обсуждением этой основополагающей для археологии теоретической (позитивистской) проблемы, к тому же обстоятельно проанализированной и описанной Л.С. Клейном⁷. Им же дана современная формулировка понятия «археологическая культура», но без обязательных, на мой взгляд, факторов территории и времени⁸. Не могу не процитировать важные разъяснения Л.С. Клейна: *количественные нормы для придания ранга культур ассоциациям и общностям археологического материала устанавливаются не очень стабильно и не очень унифицированно – исходя из локальной научной традиции, из богатства и степени изученности материала, из условий и задач изучения. Ранговые оценки могут изменяться: что считалось одной культурой, разделяется на несколько; варианты культуры приобретают статус культур и наоборот, несколько локальных групп могут быть поняты как варианты одной культуры* (выдел. мной. – В.К.)⁹. Эти знакомые археологам вопросы задавались Л.С. Клейном применительно к катакомбной культуре эпохи бронзы уже почти 50 лет тому назад¹⁰.

Е.И. Крупнов так писал о кобанской культуре: «установленные нами локальные варианты кобанской культуры (западный, центральный и восточный), сохраняя культурное единство, несколько отличались один от другого формами (в деталях) погребальных сооружений и особенностями материальной культуры, что, по нашему мнению, отражало лишь племенные отличия отдельных родственных групп – носителей одной культуры»¹¹. Таким образом, по классификации Л.С. Клейна, у Е.И. Крупнова имел место взгляд на кобанскую культуру как на совокупность нескольких локальных групп, составлявших некий однородный общекавказский этнический массив, что в «заключении» его монографии повторено трижды¹². Это не случайность. В последние годы жизни Е.И. Крупнов был увлечен идеей воссоздания указанной общекавказской этнокультурной общности III тыс. до н.э., послужившей основой для генезиса и развития кобанской культуры. Данной теме ученый посвятил три статьи в 1963, 1964 и 1968 гг.¹³ О единой, но с локальными различиями кобанской культуре говорят и авторы главы IV в обобщающем коллективном труде по истории народов Северного Кавказа¹⁴. В 1963 г. с докладом о кавказской этнической общности Е.И. Крупнов выступил на XXVI Международном конгрессе востоковедов¹⁵. Говоря о Кавказе, он приходил к выводу: «*в древности там бытовала единая в своих основных чертах археологическая культура, которой, по-видимому, соответствовала и единая этническая среда*»¹⁶.

Обратимся к вопросу о территории кобанской культуры. Она также определена Е.И. Крупновым: «почти вся центральная часть Северного Кавказа (Чечено-Ингушетия, Северная Осетия, все Кабардино-Пятигорье) покрыта памятниками кобанской культуры»; «памятники кобанской культуры покрывали всю центральную часть Северного Кавказа (от верховьев Зеленчуков до Дагестана)»¹⁷. На приложенной к книге карте локальных вариантов кобанской культуры¹⁸ показан именно такой ареал; В.И. Козенкова в последней монографии эту карту откорректировала, отодвинув западную границу до р. Лаба и несколько изменив контуры локальных вариантов¹⁹. Насколько мне известно, указанные широтные границы кобанской культуры возражений у специалистов не вызывают и приняты. Приняты и меридиональные границы (север–юг). Примерные параметры этой «кобанской» территории, измеренные по обычной географической карте 500–100 км с учетом Южной Осетии.

Естественно, при такой огромной территории вдобавок к условиям крайне расчлененного высокогорного ландшафта и, соответственно, громадными трудностями

в путях сообщения и контактов с соседями, версия о единой культуре на севере и на юге во всем регионе центрального Кавказа вызывает некоторое недоверие. Здесь я вновь обращаюсь к теоретическим разработкам Л.С. Клейна, которые не могут игнорироваться. Говоря о принципах выделения археологических культур, он пишет: «В связи с этим возникают недоразумения при попытках установить таксономические, а вместе с тем и терминологические различия между культурами и их хронологическими вариантами (этапами), во-первых, и культурами и их локальными вариантами – во вторых»²⁰. По его свидетельству, английский ученый Дэвид Кларк опубликовал монографию «Analytical archaeology» (1968), в которой признал, что вряд ли удастся радикально пересмотреть карту выявленных культур. Д. Кларк пошел по пути соответствия археологической культуры этнографическому племени с «радиусом ее ареала от 20 до 200 миль (30–300 км. – В.К.), предположительным количеством ее носителей как сотни и тысячи людей, но не десятки тысяч. Он отметил, что по данным этнографов, в материальной культуре *живого этнографического племени, которому должна соответствовать археологическая культура* (выдел. мной. – В.К.), совпадения типов в комплексах охватывают обычно от 65 до 95% материала», но смущает, что весь археологический материал представляет примерно лишь 15% материала живой археологической культуры²¹.

Кажется, адекватность понятий в этой формулировке соблюдена. Но на следующей странице Л.С. Клейн говорит о недосказанности прямого и адекватного отражения этнической сферы в археологическом материале²². Некоторая смысловая противоречивость в понимании таких важных постулатов, как археологическая культура, свидетельствует о сложности процесса создания современной теории археологии. Л.С. Клейн справедливо указывает относительно изучения человеческих общностей (resp. – археологических культур): «...зачастую степень конкретизации зависит от размеров осведомленности и имеет пределом сегодняшнюю изученность материала – величину, отнюдь не постоянную. Это значит, что та общность, которая вчера рассматривалась как вариант культуры, сегодня уж вправе называться культурой: задачи исследования ее приобрели вполне самостоятельное значение, в ней выделяются, в свою очередь, варианты и т.д. В этом свете замена «культуры ямочно-гребенчатой керамики» «культурами ямочно-гребенчатой керамики», происшедшая в последние десятилетия, вполне закономерна. Нечто подобное произошло с катакомбной культурой, затем с ямной»²³.

Смысл всего вышесказанного очевиден. За положением о единой, хотя и членившейся на три локальных варианта кобанской культуре, Е.И. Крупнов видел принципиальную возможность реконструировать наличие на Кавказе в III тыс. до н.э. общекавказской этнической общности, предшествующей кобанской культуре и ставшей ее базой. Археологическую основу для этих построений ученый видел в материалах из нижнего культурного слоя Сержень-Юртовского поселения в Чечне. По его наблюдениям, эти материалы тесно связаны с аналогичными материалами Дагестана и Закавказья, и они позволяют сделать важный исторический вывод о существовании в III тыс. до н.э. единой кавказской этнической и культурной общности. Данная концепция, как уже говорилось, увлекала Е.И. Крупнова не только в научном плане, но и в идейном отношении, ибо позволяла постулировать тезис об исконности происхождения, родства и братства кавказских народов. На крайне сложном, многонациональном Кавказе это было актуально. Мне эти взгляды Евгения Игнатьевича всегда казались ошибочными, так как его концепция этнической истории Кавказа «от единства к множественности» должна читаться «от множественности к единству»: в ней происходит постоянный процесс этнической консолидации и интеграции. Мы с моим учителем спорили, и он публично это признал²⁴, хотя и не согласился. Однако положение о том, что «начиная с эпохи разложения первобытного общества доминирующими становятся процессы этнического объединения» – консолидация, ассимиляция, интеграция – входит в учебники этнографии²⁵. Кавказ не был исключением из этих общих закономерностей.

Итак, мы ставим на обсуждение три вопроса:

1) Насколько правомерно кобанскую археологическую культуру считать культурой?

2) Возможно ли три локальных варианта кобанской культуры выделить в отдельные культуры, отражающие местную, этноплеменную структуру?

3) Насколько правомерно носителей кобанской суперкультуры считать единым этносом, который в существующих территориальных рамках представляется гипертрофированным?

Следует отметить, что сходные вопросы применительно к северокавказской культуре эпохи бронзы II тыс. до н.э., генетически связанной с кобанской культурой, были у В.И. Марковина. В одной из последних публикаций он предлагал понятие «северокавказская культура» заменить понятием «северокавказская культурно-историческая общность» и говорил о возможности выделения в ней «нескольких локальных групп, по сути дела отдельных культур, соответствующих определенным местным этносам»²⁶. Видимо, эти вопросы (не только теоретического характера) назрели.

2. Локальные варианты и этническая принадлежность кобанцев

Для обостренного исторического самосознания северокавказских народов эта проблема архиважна. В 2006 г. известный этнолог В.А. Шнирельман не без основания писал об «огромной социальной роли этнонациональной истории на Северном Кавказе»²⁷. Это действительно, так и поскольку кобанская культура в трудах такого высокого авторитета как Е.И. Крупнов была картографирована на всем Центральном Кавказе вплоть до северного Дагестана, все живущие в данном ареале современные народы оказались в этой культуре заинтересованы. Располагал и международный статус кобанской культуры. В процессе изучения проблем этногенеза упомянутых выше народов носители кобанской культуры стали признаваться этническим субстратом, и это давало повод каждому народу все достижения и завоевания «кобанцев» экстраполировать на историю своего народа. Так, в новейшей истории Ингушетии фигурирует безоговорочная формулировка «древние ингуши – племена кобанской культуры»²⁸. Надо ли говорить, что подобные декларативные утверждения и реконструкции без соответствующего корреляционно-типологического анализа материала²⁹ и последующего интерпретационного исследования не могут претендовать на научную достоверность? В то же время, рассматривая общую этнокультурную ситуацию I тыс. до н.э. на Центральном Кавказе, Е.И. Крупнов не мог сделать иные выводы кроме тех, какие он и сделал: «в локальных отличиях я видел этнографические признаки, которые характеризовали в прошлом отдельные родственные племенные группы кобанцев, живущих в разных районах Центрального Кавказа»; эта этническая среда была «довольно однородной»³⁰, в посткобанский период она трансформировалась в современную этнографическую культуру как осетин, так и вайнахов. Думаю, что эти дефиниции не могут вызвать возражения и сейчас дело лишь в том, что, по справедливому замечанию В.И. Абаева, в разработке проблем этногенеза кавказских народов необходимо наряду с общим показывать особое и специфическое у каждого народа. «Равновесие между общим и особенным – важнейшее условие подлинно научного этногенетического исследования»³¹. К сожалению, в наших современных подходах к проблеме этногенеза по-прежнему преобладает общее, генерализующее направление, объясняемое не столько косностью исследователей, сколько состоянием источников и трудностями организации требуемых междисциплинарных исследований.

Не входя в детальную аргументацию, отмечу, что общепринятой в научной литературе истиной является признание носителей кобанской культуры, безотносительно ее вариантов, кавказскими аборигенами. Аборигенное происхождение кобанцев и их культуры из недр предшествующей северокавказской культуры II тыс.

до н.э. убежденно отстаивал Е.И. Крупнов³², но парадоксально, что в основном своем труде 1960 г., посвященном именно кобанской культуре, исследователь не нашел места важнейшему вопросу о ее происхождении. Однако этноязыковой характеристики локальных вариантов фактически не касался никто: ни состояние источников, ни уровень теоретического знания не удовлетворяли исследователей и заставляли проявлять разумную осторожность. Е.И. Крупнов был первым, кто попытался наметить хотя бы в первом приближении свою версию этнической характеристики древних кобанцев. Эта версия удачно изложена В.Б. Ковалевской: «Во всех исследованиях Е.И. Крупнова кобанская археологическая культура отождествляется с единым этносом, относящимся к иберо-кавказской группе языков без приведения системы доказательств, а локальный вариант – с культурой отдельной племенной группы»³³. Локальные варианты постулировались, а не выводились из детального анализа памятников³⁴: эмоционально-декларативный стиль изложения был характерен для многих публикаций Евгения Игнатьевича.

Заметим, что в этих постулатах Е.И. Крупнова проскальзывает мысль о наличии в локальных вариантах групп племен и это может соответствовать признанию локальных вариантов культурами. Но в таком случае выделенные Е.И. Крупновым и поддерживаемые В.И. Козенковой варианты неизбежно нуждаются в пересмотре. И соответствующие предложения археологов появились. Б.В. Техов увидел в кобанской культуре не три, а два варианта – Северо-Осетинский и Кабардино-Балкарский³⁵, а И.М. Чеченов выделил и картографировал Пятигорский, Терско-Сунженский и Горный варианты (в последнем выделены группы памятников: западная – балкарская, центральная – северо-осетинская, восточная – вайнахская и южная – юго-осетинская³⁶). Это членение культуры Кобани И.М. Чеченов наметил явно под влиянием идей В.Б. Виноградова, опубликованных на 2 года раньше. В монографии последнего проблеме локальных вариантов посвящена целая глава, выделены Пятигорский вариант, Центрально-Кавказский горный с подразделением на внутренние группы: Иронскую, Дигоро-Балкарскую, Юго-Осетинскую и Сунженско-Аргунскую; Предкавказский плоскостной вариант с Западно-Правобережной и Восточно-Правобережной внутренними группами. Эти варианты и группы понимались как племена «предков чеченцев, ингушей, кавказских компонентов (субстрата. – В.К.) в этногенезе осетин, балкарцев (без дальнейшей конкретизации)»³⁷.

Названные работы В.Б. Виноградова и И.М. Чеченова нам представляются новым и большим шагом вперед в познании реального существа этносферы кобанской культуры, о мнимом единстве которой не может быть и речи. Особенно продумана и взвешена концепция В.Б. Виноградова; можно только пожалеть, что она осталась сформулированной «без дальнейшей конкретизации» (в том числе и В.И. Козенковой).

Появились и другие точки зрения. Они недавно рассмотрены С.Л. Дударевым, в центре внимания которого закономерно оказались публикации известного археолога-кобановеда Б.В. Техова – автора раскопок могильника кобанской культуры в Тли, в Южной Осетии. С.Л. Дударев подметил непонятные противоречия во взглядах Б.В. Техова: «он этнос кобанцев связывает то с индо-европейской общностью, то с иберо-кавказскими племенами картвельской этнической группы»³⁸. Далее, как показывает С.Л. Дударев, Техов более конкретно намекает на причастность к данной проблеме вайнахов на основании нахской топонимики в ареале центрального варианта кобанской культуры, и это интересно, ибо может иметь отношение к проблеме субстрата в этногенезе осетин. Подводя итоги, С.Л. Дударев пишет: «Проблема этнического отождествления кобанских памятников нуждается во всестороннем осмыслении, а также в открытом обмене мнениями, в котором должен быть представлен весь спектр мнений, фактов, гипотез и научных трактовок вкпе с исчерпывающей суммой имеющихся данных археологии,

этнографии и лингвистики. К сожалению затронутая проблема в конце XX – начале XXI в. приобрела явный политический привкус. В особенности в связи с бурным развитием современной историко-политической мифологии в мобилизационном варианте, цель которой – утвердить глубокую древность того или иного этноса в определенном районе Кавказа»³⁹. Полностью соглашаясь с Дударевым, должен заметить, что в его статью не могла войти оценка дальнейшей эволюции убеждений Б.В. Техова. Она заключается в том, что Б.В. Техов в публикациях 90-х гг. стал настаивать на ираноязычии носителей кобанской культуры, связывая их с хеттами – индоевропейцами III тыс. до н.э., часть которых ушла в Переднюю Азию, а другая часть осталась на Кавказе. Автор явно намекает на причастность этих хеттов к кобанским племенам, хотя аргументов нет. Затем на Северном Кавказе появились ираноязычные носители так называемой катакомбной культуры II тыс. до н.э., а в VII–VI вв. до н.э. – также ираноязычные скифы, создававшие, по Техову, «самую высокую цивилизацию после эллинов». Значительные группы скифов жили не только в степях Предкавказья, но и в горах Центрального Кавказа «в течение тысячелетий не было такого периода времени, когда бы на территории Кавказа, особенно ее центральной части, не обитали племена индоевропейцев и иранцев». Этот рисовавшийся исследователю древнеиранский континуитет Центрального Кавказа привел его к твердому выводу об этноязыковой принадлежности кобанцев: «Сказанное выше дает нам основание сделать неоспоримый вывод: археологическая культура, создававшаяся на северном и южном склонах Центрального Кавказа (Кобань, Тли) во второй половине II и первой половине I тыс. до н.э., принадлежит тем индо-иранским племенам, которые остались и обосновались на Центральном Кавказе после передвижения основной массы в Переднюю Азию»⁴⁰.

Так сложилось представление о прямой гомогенной связи осетин со скифами. Б.В. Техов стал безоговорочно постулировать ираноязычие кобанцев, их прямую этноязыковую преемственность от скифов, осевших в горах во время их походов в Закавказье в VII в. до н.э. Построения Б.В. Техова тогда же стали предметом острой полемики между ним и мной в местной периодической печати. Несостоятельность выводов Техова была подтверждена в монографии В.Б. Ковалевской⁴¹, а С.В. Кулланда в своем докладе на научном конгрессе 2013 г. пришел к выводу, весьма существенному: «можно с уверенностью утверждать, что аланы и, соответственно осетины не являются в языковом отношении потомками скифов, а стоят ближе к сарматам, хотя определенный скифский (субстратный?) вклад в их языках имеется»⁴². Имеется и полное соответствие археологических материалов с данными исторического языкознания: речь может идти только о языковых изоглоссах и некоторой сумме инноваций в материальной культуре кобанцев, что и было убедительно продемонстрировано В.И. Козенковой⁴³.

Подведем краткие итоги. Наиболее адекватной современному состоянию источников является версия о принадлежности кобанской культуры на всей ее территории аборигенным горно-кавказским племенам, язык которых нам неизвестен.

Говоря о языке, мы не можем умолчать о кажется единственном реальном источнике по этому вопросу. Речь об архаичном слое в топонимике на территории кобанской культуры. Данный слой лингвистами почти не изучен, и мы не вправе делать далеко идущие выводы, но ставить вопрос применительно к территории центрально-кавказского варианта кобанской культуры можно.

Единственное фундаментальное исследование по этой теме и на территории Северной Осетии выполнено А.Дз. Цагаевой, собравшей и опубликовавшей 8326 топонимов⁴⁴. В этой массе одна шестая часть приходится на долю необъясненных названий «древнейшего топонимического пласта»⁴⁵. Исследователь дает перечень всех необъясненных названий (721 единица) и пишет: «Пока же я могу только предполагать, что значительное большинство приведенных выше списков

необъясненных географических названий восходит к языкам тех насельников Кавказа, носителей кобанской культуры, которые были ассимилированы предками современных осетин»⁴⁶. Это не лексические заимствования из кавказских языков (они выделены отдельно), это элементы, не поддающиеся осмыслению и дожившие (может быть, в сильно изменившейся форме) до наших дней. Это, вероятно, тот архаичный пласт – остаток языка этнического субстрата, с которым необходимо работать. Топонимы нахского происхождения⁴⁷, очевидно, представляют поздние инновации, хотя часть их может относиться к слою субстрата. Необходима тщательная их разработка, которую должны осуществить смежники археологов лингвисты.

3. Проблема рудной базы

В кавказской археологической литературе утвердилось мнение об отсутствии на Кавказе своих месторождений олова для производства «классической» бронзы, из которой сработано множество предметов кобанской культуры, хотя применялись в качестве присадки к меди и другие металлы⁴⁸. Но совершенно очевидно, что для выплавки тысяч бронзовых изделий требовалось олова много (оптимальное соотношение меди и олова 9 к 1; У. Брей и Д. Трамп тут же замечают: «основное неудобство – сравнительная редкость олова»⁴⁹). Так, в Западной Европе в районе Мюльбах-Бишофсхофен (Австрия) в течение 1200 лет было добыто 20 000 т медной продукции, т.е. 16,5 т в год⁵⁰. Трудности с оловом пробуждали ученых искать его источники далеко за пределами Кавказа. Так, Е.И. Крупнов писал: «... отсутствующее на Кавказе олово, возможно, доставляли сюда из других областей (скажем, из Малой Азии) в порядке обмена на медь и другое сырье»⁵¹. Высказывались и гипотезы о поставках олова на Кавказ из Британии, хотя не пояснялось, как в ту эпоху это могло осуществляться, очевидно, эстафетно, на разных видах транспорта и с остановками для перегрузки багажа и т.д.? Поступающее в конечные пункты сырье подлежало адекватному обмену на что-то. Чем кобанцы могли рассчитываться за иноземное олово, если оно доставлялось? Возникает необходимость появления всеобщего товарного эквивалента – «первобытных денег» и, как полагает К.Х. Кушнарева, таким эквивалентом на Кавказе со второй половины II тыс. до н.э. становятся изделия из меди или бронзы, например, массивные кольца разного веса, «указывающего на различную их меновую стоимость». Самое тяжелое кольцо весом 2,7 кг найдено в кладе Квишари в Грузии⁵². Не существовала ли подобная практика у нас в кобанской культуре и, может быть, есть смысл такую версию проверить? Авторитетный археолог-кавказовед Б.Б. Пиотровский в своих суждениях более оптимистичен: «Металлургия Кавказа, неразрывно связанная с переднеазиатской, все же в истории Древнего Востока была периферийной и в значительной мере самостоятельной. Кавказ был обеспечен не только медной рудой, но и необходимыми приплавками к меди – оловом и сурьмой ... олово могло доставляться из самых ближних, соседних с Закавказьем областей»⁵³. Но более обстоятельной аргументации этих важнейших производственных процессов нет и у Б.Б. Пиотровского, и у ведущих кобановедов Е.И. Крупнова и В.И. Козенковой. В нашей науке немало парадоксов, и пробелы с кобанской металлургией, определившей само лицо знаменитой культуры и искусства, здесь налицо.

В 1966 г. вышла монография Е.Н. Черных, посвященная металлургии Восточной Европы, точнее – майкопской, северокавказской, трипольской, ямной, катакомбной, полтавчинской, фатьяновской археологических культур III–II тыс. до н.э. Работа Е.Н. Черных охарактеризовала ту среду, из которой в конце II тыс. до н.э. выросла кобанская культура Кавказа, а также четко выделила мощную меднорудную зону Кавказа⁵⁴ – базу древней металлургии Восточной Европы. Наиболее богатые и легкодоступные закавказские медные месторождения – Кафанское, Белоканское, Алавердское, «многочисленные выходы руд, развитые окисленные зоны – все это

способствовало быстрому освоению этих месторождений древними металлургами Закавказья»⁵⁵. Автор напоминает о работе А.А. Иессена о прикубанском металлургическом очаге⁵⁶, в которой он наметил четыре культурные группы поздне-бронзовой эпохи для Северного Кавказа: северо-западную, кобанскую, восточно-кавказскую и степную предкавказскую⁵⁷. Очень своевременное напоминание, ибо последующее выделение локальных вариантов кобанской культуры В.Б. Виноградовым и И.М. Чеченовым (см. выше) оказывается зависимым от результатов исследований А.А. Иессена. Эта научная заслуга лишней раз подтверждает высокий профессиональный и чисто человеческий авторитет А.А. Иессена в археологии Кавказа. Е.Н. Черных на основе технологического и геологического исследования приходит к весьма важному выводу: «...мы должны признать, что практически вся медь майкопской и северокавказской культур является привозной на Северный Кавказ»⁵⁸ и ясно намекает, откуда поступала закавказская медь – из обширного Кафанского месторождения, где добыча руды производилась «в больших масштабах»⁵⁹. Это важно для нашего понимания металлургии кобанской культуры, генетически связанной с северокавказской культурой II тыс. до н.э.: следует считать, что поставки меди из Кафанского месторождения Армении традиционно должны были продолжаться и в конце II – первой половине I тыс. до н.э. для металлургии Кобани. Следовательно, связи носителей кобанской культуры с культурами Закавказья конвергентно существовали и развивались в течение многих столетий и должны были неизбежно отразиться на облике кобанской культуры (что мы и видим в произведениях кобанского прикладного искусства).

Более того: поскольку и медь, и олово в кобанский металлургический центр поставлялись извне, возникает вопрос: чем кобанцы могли оплачивать поступающий металл? Его было нужно немало – Е.Н. Черных считает, что «подлинный расцвет северокавказской металлургии начинается в кобанскую эпоху (рубеж II–I тыс. до н.э.)»⁶⁰. Но тут необходимо сделать одно замечание – были и местные северокавказские рудные разработки и медь, и олова. Прямые на то указания находим в той же монографии Е.Н. Черных: неправильно категорично утверждать об исключительности закавказского источника меди для северокавказской культуры эпохи бронзы; в эпоху поздней бронзы можно говорить о смене рудных источников на местные, северокавказские: часть находок северокавказского металла «может быть с большой долей вероятности отождествлена по своему химическому составу с кобанской»⁶¹; можно ставить вопрос о добыче медных руд на севере Кавказа «уже в эпоху существования северокавказской культуры»⁶², «набор примесей дает возможность говорить о разработке в кобанскую эпоху местных месторождений типа Мукуланского в Кабардино-Балкарии, Худесского – в верховьях р. Кубани, мелких месторождений – в Северной Осетии и т.д.»⁶³; на рубеже II–I тыс. до н.э. «бронзовая индустрия Северного Кавказа испытывает новый мощный подъем»⁶⁴. Из изложенных выше постулатов специалиста по древней металлургии логично вытекает мысль о том, что упомянутый мощный подъем производства металла в кобанскую эпоху объясняется тем, что к поставкам меди и олова из Закавказья на рубеже II–I тыс. до н.э. добавились работы на местных, северокавказских месторождениях и объемы сырья резко возросли. Возросло и производство кобанской металлической продукции, часть которой пошла на экспорт, часть – на оплату привозного сырья, особенно олова. Так, красивые бронзовые вещи кобанского происхождения распространялись на расстояния в сотни километров, оказывая влияние на местную материальную культуру.

С середины прошлого столетия стали накапливаться археологические источники, свидетельствующие о металлургическом производстве на Северном Кавказе. Я не имею цели излагать здесь все разрозненные и часто случайные находки – в этом нет необходимости. Приведу наиболее показательные, известные

мне примеры «прямого действия». На VI Крупновских чтениях в Краснодаре был оглашен интересный доклад С.М. Магомедова о местном металлургическом очаге второй половины III тыс. до н.э. в Дагестане⁶⁵, а на VIII Крупновских чтениях в Нальчике – доклад В.Л. Державина об уникальном погребении кузнеца литейщика с глиняным тиглем и набором каменных инструментов в кургане 3 у хут. Веселая Роща Александровского района Ставропольского края. Докладчик отнес этот памятник ко второй четверти II тыс. до н.э.⁶⁶ Химический состав бронз Северной Осетии в эпоху средней бронзы исследовал А.Г. Каменский, установивший, что высокомышьяковистая бронза (а не оловянистая. – В.К.) была основным материалом, а в предгорной части Северной Осетии в период средней бронзы (сер. II тыс. до н.э.) «сложился самостоятельный центр металлургии и металлообработки»⁶⁷.

Материалы, опубликованные на Крупновских чтениях, вносят существенные коррективы в наши знания о кобанской металлургии бронзы. Особо выделю два положения: 1) поставлен аргументированный вопрос о существовании в III–II тыс. до н.э. местных металлургических центров в Дагестане и Северной Осетии; последний, вполне вероятно, функционировал и в кобанскую эпоху; 2) основным присадочным материалом был мышьяк, и это в значительной мере решает спорную проблему дефицита олова.

Несколько замечаний об олове, проблема которого осталось фактически непроработанной археологами-кобановедами, не входившими в ознакомление со специальной литературой. Между тем в ней есть прямые факты, свидетельствующие о наличии олова на Северном Кавказе. Приведу мне известные. В статье Н.К. Мхитарова о месторождениях черных металлов, опубликованных в 1935 г., имеется карта месторождений железа и меди (перечислю последние: Бурон, Джимаринское, Джераховское, Баксанское, Черекское, Кяфарское, Кубано-Худесское и полиметаллы в Садоне)⁶⁸. В этом же сборнике опубликована «Регистрационная карта месторождений сурьмы, висмута, вольфрама, олова и меди», составленная И.Д. Стороженко. Месторождения олова: Джимаринское, Сангутиадонское, группа Урухских, Белялидон, Хазнидон, Тырныуз, Чегем-Булунгусу, Алхой-чоч⁶⁹. Месторождениям олова посвящен специальный раздел в статье И.И. Тамбовцева и Д.В. Абуева в сборнике о недрах Северного Кавказа. Авторы пишут: «Об олове на Северном Кавказе заговорили совсем недавно. Первые случайные находки оловянного камня в шлихах дали возможность более детального изучения районов нахождения шлихового олова, и в 1934 г. было обнаружено *коренное его месторождение*». Далее перечисляются месторождения с оловянным камнем на р. Булунгу-су, Белялидон, Сангутидон, Танадон, Караукомдон и делается интересный прогноз, что в Карачае и в Дигории «будут скоро обнаружены коренные оловянные месторождения» ... «очевидно, что олово на Северном Кавказе имеется, и вся задача сводится к поискам и обнаружению новых жил, особенно кварцевых, с более высоким содержанием, чем мы имеем на сегодня. Наибольшую будущность имеют Кабардино-Балкария, Северная Осетия и Карачай»⁷⁰. А это – основная территория кобанской культуры на севере Кавказа. Дополнительная информация об олове в верховьях Большого Зеленчука есть у И.И. Бессонова⁷¹ и в Мукулане и Буроне в отчете за 1939 г. Института геологических наук⁷².

Эти открытия геологов, видимо, были прерваны начавшейся Отечественной войной и более насущными послевоенными проблемами. Особенно досадно, что остались неисследованными упомянутые коренные месторождения олова, ибо они могли основательно изменить наши представления о металлургии и искусных кобанских рудознатцах и мастерах-литейщиках, производивших массу великолепных бронзовых вещей. Изучение проблем кобанской металлургии должно стать одной из актуальных задач археологии Северного Кавказа.

Примечания

1. *Крупнов Е.И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960. С. 7.
2. Там же. С. 108.
3. Там же. С. 90, 104–105, 381.
4. Последняя монография итогового характера см.: *Козенкова В.И.* Кобанская культура и окружающий мир (взаимосвязи, проблема судьбы и следов разнокультурных инфильтраций в местной среде). М., 2013.
5. Там же. С. 11, 13–14.
6. *Кузнецов В.А.* Археология и этногенез осетин // Материалы международного научного конгресса «Этногенез и этническая история осетин» (Владикавказ, 21–22 мая 2013 г.). Владикавказ, 2013. С. 14–27; *Кузнецов В.А.* Аланы и Кавказ. Осетинская эпопея обретения Родины. Владикавказ, 2014.
7. *Клейн Л.С.* Археологическая типология. Л., 1991.
8. Там же. С. 391.
9. Там же.
10. *Клейн Л.С.* Катакомбная культура или катакомбные культуры? // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 165–169.
11. *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 381–382.
12. Там же. С. 397–398.
13. *Крупнов Е.И.* Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения коренных народов Кавказа) // Советская археология. 1964. № 1.
14. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 74.
15. *Крупнов Е.И.* Древнейшие культурное единство Кавказа и кавказская этническая общность (к проблеме происхождения народов Кавказа). М., 1963.
16. Там же. С. 8.
17. *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 82, 382.
18. Там же. С. 185. Рис. 26.
19. *Козенкова В.И.* Кобанская культура и окружающий мир ... Табл. А.
20. *Клейн Л.С.* Археологическая типология ... С. 193.
21. Там же. С. 194.
22. Там же. С. 196.
23. Там же. С. 197.
24. *Крупнов Е.И.* Заключительное слово // Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967. С. 317.
25. Этнография / Под ред. Ю.В. Бромлея и Г.Е. Маркова. М., 1982. С. 304.
26. *Марковин В.И.* Некоторые аспекты изучения северокавказской культурно-исторической общности // Древности Кавказа и Ближнего Востока. Махачкала, 2005. С. 121, 126.
27. *Шнирельман В.А.* Быть аланами. Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М., 2006. С. 16.
28. История Ингушетии. Нальчик, 2011. С. 13.
29. *Клейн Л.С.* Археологическая типология ... С. 142.
30. *Крупнов Е.И.* Заключительное слово ... С. 318, 32.
31. *Абаев В.И.* Этногенез осетин по данным языка // Материалы научной сессии, посвященной проблеме этногенеза осетин. Орджоникидзе, 1967. С. 19.
32. *Крупнов Е.И.* Древняя история ... С. 90–98; *Он же.* Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода // Материалы и исследования по археологии СССР. 1951. № 23. С. 71.
33. *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы. I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. М., 2005. С. 44.
34. Там же.
35. *Техов Б.В.* Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н.э. М., 1977. С. 192.
36. *Чеченов И.М.* К вопросу о локальных вариантах кобанской культуры // Археолого-этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1. С. 14–51.
37. *Виноградов В.Б.* Центральный и Северо-Восточный Кавказ в Скифское время VII–IV века до н. э. (вопросы политической истории, эволюции культур и этногенеза). Грозный, 1972. С. 184–263; *Виноградов В.Б.* Проблема локальных вариантов кобанской культуры на

современном этапе исследования (историографический обзор) // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1976. № 4. С. 74–78.

38. *Дударев С.Л.* Еще раз об этнической принадлежности кобанской культуры // Сборник научных работ Сергея Леонидовича Дударева: Статьи, материалы, рецензии. М., 2011. С. 29–30.

39. Там же. С. 33.

40. *Техов Б.В.* Осетины – древний народ Кавказа (Истоки. Культура. Этнос). Цхинвал, 1993. С. 15.

41. *Ковалевская В.Б.* Кавказ – скифы, сарматы, аланы ... С. 177.

42. *Кулланда С.В.* Этногенез осетин по лингвистическим данным // Этногенез и этническая история осетин. Владикавказ, 2013. С. 124.

43. *Козенкова В.И.* Кобанская культура и окружающий мир ...

44. *Цагаева А.Дз.* Топонимия Северной Осетии. Владикавказ, 2010.

45. Там же. С. 34.

46. Там же. С. 81.

47. Там же. С. 87.

48. *Иессен А.А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века // Материалы и исследования по археологии СССР. 1951. № 23. С. 121; *Крупнов Е.И.* Предисловие // Материалы и исследования по археологии СССР. 1951. № 23. С. 6; *Он же.* Древняя история ... С. 316; *Марковин В.И., Мунчаев Р. М.* Северный Кавказ. Очерки древней и средневековой истории и культуры. М., 2003. С. 171.

49. *Брей У., Трамп Д.* Археологический словарь. М., 1990. С. 40.

50. *Гришин Ю.С.* Древняя добыча меди и олова. М., 1980. С. 122.

51. *Крупнов Е.И.* Предисловие ... С. 6.

52. *Кушнарева К.Х.* Обмен и торговля в Закавказье в древности // Краткие сообщения Института археологии. М., 1973. Вып. 138. С. 37.

53. *Пиотровский Б.Б.* Археология Закавказья. Л., 1949. С. 54.

54. *Черных Е.Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966. С. 3–4. Карта 1.

55. Там же. С. 4.

56. *Иессен А.А.* Прикубанский очаг ... С. 75–124.

57. Там же.

58. *Черных Е.Н.* История древнейшей металлургии ... С. 47.

59. Там же. С. 46.

60. Там же. С. 80.

61. Там же. С. 48, 49.

62. Там же. С. 49.

63. Там же. С. 81.

64. Там же. С. 90.

65. *Магомедов С.М.* К вопросу о местном металлургическом очаге в древнем Дагестане // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. С. 150.

66. *Державин В.Л.* Первое погребение кузнеца-литейщика на Северном Кавказе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. С. 206.

67. *Каменский А.Г.* Химический состав металла периода средней бронзы Северной Осетии // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. Крупновские чтения 1971–2006. М., 2008. С. 446.

68. *Мхитаров Н.К.* Черные металлы Северо-Кавказского края // Природные богатства Северо-Кавказского края. Пятигорск, 1935. С. 339.

69. Там же.

70. *Тамбовцев И.И., Абуев Д.В.* Редкие металлы и полиметаллы // Сокровища недр Северного Кавказа. Пятигорск, 1937. С. 36.

71. *Бессонов И.И.* Геолого-петрографический очерк области верховьев Б. и М. Зеленчуков в Карачае // Труды по геологии и полезным ископаемым Северного Кавказа. Ессентуки, 1938. Вып. I. С. 92.

72. Труды института геологических наук. Вып. 53. М.–Л., 1940. С. 61–62.

V.A. Kuznetsov

SOME NOTES ON THE KOBAN CULTURE

The work is dedicated to the famous Koban culture of the late bronze and the early iron age epochs. Some complicated matters requiring further prolonged and conscientious research have been touched upon in the article. Among these matters are: the modern understanding of the local variants and the Koban people ethnic identification, the ore base problem for «classical» bronze production of the Koban culture.

Keywords: Caucasus, the late bronze and the early iron age epoch, the Koban culture, the local variants, the ethnic identification, the tin output problem in the Caucasus.

В.А. Фоменко

ЭТНОНИМ «АЛАН» И СОВРЕМЕННОЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ

В статье определяются время и причины появления эндоэтнонима «алан / аланла» у карачаевцев и балкарцев. Затронуты также некоторые другие проблемы развития и современного состояния этнической истории карачаевцев и балкарцев.

Ключевые слова: Северный Кавказ, этноним «алан», карачаево-балкарское приветствие алан/аланла, проблема деполитизации изучения этнической истории.

Проблема т. н. аланского наследия не нова. Право называться прямыми, а часто и единственными потомками древнего и средневекового народа алан оспаривается представителями нескольких северокавказских национальностей. Вокруг «аланской проблемы» в наши дни сложилась очевидно ненаучная (если не сказать анекдотическая) ситуация. В аланах пытаются увидеть предков собственного народа и маститые ученые, и многочисленные краеведы. Эту проблему рассмотрел в своей недавней монографии крупный российский историк В.А. Шнирельман. Он подвел некоторый итог ситуации в нынешнем «алановедении» и фактически призвал авторов к большей научности и взвешенности в научных и научно-популярных публикациях¹.

Однако мало кто из местных авторов принял точку зрения В.А. Шнирельмана. Например, в современной литературе – художественной, популярной, краеведческой и учебной – все чаще и чаще повторяется тезис о том, что аланы являются непосредственными предками балкарцев и карачаевцев. Некоторые авторы продолжают «научно» доказывать аланскую принадлежность карачаевцев и балкарцев, другие где только возможно повторяют эту уже как бы аксиому.

Так, историк С.М. Перевалов, побывав в 2010 г. на одной из северокавказских конференций² по этнической истории, справедливо пишет, что «крайне политизированная интеллигенция ... уже несколько десятилетий занимается перетягиванием аланского одеяла на себя, доказывая приоритет своих народов в том, что касается сохранения аланского наследия». С.М. Перевалов отмечает также: «Народ (или совокупность близкородственных племен) под названием аланы известен с рубежа н.э. Отдельные, малосвязанные между собой группы аланов в разные времена обитали в разных местах на широком пространстве Евразийского континента от Китайской стены до Атлантики. Наиболее длительной и непрерывной была история кавказских аланов, продолжавшаяся до Тамерланова разгрома (конец XIV в.), после чего аланы частью деградировали, частью влились в новые этнополитические образования. Пространство, контролируемое аланами («аланский мир», «аланское сообщество»), охватывало значительные территории, не оставляющее сомнения в том, что их население говорило на разных языках»³.

В данной статье остановлюсь в основном на ошибочной связи этнонима «алан» с карачаевцами и балкарцами и на утверждении, что только карачаевцы и балкарцы и сегодня называют себя аланами⁴.

Интересно, что можно установить относительно недавнюю историю появления и закрепления в этническом сознании карачаевцев и балкарцев данного «эндоэтнонима». В объемном словаре 1965 г. самоназвания или обращения *алан* я не нашел⁵. Оно появляется позже – в словаре, изданном в 1986 г.⁶ Еще позднее

слову *алан* придается особое (можно даже сказать культовое) значение⁷, и оно закрепляется в трехтомном словаре⁸, причем организаторов такого аланского самопровозглашения нисколько не смущили два факта:

1. Слово алан в древности и Средневековье являлось экзоэтнонимом, причем, видимо, собирательным. Как именно называли себя северокавказские и другие аланы, науке не известно.

2. В современных тюркских языках также есть слово алан (например, в турецком⁹ и казахском¹⁰), но это слово имеет другое значение – площадь, площадка и т.п. Приблизительно те же значения слова алан (ровная открытая местность, поляна, поле, долина) в различных тюркских языках приводит и Э.В. Севортян¹¹.

Остается предположить, что и в карачаево-балкарском языке это слово когда-то использовалось, но не в качестве обращения к одному человеку. Интересно, что слово «алан» в форме «*əliān*» сохранилось в одном из диалектов караимского языка в значении «люди»¹².

Понятно, что «самоназвание» или приветствие (обращение) *алан* или *аланла* (мн. ч.) имеет современное и далекое от науки происхождение. Псевдофилологические подтасовки не могут удревнить этнос и сделать его автохтонным.

Казалось бы, что плохого в том что некоторые современные карачаевские и балкарские авторы, не беспокоясь о логичности и научной обоснованности своих публикаций, всеми силами стараются доказать глубокую древность и автохтонность балкарско-карачаевского этноса? Но эта тенденция безобидна лишь на первый взгляд.

В последние четверть века появилось большое количество книг, изданных и переизданных порой значительными тиражами, в которых говорится о карачаевцах и балкарцах как древнейших народах, чей этногенез происходил на территории Северного Кавказа¹³. Среди самих карачаевцев и балкарцев происходит постепенное распространение и закрепление идей об их исключительной древности и автохтонности среди других народов Кавказа. Эти идеи (в частности, об аланском наследии) проникают даже в учебники для начальной школы¹⁴.

Исследователь Ш.С. Бадахов «опираясь на данные топонимики», выпустил брошюру «По следам тюрков Северного Кавказа», где сообщается: «Судя по найденным топонимам (всего 93), аланы на Кавказе составляли один из самых многочисленных народов. После поражения от Тамерлана на Северном Кавказе алан осталось лишь небольшая горстка в ущельях нынешнего Карачая, о чем свидетельствуют летописи того времени ... Карачай. Найдено 28 топонимов (Карачай – примеч. авт.) и в тех местах, где есть топоним алан. Безусловно, карачай – аланское племя и составляет основное ядро Алании. Там, где они составляют большинство, они выступают как отдельный народ. Скорее всего, племя карачай существовало раньше аланского союза племен, и очень похоже, что карачай составлял основу царских (правлящих) скифов (см. аналогию; карача (карачи) – это правящее сословие в большинстве бывших тюркских государств и империй, царские скифы – правящие скифы. ... Карачаевцы. Народность, основу которой (до 70%) составляет аланское племя «карачай». Карачаевцы до сих пор себя называют «алан». ... Асия в III тыс. до н.э. – союз тюркских племен занимавший почти весь Северный Кавказ. Позже в разных племенных союзах, выступающих в составе скифов, гуннов, болгар и алан. Значительная часть асов и алан в IV в. ушла вместе с гуннами в Европу и Северную Америку. Другая часть – вместе с гуннами ушла в Скандинавию и, скорее всего, в III–IV вв. аские племена (ориентировочно в IX–XII вв.) влились в Аланию, и поэтому то, что относится к топонимам «алан» можно отнести и к асам»¹⁵. Как говорится, комментарии излишни.

Другой пример. В Карачаево-Черкесии долгие годы идет спор и череда конфликтов, связанная с древними храмами, расположенными на территории республики. Верхнекубанские и Зеленчукские христианские храмы составляют важнейшую часть историко-архитектурного наследия средневековой Алании. Однако

эти памятники стали причиной периодически обостряющейся напряженности между частью карачаевской общественности и Русской православной церковью. В 2010–2011 гг. неизвестные подожгли два современных православных храма, древнехристианский храм и разрушили стелу Георгия Победоносца в Карачаевском районе¹⁶. Проблема принадлежности «древнеаланских» храмов – яркий пример небезобидности современной «аланомании». Излишнее присутствие в науке и общественной жизни национального начала способствует появлению националистических идеологий, развитию сепаратистских тенденций и других негативных явлений и процессов. Возможно, в будущем «различные концепции аланских «корней» и «наследия» могут стать основой для усиления межконфессиональных и межнациональных конфликтов в регионе»¹⁷.

На территории Нижне-Архызского городища X–XII вв. вблизи христианских храмов в наши дни установлен памятник аланам, где указано, что потомками алан являются карачаевцы и балкарцы (рис. 1).

Рис. 1. Нижне-Архызское городище. Памятник аланам.
Фото автора (август 2010 г.)

Своеобразный фундамент современного изучения этнической истории балкарцев и карачаевцев был создан еще в советский период (в основном в конце 50–80-х гг.). Теме этногенеза названных народов были посвящены работы Х.О. Лайпанова, Л.И. Лаврова, Н.Г. Волковой, У.Б. Алиева, Е.П. Алексеевой, Я.А. Федорова, Х.Х. Биджиева, В.М. Батчаева и др.

Во многом повышение интереса к ранним этапам этнической истории балкарцев и карачаевцев было связано с их реабилитацией, в т.ч. и «реабилитацией историко-археологической». В 1959 г. была проведена научная сессия «О происхождении балкарцев и карачаевцев»¹⁸, результаты которой воплощались в жизнь и развивались многими советскими учеными-кавказоведами. Так в соответствии с партийно-государственными установками балкарцы и карачаевцы должны были окончательно стать древними обитателями Северного Кавказа¹⁹.

Следует также сказать, что в период от конца 50-х до середины 60-х гг. XX в. была в основном сформирована концепция автохтонного (кавказского) происхождения двух тюркоязычных народов Северного Кавказа. Согласно этой

концепции, финал формирования карачаево-балкарской народности у подножия Эльбруса в результате сложного этнического процесса – постепенного смешения потомков «кобанцев», алан, болгар и кипчаков, относится к рубежу XIII–XIV вв.²⁰ Эта широко распространенная и использованная в многочисленных публикациях концепция в дальнейшем не получила, да и не могла получить, научного подтверждения ввиду полной политической ангажированности. Известный этнолог В.А. Шнирельман пишет о том, что отдельные советские ученые в 60–80-е гг. тщетно пытались бороться «увлечением автохтонизмом»²¹. Однако эта борьба не могла быть успешной «... по той простой причине, что само политико-административное устройство страны требовало, чтобы титульный народ доказывал свое коренное происхождение, или автохтонность»²².

В работах современных исследователей наблюдается симбиоз элементов автохтонной концепции советского образца и идей археолога И.М. Мизиева (1940–1997)²³. Несмотря на явное непризнание этих идей, скажем так, официальной северокавказской археологией²⁴, идеи И.М. Мизиева о родстве балкаро-карачаевцев со многими известными археологическими культурами и древними народами очень популярны, дополняются и «развиваются»²⁵.

Данные физической антропологии также используются нашими современниками как «доказательство» древности и автохтонности балкарцев и карачаевцев²⁶. Однако не секрет, что первоначально относительно малочисленный этнос, появившийся в Балкарской котловине в постзолотоордынскую эпоху, активно впитывал в себя и дигорцев, и сванов, и представителей других народов²⁷, которые численно превосходили балкарцев и карачаевцев. Физический облик, материальная и духовная культура прежних степняков не могли оставаться без изменений²⁸. Напротив, тюркский язык, служивший (по крайней мере с золотоордынского времени) на юге Восточной Европы языком межнационального общения и проникший позднее в горные котловины, оказался устойчивым, хотя и обогатился множеством слов явно не тюркского происхождения (монгольскими²⁹, адыгскими, осетинскими и др.).

Разнообразные степные племена приходили на Северный Кавказ и оседали здесь, смешиваясь с кавказоязычным населением³⁰. Но зачем переписывать историю, делая иранцев (скифов, сарматов и алан) и не только иранцев тюрками, а далее – все тюркские племена (гунны, болгары, хазары и др.), жившие в степях Предкавказья, представлять предками карачаевцев и балкарцев?!

В этнографическом издании XVIII в., например, прямо говорится: «Народ, который Грузинцы Базианами ... называют, живет в высоких горах около вершин Кубани. Область его, называемая от Грузинцов Базианою, а от Черкас – Чейхе-мою, разделяется на многие округа, состоящие под разными покровительствами. Настоящие Базианы суть по происхождению своему Ногайские Татара, которые в древние времена перешли от Кумы на жилище в высокие горы»³¹.

Известный этнограф Б.А. Калоев в одной из своих публикаций, специально посвященной проблеме генезиса осетино-балкаро-карачаевских этнокультурных связей, пишет «о большой общности в культуре осетин, балкарцев и карачаевцев, что, несомненно, объясняется активным участием алан (скорее всего, их потомков – дигорцев. – В.Ф.) в этногенезе этих народов»³². Однако этногенез балкарцев (на основании фольклорного и этнографического материала) связан с притоком половцев в Черекское, а затем и Чегемское ущелья. Время заселения тюркоязычными жителями территории современной Балкарии исследователь относит к XIII–XIV вв., заметив, что «половцы окончательно покинули равнину Центрального Кавказа и укрылись в горы, как и их ближайшие соседи – аланы после тимуровского побоища»³³. Б.А. Калоев допускает, что термин «алан», означающий товарищ, друг, сохранился у балкаро-карачаевцев со времен формирования этноса и более тесного соседства с аланами (дигорцами. – В.Ф.).

Интересны и другие этнонимы. «Балкария издавна известна осетинам под именем «Ассы», отсюда «ассиаг», т.е. человек из страны Ассы. Это старое аланское

самоназвание жителей Западной Алании сохранилось и в самом карачаево-балкарском языке, но означает здесь другое понятие – безбожник: «Ассыдан тугъан» – рожденный от безбожника, т.е. от человека другой веры, какими были аланы»³⁴. «Карачай, возникший, по-видимому, не ранее XVII в. из переселившихся в верховья Кубани балкарцев, называется осетинами почти так же – хъарасе, хъарасиаг – из страны Карачая»³⁵.

Таким образом, приписывание исконности древнего и средневекового этнонима «алан» современным этносам, в частности, карачаевцам и балкарцам, создает препятствия для объективной и полной характеристики их этнокультурной истории, а также искажает сложный процесс формирования этнического и культурного многообразия населения региона.

Примечания

1. См. историографический обзор этой темы: *Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX в. М., 2006. С. 75–528.
2. Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии: Материалы Всероссийской научной конференции 24–26 июня 2010 г. Карачаевск, 2010.
3. *Перевалов С.* Конференция «Аланы и асы в этнической истории регионов Евразии» (24–27 июня 2010 г.). Часть II. Чьи, аланы, будете? // Русская Осетия. Суббота, 04 Февраль 2012 16:10. См.: <http://rus-ose-tia.ru/index.php/blogi/sergeyerevalov>.
4. *Тебуев Р., Хатуев Р.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М.–Ставрополь, 2002. С. 44.
5. Русско-карачаево-балкарский словарь. М., 1965. 744 с.
6. Карачаево-балкарско-русский словарь. М., 1989. С. 48.
7. Езден адет. Этический кодекс аланского (карачаево-балкарского) эпоса. Нальчик, 2001.
8. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Нальчик, 1996. Т. 1. Б. 118.
9. *Богочанская Н.Н., Торгашова А.С.* Большой турецко-русский и русско-турецкий словарь. М., 2011. С. 25.
10. Современный казахско-русский словарь. СПб.–Астана–М., 2006. С. 36.
11. *Севортян Э.В.* Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. С. 134–135.
12. The karaim multi dictionary. См.: <http://www.dnathan.com/language/karaim/dic/karaim-russian/top.html>.
13. *Лайпанов К.Т., Мизиев И.М.* О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993; *Мизиев И.М., Джуртубаев М.Ч.* История и духовная культура карачаево-балкарского народа. Нальчик, 1994; *Байрамкулов А.М.* К истории аланской ономастики и топонимики. 1995; *Мизиев И.М.* История Балкарии и Карачая с древнейших времен до походов Тимура. Нальчик, 1996; Езден адет. Этический кодекс аланского (карачаево-балкарского) эпоса. Нальчик, 2001; *Тебуев Р., Хатуев Р.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М.–Ставрополь, 2002; *Хотко С.Х.* Карачай – страна на вершине Кавказа. Майкоп, 2011.
14. *Акбаев Х.М.* Харифле: учебник для 1 класса общеобразовательных учреждений. Пятигорск, 2012. С. 142.
15. *Бадахов Ш.С.* По следам тюрков Северного Кавказа. Карачаевск: КЧГУ, 2011. Изд. 2-е. С. 20–22.
16. *Атаев А.В.* «Концепции аланского наследия» как фактор межконфессиональной и внутривнутриполитической конфронтации // Вопросы истории Поурупья. Армавир, 2012. Вып. I. С. 84–90.
17. *Атаев А.В.* «Концепции аланского наследия» ... С. 84–90.
18. О происхождении балкарцев и карачаевцев: Материалы научной сессии. Нальчик, 1960.
19. *Кумыков Т.Х.* О происхождении балкарцев и карачаевцев // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Нальчик, 1959. Вып. 8; *Алексеева Е.П.* Карачаевцы и балкарцы – древний народ Кавказа. Черкесск, 1963.
20. *Алексеева Е.П.* Карачаевцы и балкарцы ... С. 41.

21. *Крупнов Е.И.* О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961. С. 44; *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Т. 4. С. 67; *Кузнецов В.А.* К истории археологического изучения Кабардино-Балкарии // Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1980. С. 153.
22. *Шнирельман В.А.* Указ. соч.
23. История Балкарии и Карачая в трудах И. Мизиева. Нальчик, 2010. Т. 1–3.
24. *Кузнецов В.А., Чеченов И.М.* История и национальное самосознание. Владикавказ, 2000. С. 34–45, 94–95.
25. *Тебуев Р., Хатуев Р.* Очерки истории карачаево-балкарцев. М.–Ставрополь, 2002.
26. *Алексеев В.П.* Некоторые проблемы этногенеза балкарцев и карачаевцев по данным антропологии // О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960; *Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
27. *Барзбиев М.И.* Этнокультурные связи балкарцев и карачаевцев с народами Кавказа в XVIII – начале XX в. Нальчик, 2000.
28. *Батчаев В.М.* Элементы кобанской культуры в средневековой материальной культуре Северного Кавказа // Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974. Рукопись хранится в архиве Института археологии РАН. Фонд Р-2. Д. 2126; *Ковалевская В.В.* Местные традиции в до-мостроительстве Северного Кавказа // XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: Тезисы докладов. М., 1982; *Батчаев В.М.* Из истории традиционной культуры балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1986.
29. *Суюнчев Х.И.* Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. Черкесск, 1977.
30. *Кузнецов В.А.* Аланы и тюрки в верховьях Кубани // Археолого-этнографический сборник Кабардино-Балкарского НИИ. Нальчик, 1974. Вып. 1; *Он же.* Иранизация и тюркизация северокавказского субрегиона // Материалы и исследования по археологии России. М., 1997. Вып. 1. С. 153–176.
31. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть вторая о народах татарского племени. Перев. с нем. Издатель Миллер К.В. СПб., 1776. С. 49.
32. *Калоев Б.А.* Аланский субстрат в этногенезе балкарцев и карачаевцев по данным этнографии // От скифов до осетин: Материалы по осетиноведению. М., 1994. С. 83–97.
33. *Калоев Б.А.* Указ. соч. С. 84–85.
34. Там же. С. 87–88.
35. Там же. С. 88.

V.A. Fomenko

THE ETHNONYM «ALAN» AND THE MODERN KARACHAI AND BALKAR APPEAL

The time and reasons for the appearing of the endoethnonym «alan /alanla» with the Karachai and Balkar people have been determined in the article. Some more development and the modern state of the Karachai and Balkar ethnic history problems have also been touched on.

Keywords: North Caucasus, the Alan ethnonym, the Karachai and Balkar greeting «alan /alanla», the depolitization problem of the ethnic history research.

УДК 94 (470.64)

А.Х. Кармов

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена анализу сложившейся ситуации в Кабардино-Балкарии в первый период Великой Отечественной войны. В ней рассматриваются проблемы мобилизации материальных, духовных и физических сил народов республики на борьбу против врага.

Впервые в республиканской историографии поднимается вопрос о роли военных властей в управлении республикой в период активных боевых действий на территории Кабардино-Балкарии.

Ключевые слова: война, фашистская Германия, мобилизация, добровольцы, народное ополчение, перестройка экономики, оборонительные сооружения, военные власти, эвакуация, партизанские отряды.

70-летие разгрома немецко-фашистской Германии с ее сателлитами и победа советского народа в Великой Отечественной войне имеет всемирно-историческое значение и была обеспечена единством фронта и тыла, армии и народа, неиссякаемой верой в победу народов Советского Союза над ненавистным врагом, которая сложилась с первых дней Великой Отечественной войны. Эта война была самой тяжелой, самой жестокой и самой кровопролитной, которую знало человечество; 1418 дней и ночей советский народ и его вооруженные силы вели смертельную борьбу с целым рядом фашистских государств во главе с Германией. И эта героическая борьба советского народа с коричневой чумой XX века явилась не только неотъемлемой частью Второй мировой войны, но и ее апогеем.

Для скорейшей мобилизации материальных и людских ресурсов на разгром врага 30 июня 1941 г. Президиумом Верховного Совета СССР, Центральным Комитетом ВКП(б) и Советом Народных Комиссаров СССР было принято решение о создании Государственного комитета обороны во главе с И.В. Сталиным; 3 июля 1941 г. от имени руководства страны И.В. Сталин обратился к советскому народу с развернутой программой всенародной борьбы против немецко-фашистских захватчиков. Эта программа стала основой деятельности руководящих органов власти Кабардино-Балкарии в годы войны.

Трудящиеся Кабардино-Балкарии горячо восприняли программу всенародной борьбы с гитлеровскими агрессорами. Во всех городах и населенных пунктах республики прошли митинги и собрания, на которых участники антифашистских сходов клеймили позором немецких захватчиков. Так, в резолюции собрания партийного актива, состоявшегося 4 июля 1941 г., коммунисты г. Нальчика объявили себя мобилизованными и обязались немедленно перестроить всю работу на военный лад, все подчинить интересам фронта и задачам разгрома врага. Они поклялись удовлетворить все нужды Красной Армии, чтобы добиться победы над врагом, посягнувшим на нашу страну¹. На заседании бюро обкома партии 22 июня 1941 г. было принято решение обеспечить безусловное выполнение наркоматами республики мобилизационных планов и нарядов для армии в установленные сроки².

23 июня 1941 г. начали работать призывные пункты Кабардино-Балкарской АССР. На призывные пункты приходили люди разного возраста, те, которые

должны были призываться по повестке военкомата, и те, которые по разным причинам, чаще всего – по состоянию здоровья, не подлежали призыву.

Одним из главных направлений деятельности партийных и государственных органов власти республики на начальном этапе войны явилось формирование и обучение военному делу отрядов народного ополчения и истребительных батальонов для Красной Армии. Тысячи ополченцев и бойцов истребительных батальонов, прошедшие учебу в республике, пополняли ряды действующей армии. В соответствии с постановлением ГКО СССР с 1 октября 1941 г. вводилось обязательное военное обучение граждан СССР мужского пола в возрасте от 16 до 50 лет.

Военная учеба, начатая с первых дней войны в отрядах народного ополчения и истребительных батальонах, после принятия упомянутого постановления ГКО стала проводиться более организованно и планомерно. В районе г. Прохладного был организован военно-учебный пункт по подготовке и отправке на фронт маршевых батальонов из числа мобилизованных уроженцев Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР, а также части Ставропольского края³. На предприятиях, в колхозах, МТС и учреждениях проводилась подготовка населения к противовоздушной и противохимической обороне.

В первые месяцы войны свыше пяти тысяч молодых людей Кабардино-Балкарии обратились в военкоматы с просьбой о направлении их в действующую армию⁴. Среди них было немало женщин, которые добивались отправки на фронт добровольцами в качестве санитарок, медсестер и врачей. Особенно высоко было стремление молодежи уйти добровольцами на войну. «Более трети членов комсомольской организации республики в первые же дни войны добровольно пошли в ряды защитников Родины»⁵. В начале войны много молодежи пошло в различные специальные отряды, создаваемые для борьбы с врагом. Так, в лыжные отряды Красной Армии из Кабардино-Балкарии было направлено 390 человек. Для службы в частях зенитной обороны и связи в действующую армию было мобилизовано 400 добровольцев; 1625 молодых граждан окончили курсы телеграфистов и телефонистов. В военно-воздушные части было направлено 250 человек⁶.

В октябре 1941 г. ГКО СССР принял постановление об организации Нальчикского комитета обороны, который был создан руководством республики 25 октября. Он сосредоточил в своих руках всю полноту государственной власти в республике на период войны. Перед комитетом обороны встали многочисленные вопросы, связанные с мобилизацией материальных и людских ресурсов на разгром врага.

Ключевым вопросом перевода экономики на военные рельсы явилась замена квалифицированных специалистов, ушедших на фронт. Причем этот процесс должен был быть осуществлен без остановки производственного цикла. Этим обстоятельством было обусловлено развернувшееся движение женщин по овладению мужскими профессиями. Оно началось на Нальчикском гидротурбинном заводе, где группа работниц предприятия обратилась через газету к женщинам Кабардино-Балкарии с призывом занять рабочие места ушедших на фронт мужчин. Благодаря трудовому героизму населения республики промышленные предприятия, заводы и фабрики, колхозы, совхозы и МТС не только продолжали работать, но и наращивали темпы производства и осваивали выпуск новой продукции военного назначения.

Решению кадрового вопроса способствовало широкое распространение движения двухсотников, т.е. людей, выполнявших нормы на 200%. Так, на кондитерской фабрике в рядах двухсотников насчитывалось до 30% всех рабочих, на мелькомбинате – до 40%, на маслозаводе – 45%⁷. Эта форма новаторства и трудового соперничества, появившаяся в промышленности, распространилась и в сельском хозяйстве. Одними из первых двух-трехсотников в этой отрасли производства

стали комбайнеры Ерижоков, Бекишев, Нина Михайлец и др. К ноябрю 1941 г. в сельском хозяйстве работало более 400 двухсотников и 150 комсомольско-молодежных фронтовых звеньев по уборке урожая⁸. Все это позволило на многих предприятиях промышленности и сельского хозяйства при меньшем числе рабочих и колхозников не только сохранить довоенный уровень выпуска промышленной и сельскохозяйственной продукции, но и превзойти его.

Одновременно шел процесс перестройки промышленных предприятий на выпуск продукции военного заказа. Только что вступивший в строй в сентябре 1940 г. Тырнаузский вольфрамо-молибденовый комбинат давал уже ценнейшие металлы, необходимые для производства оружия и боевой техники. Кроме этого, здесь же был налажен выпуск боевых гранат.

На Нальчикском гидротурбинном заводе ремонтировали танки, автомашины, отливались блиндажные печи, изготавливались котлы для походных кухонь, боеприпасы. Ремонт подбитых танков и другой военной техники осуществлялся на Прохладненском мотороремонтном заводе, вошедшем с 28 сентября 1941 г. в состав ремонтной базы № 12 Главного автобронетанкового управления Советской Армии⁹. Лескенский фанерный завод поставлял фанеру авиационной промышленности. Предприятия пищевой промышленности отправляли на фронт мясные и овощные консервы, пищевые концентраты, хлебобулочные изделия и многое другое.

На Докшукинском ацетано-бутаноловом заводе производился спирт для военно-технических целей. На промышленных предприятиях г. Нальчика: мясокомбинате, заводе «Чинар» и кондитерской фабрике – было налажено производство зажигательных бутылок¹⁰. Лозунг «Все для фронта, все для победы!» стал основополагающим принципом жизнедеятельности граждан Кабардино-Балкарии, как и по всей стране, в годы Великой Отечественной войны.

Косени 1941 г. сложилась реальная угроза проникновения немцев на территорию Северного Кавказа. Враг прорвался на юг и 21 ноября 1941 г. захватил Ростов-на-Дону, из которого он был выбит войсками Красной Армии в ночь с 28 на 29 ноября. Однако угроза новой попытки наступления немцев на Кавказском направлении не миновала. Предвидя возможный прорыв немцев на южном направлении, 13 октября 1941 г. Государственный Комитет Обороны СССР принял постановление о создании оборонительного рубежа в районе Кабардино-Балкарской АССР. Совместное заседание бюро обкома ВКП(б) и Совнаркома КБАССР, состоявшееся 5 ноября 1941 г., обсудило данное постановление и приняло развернутое решение о проведении оборонительных работ на территории Кабардино-Балкарии. Было постановлено: а) приступить с 1 ноября 1941 г. к проведению оборонительных работ в районе Солдатской по направлению г. Прохладного на протяжении 30–35 километров; б) мобилизовать сроком на 40 дней для проведения оборонительных работ местное население в возрасте: мужчин от 16 до 50 лет, женщин – от 18 до 40 лет (30%), в порядке платной трудгужповинности в количестве 30–40 тыс. человек; в) мобилизовать для проведения оборонительных работ автогужтранспорт в количестве 5 тыс. подвод, автомашин – 50 с шоферами, тракторов – 120; г) сформировать мобилизуемое население в отделения, взводы, роты и батальоны и назначить на каждое подразделение командира, комиссара и политрука и т.д. Особое внимание обращалось на соблюдение трудовой дисциплины, В обязанность прокурора республики вменялось «...привлекать к ответственности по законам военного времени всех уклонившихся от трудгужповинности и дезертировавших с места работы¹¹».

27 ноября 1941 г. состоялся VII пленум Кабардино-Балкарского обкома партии, который обсудил вопрос об очередных задачах партийной организации по усилению роли коммунистов в выполнении военно-хозяйственных задач. Одновременно пленум указал на необходимость более четкой работы по подготовке

боеспособных вооруженных отрядов народного ополчения, освоению военной техники, организации учебы в подразделениях всеобща и подготовке населения к противовоздушной и противохимической обороне.

На этом же пленуме были подведены первые предварительные итоги перевода экономики республики на военные рельсы в условиях начавшейся войны. Были отмечены положительные сдвиги в этом направлении. Особо подчеркивалась необходимость реализации решения ГКО по строительству оборонительного рубежа, для чего было мобилизовано на его сооружение более 25 000 чел. и 2300 подвод.

Предусматривалось строительство оборонительных сооружений в районе Нальчика¹². Продолжалась мобилизация материальных и людских ресурсов на строительство Солдатско-Прохладненской линии обороны, которое было завершено в установленные сроки. Порядок содержания построенных оборонительных объектов в надлежащем состоянии был определен Нальчикским комитетом обороны. В постановлении от 31 марта 1942 г. он возложил ответственность за сохранность оборонительных сооружений на местное население, на территории которых они были возведены. В дополнение к этому постановлению 13 мая того же года было принято решение «О проведении маскировочных, ремонтных и восстановительных работ по объектам оборонительных сооружений». Оно обязывало руководителей Прохладненского, Майского, Терского и Курпского районов «<...> в срок до 1 июня с/г произвести засев брустверов противотанковых рвов и эскарпов, засев поверхностей земляного укрытия всех сооружений рубежа, а также необходимую маскировку объектов в зависимости от местности в соответствии с указанием комендатуры № 61 СКВО (г. Прохладный)»¹³.

В первые же месяцы войны под угрозой вражеской оккупации оказались западные и северо-западные районы страны. В связи с этим из этих районов на восток было эвакуировано огромное количество людей. В Кабардино-Балкарию приехали около 16 500 человек. Среди них были выдающиеся деятели науки и культуры, старейшие работники Московского художественного академического театра, Малого академического театра, в том числе В.И. Немирович-Данченко, В.И. Качалов, О.Л. Книппер-Чехова, И.М. Москвин, А.К. Тарасова. Вместе с ними приехали известные композиторы С.С. Прокофьев, Н.Я. Мясковский, знаменитые музыканты-исполнители К.Н. Игумнов, А.Б. Гольденвейзер, писатели В.В. Вересаев, И.А. Новиков и др. Несмотря на огромные трудности военного времени, им были созданы все необходимые условия для плодотворной творческой работы. Московская группа интеллектуалов находилась в Нальчике с мая по ноябрь 1941 г., а затем выехала в Тбилиси. Перед отъездом она обратилась с письмом в обком партии и правительство республики со словами искренней благодарности за исключительное внимание, оказанное ей в период нахождения в Нальчике.

В апреле 1942 г. в Нальчик прибыл коллектив преподавателей и студентов Ленинградского института физической культуры и имени П.Ф. Лесгафта. Для учебных занятий ему было выделена часть помещения Кабардино-Балкарского пединститута. Преподаватели и студенты института имени П.Ф. Лесгафта вели большую работу по военно-спортивной подготовке населения на пунктах всеобща.

До оккупации территории Кабардино-Балкарии немцами «<...> в республике было расположено 16 эвакуогоспиталей с общей пропускной способностью в 13 тыс. койко-мест. С июня 1941-го по октябрь 1942 г. через эвакуогоспитали прошли 60 тыс. раненых и больных воинов Советской Армии»¹⁴.

Московские деятели культуры выступали с концертами перед населением города и ранеными солдатами в госпиталях, размещенных в городе. Выдающиеся композиторы работали над своими музыкальными произведениями. Основная же масса эвакуированных в КБР граждан была распределена по районам и населенным

пунктам республики. Следует подчеркнуть, что трудоустройство столь большого количества эвакуированных людей, обеспечение жильем и питанием, организация их быта стали одними из главных задач руководителей республики.

Вопрос «О состоянии размещения и трудоустройства эвакуированного населения в республике» рассматривался на заседании обкома партии 26 января 1942 г. Были подвергнуты острой критике органы власти на местах за крупные просчеты в трудоустройстве эвакуированных граждан, организации быта, налаживании медицинского обслуживания и т.д. Бюро обкома партии приняло постановление, в котором было предложено горкому, райкомам ВКП(б), гор- и райисполкомам обеспечить организацию трудоустройства эвакуированных путем подготовки из них кадров массовых квалификаций для колхозов, совхозов и промпредприятий; организации дополнительных мастерских по бытовому обслуживанию населения, значительно улучшив их бытовые условия¹⁵.

В годы Великой Отечественной войны ухудшилось и без того тяжелое положение крестьянства; 13 апреля 1942 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней» и «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей»; 25 апреля 1942 г. на заседании обкома партии эти постановления были обсуждены и приняты к руководству. Для их реализации Совнарком и обком партии разработали развернутый план, в котором предусматривалось увеличение трудодней на каждого колхозника до 120 в году. Исключение составляли несколько колхозов, располагавшихся в горных труднодоступных местностях. В этих колхозах минимум трудодней на одного колхозника был определен на уровне 80. Причем определенное количество трудодней необходимо было выработать в фиксированный период времени. Так, например, колхозники колхоза им. Кагановича Нагорного района должны были выработать до 1 июня не менее 15 трудодней; с 1 июня по 1 августа – 25; с 1 августа по 1 октября – 25. Остальные 45 трудодней могли быть выработаны после 1 октября в любое время.

В соответствии с постановлением о порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы городские жители, не занятые на промышленных предприятиях, заводах, фабриках, транспорте и т.д. были привлечены к сельхозработам. Также были мобилизованы учащиеся неполных средних и средних сельских и городских школ, студенты техникумов и вузов (за исключением выпускных курсов института).

Бюро обкома партии предложило наркому юстиции обеспечить рассмотрение народными судами всех дел, связанных с невыполнением постановления Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 25 апреля 1942 г. в десятидневный срок и приговоры по этим делам приводить в исполнение немедленно¹⁶.

По ходатайству руководства республики 13 ноября 1941 г. ГКО СССР принял постановление о формировании в Кабардино-Балкарской АССР кавалерийской дивизии численностью в 3500 сабель. 14 ноября 1941 г. состоялось заседание Нальчикского комитета обороны, на котором была создана республиканская комиссия во главе с председателем Совета Министров КБАССР Х.К. Ахоховым. В нее вошли Ильинич, Уянаев, Бронзов, Филатов, Хараев, Сасиков. При райкомах партии были созданы аналогичные комиссии в составе первых секретарей райкомов партии, председателей райисполкомов, начальников райотделов НКВД и райвоенкомов, на которых возлагалась вся полнота ответственности за своевременное и качественное выполнение нарядов, получаемых от республиканской комиссии по формированию национальной кавалерийской дивизии. Нальчикский комитет обороны принял специальное постановление о подготовке командного состава 115-й кавдивизии. В рамках его реализации с 1 по 10 декабря 1941 г. был проведен сбор командно-политического состава запаса. Обеспечение сбора преподавательским составом и учебными пособиями поручалось генерал-майору

Ивановскому, начальнику Урюпинского пехотного училища, которое в то время дислоцировалось в Шалушке и Нальчике. Особое внимание уделялось боевой учебе и политической подготовке личного состава формируемой 115-й кавдивизии, 90% которого ранее не служило в армии.

Следует подчеркнуть, что все население Кабардино-Балкарии участвовало в подготовке этого воинского формирования. Колхозы и совхозы республики выделили три тыс. прекрасных кабардинских скакунов. Среди трудящихся было собрано, а также изготовлено на промышленных предприятиях республики 62 250 различных предметов снаряжения и обмундирования: седла, кинжалы, клинки, бурки и т.д.¹⁷

2 мая 1942 г. Кабардино-Балкарская национальная кавалерийская дивизия была принята в состав Красной Армии как боевая единица, а 10 мая 1942 г. по приказу советского командования дивизия выступила на фронт. Она принимала активное участие в оборонительных боях под Сталинградом летом и осенью 1942 г. Многие бойцы и командиры этой дивизии с боями прошли почти всю Европу и завершили свой боевой путь в освобожденных ими от немецких фашистов странах Европы.

После поражения советских войск под Харьковом в мае 1942 г. и выхода противника на Волгу и Северный Кавказ немецкое командование приступило к осуществлению плана непосредственного овладения Кавказом под кодовым названием «Эдельвейс»; 25 июля 1942 г. гитлеровские войска перешли в наступление на направлениях Сальск, Ставрополь, Краснодар. Войска Южного фронта под натиском превосходящих сил противника вынуждены были отходить с боями на юг и юго-восток. Немецко-фашистские войска за 25 и 26 июля продвинулись на кавказском направлении на 80 км. Боевые действия на Северном Кавказе в конце июля – начале августа приобрели ожесточенный характер. Немецкое командование сосредоточило крупные силы на Грозненско-Бакинском направлении и начало наступление; 5 августа 1942 г. немцы захватили Ставрополь, 10 августа – Минеральные Воды и Пятигорск. Утром 13 августа подразделения 2-й гвардейской стрелковой дивизии вступили в бой с немецко-фашистскими захватчиками в районе сел. Куба КБАССР. В эти дни немцы захватили несколько районов республики: Зольский, Кубинский, Нагорный, Прималкинский, часть Баксанского и Прохладненского¹⁸.

В связи с возросшей угрозой захвата Нальчика немецкими оккупантами 17 августа бюро обкома партии приняло решение о форсировании строительства оборонительных рубежей в районе г. Нальчика. Была создана специальная тройка в составе: Ахохова (председатель), Кудаева, Цавкилова, Егорова; она должна была выявить все имеющиеся ресурсы и использовать их для строительства оборонительных сооружений¹⁹; 25 августа бюро обкома партии приняло очередное постановление «О мобилизации населения на оборонительные работы и их проведение с использованием опыта организации строительства оборонительных сооружений осенью и зимой 1941 г.».

7 августа 1942 г. Военный Совет Закавказского фронта принял постановление № 047 о немедленном введении военного положения на территории Северокавказских республик, в том числе и Кабардино-Балкарии. Оно было введено в действие по телеграфу²⁰; 12 августа последовало очередное постановление за № 050, согласно которому устанавливался порядок эвакуации из Орджоникидзевского края*, Дагестанской, Северо-Осетинской, Кабардино-Балкарской и Чечено-Ингушской АССР.

В нем предусматривалось: 1. В пределах 10-километровой зоны от передовой линии фронта местные организации и население предупреждаются об эвакуации командованием дивизий (бригад).

* В марте 1937 г. после смерти Серго Орджоникидзе Северо-Кавказский край был переименован в Орджоникидзевский. В начале 1943 г. это решение было отменено, и край получил нынешнее название – Ставропольский.

2. Вопрос об эвакуации в 25-километровой зоне от передовой линии решается Военным Советом Армий, а в зоне 75-километровой – Военным Советом Северной группой войск Закавказского фронта.

3. О всех мероприятиях, связанных с проведением эвакуации, докладывается вышестоящим инстанциям.

4. Эвакуация проводится местными органами советской власти по разработанному ими плану после согласования с соответствующим военным командованием²¹.

В действительности же местная власть должна была обеспечить выполнение решений военных властей по всем вопросам жизни и деятельности населения в прифронтной полосе.

К такому развитию событий готовился Нальчикский комитет обороны; 8 августа 1942 г. он утвердил ориентировочный план эвакуации 5518 т различного промышленного оборудования и 35 356 человек²².

С согласия военных властей были определены основные маршруты эвакуации материальных и людских ресурсов республики. Однако стремительный ход военных действий на Северокавказском направлении внес свои коррективы в эвакуационный план, и он был реализован не в полном объеме. Тем не менее из 66 наиболее крупных предприятий республики к 25 августа 1942 г. было эвакуировано 15, в том числе Тырнаузский вольфрамово-молибденовый комбинат²³. Многие из них были демонтированы, а оборудование этих предприятий эвакуировано в Баку.

Эвакуировалась значительная часть населения республики. По неполным данным в республиках Средней Азии и Кавказа оказалось около 7650 человек²⁴.

Предпринимались меры по эвакуации сельскохозяйственных продуктов колхозов, совхозов, государственных учреждений. Так, с Муртазовского элеватора было отгружено в глубь советской страны свыше 350 тыс. пудов хлеба. Также эвакуировали сельскохозяйственные машины. Из 1080 тракторов, имевшихся в республике, было эвакуировано своим ходом 362; 218 тракторов сданы воинским частям на месте, остальные были разобраны по частям, которые закопаны в землю²⁵.

В плане эвакуации, утвержденном 12 августа 1942 г., предусматривалось перемещение «гуртов скота гоним по грунтовым дорогам и тропам <...> из района Прохладное, Баксан, Нальчик на Бабугент, перевал Шара-Зцак, Кутаиси»²⁶. Однако в силу сложившихся обстоятельств он не был реализован. В связи с этим 22 сентября 1942 г. обком партии и Совнарком обратились с закрытым письмом к секретарям райкомов ВКП(б) и председателям исполкомов райсоветов депутатов трудящихся, в котором они настоятельно рекомендовали «немедленно начать перегон всего наличного скота <...> за исключением рабочих лошадей и волов, которые остаются в колхозе для выполнения текущих сельскохозяйственных работ и при наличии угрозы оккупации территории – последних также эвакуировать»²⁷.

Еще до начала оккупации территории республики в некоторых колхозах был роздан колхозникам общественный скот по разным причинам как то: под сохранные записки, в порядке ликвидации бескоровности или оказания помощи колхозникам и по другим мотивам. Были и случаи самовольного захвата скота отдельными колхозниками. В связи с этим 3 октября 1942 г. обком партии и Совнарком потребовали от местных органов власти немедленно, в течение двух дней, собрать весь скот, поставить на фермы и эвакуировать по плану²⁸.

8 октября 1942 г. Военный Совет Закавказского фронта, на котором присутствовал секретарь обкома партии З. Кумехов как приглашенный, принял постановление № 0140. В нем было записано: «Учитывая, что все оставшееся поголовье скота колхозов Кабардино-Балкарской АССР впредь содержать из-за отсутствия кормов не представляется возможным, что колхозы Кабардино-Балкарской АССР уже выполнили мясопоставки государству за 1943 год, Военный Совет фронта постановляет:

1. Разрешить Совнаркому Кабардино-Балкарской АССР сдать на довольствие 37-й и 9-й армиям – овец 90 тыс. голов, или в переводе на убойный вес 22 500 центнеров мяса и крупного рогатого скота 5 тыс. голов, или в переводе на убойный вес 10 тыс. центнеров мяса, с обязательным возвратом колхозам Кабардино-Балкарской АССР указанного количества скота по окончании войны в стране за счет фондов государства.

2. Обязать Совнарком Кабардино-Балкарской АССР обеспечить кормами оставшееся поголовье скота колхозов после сдачи армиям, а также содержание в безопасности от военных действий в районах республики, особо обратив внимание на сохранение ценного племенного поголовья.

3. Просить Зам. Председателя СНК СССР тов. Микояна утвердить настоящее постановление²⁹.

В данном документе четко прослеживается требование военных властей сохранить поголовье скота не за пределами республики, а внутри ее. Трудно понять мотивы такого решения накануне оккупации г. Нальчика немецко-фашистскими захватчиками.

На заседании бюро обкома партии и Совнаркома КБАССР 16 октября 1942 г. это постановление было продублировано и определены места размещения скотопоголовья колхозов: а) Лескенского, Курпского и Терского районов – на предгорных участках сел. Лескен-2 и Ерроко Лескенского района; б) Урванского района – в сел. Жемтала и Зарагиж; в) Баксанского района – в районе сел. Лечинкая Нальчикского района; г) Эльбрусскому, Чегемскому, Х.-Безенгиевскому и Черекскому районам разместить скотопоголовье колхозов в безопасных местах внутри своих районов³⁰. Этим же постановлением была утверждена разнарядка на сдачу государству скота районами Кабардино-Балкарской АССР³¹.

Данное постановление крайне противоречиво. Непонятно, откуда взялись данные о том, что к началу октября 1942 г. план мясopоставки государству за 1943 г. республикой был выполнен.

Следует иметь в виду, что в зоне боевых действий обеспечение личного состава воюющих частей продовольствием возлагалось на местную власть. И, надо полагать, что в ходе боевых действий на территории Кабардино-Балкарии подобные решения принимались не впервые. В этих условиях местные органы власти нерешительно и непоследовательно проводили эвакуацию населения и имущества республики, ожидая каких-то новых указаний. Этот факт был отмечен на XVIII кабардинской областной партийной конференции в декабре 1946 г.³²

Осторожность и нерешительность местных властей в принятии самостоятельных решений по животрепещущим вопросам республики объясняется всемерно усиливавшейся ролью военных властей, особенно после известного приказа № 227 от 28 июля 1942 г.

В результате реализации постановления Военного Совета Закавказского фронта в предгорных зонах республики сконцентрировалось большое количество скота. На первом этапе удавалось как-то организовать охрану и уход за ним. Но по мере проникновения немцев в глубь предгорной зоны республики положение обострялось. В связи с этим по заданию властей партизаны перегнали с летних Зольских и Нагорных пастбищ более 70 тыс. голов крупного рогатого скота через горные перевалы в Грузию³³.

Забегая вперед отметим, что в постановлении Совнаркома Кабардино-Балкарской АССР и бюро обкома ВКП(б) по вопросу «О ходе реэвакуации скота из Грузинской ССР и Дагестанской АССР» было отмечено, что «проверкой на местах в Грузинской ССР и Дагестанской АССР установлено по документам (количество. – А.К.) эвакуированного скота в 1942 г. из колхозов Кабардино-Балкарской АССР в Грузинскую ССР: лошадей – 26 голов, крупного рогатого скота – 812 голов, овец и коз 2952.; в Дагестанскую АССР: лошадей – 161 голов,

крупного рогатого скота – 287 голов, овец и коз – 2 300 голов»³⁴. Таким образом, из более чем 70 тыс. голов крупного рогатого скота, перегнанных в Грузию, документально были оформлены 812, а в Дагестан – 287.

По мере приближения линии фронта к границам Северного Кавказа для борьбы с немецко-фашистскими захватчиками были созданы партизанские отряды в республике. По данным обкома ВКП(б) и НКВД КБАССР, в июле-августе 1942 г. в республике из числа партийных, советских и комсомольских работников было организовано 8 партизанских отрядов общей численностью до 500 человек³⁵. По другим источникам, в республике было сформировано 11 партизанских отрядов³⁶.

Особенность деятельности партизанских отрядов в Кабардино-Балкарии определялась характером боевых действий в условиях предгорной зоны и высокогорья. Было признано целесообразным осуществлять боевые действия не в глубоком вражеском тылу, как это было в Белоруссии и на Украине, а «находиться при воинских частях и выполнять приказы их командования»³⁷. Тем не менее партизаны действовали и в тылу врага, и на линии фронта вместе с военными. Так, в донесении политотдела 9-й армии в Политуправление Закавказского фронта от 3 сентября 1942 г. говорилось: «В настоящее время по Кабардино-Балкарской АССР 5 партизанских отрядов находятся и действуют в тылу противника. Эльбрусский партизанский отряд совместно с тремя отрядами войскового подразделения 37-й армии ведет борьбу с десантом противника, который был выброшен в Заюково 31 августа сего года с целью отрезать Баксанское ущелье»³⁸.

С первых дней начала боевых действий на территории республики партизаны Кабардино-Балкарии активно включились в борьбу против немецких захватчиков. Так, 25 августа 1942 г. Баксанский партизанский отряд совершил налет на военный склад, расположенный в сел. Баксаненок. Без потерь отряд вернулся на свою базу с богатыми трофеями.

18 сентября 1942 г. группа партизан Нагорно-Зольского отряда напала на румынское подразделение, которое заготавливало сено между сел. Верхний Куркужин и Сармаково. В результате было убито 6 оккупантов и ранено 4, захвачено 20 подвод, 5 винтовок. В штаб 2-й гвардейской стрелковой дивизии были доставлены 3 пленных с картами и документами, изъятыми у последних³⁹.

Первым крупным боевым успехом партизан Кабардино-Балкарии явилось нападение на гитлеровский гарнизон, располагавшийся в сел. Каменномостском, центре Нагорного района. Операция тщательно была спланирована. К ее проведению были привлечены Нагорно-Зольский, Баксанский, Кисловодский партизанские отряды, а также войны 2-й гвардейской стрелковой дивизии. По данным руководства партизанского движения республики, в этом бою погибли 160 солдат и офицеров врага, ранение получили более 30 чел. Не обошлось без потерь и со стороны партизан: были убиты секретарь Кубинского райкома партии Бот Кодзев и партизан Малкаров, 6 человек получили ранения. Убитых героев партизаны на руках унесли в горы и похоронили в сел. Гунделен. Группа партизан, отличившаяся в этом бою, была награждена орденами и медалями СССР.

После разгрома немецкого гарнизона в Каменномостском было принято решение об объединении партизанских отрядов Прохладненского, Баксанского и Нагорно-Зольского районов. Оно было осуществлено 15 октября 1942 г. Командиром объединенного отряда был утвержден бывший председатель Прохладненского райисполкома Г.М. Царяпин, комиссаром – Ч.К. Кудаев. 17 октября областной комитет партии образовал подпольный обком ВКП(б) во главе с А.Ш. Фокичевым. Боевой успех в разгроме военного гарнизона противника в Каменномостском воодушевил партизан на новые операции. Так, 1 ноября 1942 г. объединенный партизанский отряд вместе с партизанским отрядом г. Кисловодска

провел дерзкий налет на сел. Хабаз. В трехчасовом бою фашисты потеряли убитыми 82 солдата и офицеров, ранеными – 3. Вскоре после этой операции по приказу руководства партизанским движением объединенный Кабардино-Балкарский партизанский отряд был передислоцирован в район Лескенского фанерного завода, где находилась его основная база.

В начале ноября 1942 г. почти вся территория республики была оккупирована немцами. В это время подпольный обком партии организовал выпуск листовки «За Советскую Кабардино-Балкарию», сыгравшей большую роль в мобилизации населения Кабардино-Балкарии на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками.

В отрыве от Кабардино-Балкарского объединенного партизанского отряда действовали самостоятельно партизаны Хуламо-Безенгийского, Эльбрусского и Терско-Курпского отрядов, которые внесли значительный вклад в дело борьбы с немецко-фашистскими захватчиками на территории республики. В ночь с 27 на 28 ноября партизаны осуществили очередное нападение на немецкий гарнизон, расположенный в сел. Верхняя Жемтала. Налет начался по общему сигналу. Партизаны вошли в село незаметно, перерезали телефонную связь с Нижней Жемталой, где находился другой немецкий гарнизон, выставили заслон для прикрытия отряда.

О нападении партизан на немецкий гарнизон в Верхней Жемтале стало известно немцам, расквартированным в Нижней Жемтале, и оттуда гитлеровцы кинулись на помощь атакуемому гарнизону. Однако это не помогло, более того, сами они оказались под перекрестным огнем партизан, и многие из них погибли. В операции, длившейся более двух часов, был убит 71 оккупант. В этом бою партизаны потеряли 1 бойца и 2 были ранены.

Следует особо подчеркнуть, что к осени 1942 г. на советско-германском фронте произошли колоссальные изменения в пользу Красной Армии. Военная экономика Советского Союза развивалась быстрыми темпами. Преимущество фашистской армии в вооружении и боевой технике в основном было ликвидировано. Наступательный потенциал гитлеровцев был исчерпан. На южном направлении 5 ноября 1942 г. на подступах к Орджоникидзе, в районе Гизель, враг был окончательно остановлен и перешел к обороне, которая длилась до 5 января 1943 г.

С началом стратегической наступательной операции Красной Армии под Сталинградом завершился первый период Великой Отечественной войны. Воодушевленные героизмом защитников Сталинграда, партизаны Кабардино-Балкарии значительно усилили натиск на врага. Они провели очередные налеты на гитлеровские гарнизоны. Так, 4–5 декабря 1942 г. партизаны объединенного Кабардино-Балкарского отряда вместе с войнами 37-й армии обрушились на немецкий гарнизон в сел. Лескен I, в котором находилось большое количество гитлеровцев. В результате боевых действий врагу был нанесен большой урон – уничтожено более 200 вражеских солдат и офицеров, захвачены 5 винтовок, 1 пулемет и доставлен в штаб 1 немец. В этом бою смертью храбрых погибли 17 партизан, ранение получили 5. 28 декабря 1942 г. партизаны Кабардино-Балкарии совместно с войнами 2-й гвардейской стрелковой дивизии нанесли новый удар немцам в сел. Верхняя Жемтала, в районе горы Тушу, и уничтожили 149 вражеских солдат и офицеров⁴⁰.

За период боевых действий партизан Кабардино-Балкарии было произведено 9 крупных налетов на вражеские гарнизоны. В результате этого было разгромлено 7 штабов противника, в том числе 2 батальонных и 1 дивизионный. Кроме этого, партизаны истребили свыше 700 гитлеровцев, взяли в плен 31 фашиста, захватили 10 пушек, 2 склада с боеприпасами, 2 цистерны с горючим, 5 тыс. снарядов, 5 автомашин, 9 мотоциклов, 10 тыс. патронов⁴¹ и т.д.

Анализ приведенных данных позволяет сделать вывод о том, что народы Кабардино-Балкарии, как и все народы Советского Союза, с первых дней войны

включились в смертельную борьбу против немецко-фашистских захватчиков. В ходе этой всенародной борьбы жители республики доказали свою верность идеалам свободы и независимости. Где бы ни находились наши земляки: на фронтах Великой Отечественной войны, на фабриках и заводах, на полях колхозов и совхозов, в рядах партизанских отрядов республики и отрядах сопротивления европейских стран – они приближали эту Великую победу своими ратными и трудовыми подвигами.

Примечания

1. Социалистическая Кабардино-Балкария. 1941. 6 июля.
2. Управление центра документации новейшей истории АС КБР (УЦДНИ АС КБР). Ф.1. Оп. 88. Д. 1. Л. 83–97.
3. Хакуашев Е.Т. Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Нальчик, 1978. С. 18.
4. Кабардинская правда. 1946. 23 февр.
5. УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 4. Д. 10. Л. 2.
6. Давыдов И.В. Партийная организация Кабардино-Балкарии в период Великой Отечественной войны. Нальчик, 1961. С. 20.
7. Там же. С. 26.
8. УЦДНИ АС КБР. Ф. 19. Оп. 4. Д. 60. Л. 7.
9. Хакуашев Е.Т. Указ. соч. С. 35.
10. Карданов А.Т. Рабочий класс Кабардино-Балкарии (1938–1980). Нальчик, 1984. С. 21.
11. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 378. Л. 2–3.
12. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 268. Л. 16–25.
13. УЦДНИ АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.
14. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1379. Л. 100.
15. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 427. Л. 6.
16. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 455. Л. 3–4.
17. Хакуашев Е.Т. Указ соч. С. 22–23.
18. История Кабардино-Балкарской АССР. Нальчик, 1967. С. 251. Т. 2.
19. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 487. Л. 1.
20. УЦДНИ АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
21. УЦДНИ АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.
22. УЦДНИ АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.
23. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1. Л. 11.
24. Хакуашев Е.Т. Указ. соч. С. 81.
25. Хакуашев Е.Т. Указ соч. С. 80.
26. УЦДНИ АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 4. Л. 3.
27. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 491. Л. 4.
28. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 504. Л. 1.
29. УЦДНИ АС КБР. Ф. 26. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.
30. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 495. Л. 2–3.
31. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 495. Л. 8.
32. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1381. Л. 143.
33. Давыдов И.В. Указ. соч. С. 86–87.
34. УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 602. Л. 6.
35. Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Нальчик, 1975. С. 287.
36. История многовекового содружества. Нальчик, 2007. С. 390.
37. Хакуашев Е.Т. Указ. соч. С. 131.
38. История многовекового содружества. С. 390.
39. УЦДНИ АС КБР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 4. Л. 50; Кабардино-Балкария в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Нальчик, 1975. С. 271–272.
40. УЦДНИ АС КБР. Ф. 45. Оп. 1. Д. 4. Л. 50 об.
41. Хакуашев Е.Т. Указ. соч. С. 140.

A.Kh. Karmov

**KABARDINO-BALKARIA IN A FIRST PERIOD
OF GREAT PATRIOTIC WAR**

The article is devoted to the analysis of the current situation in Kabardino-Balkaria in a first period of Great Patriotic war. In this article the problems of mobilization of material, spiritual and physical forces of people of republic are examined on a fight against an enemy.

First in republican historiography a question rises about the role of military authorities in a management by a republic in the period of active battle operating on territory of Kabardino-Balkaria .

Keywords: war, fascist Germany, mobilization, volunteers, folk militia, reorganization of economy, defensive works, military authorities, evacuation, guerrillas.

Л.Х. Сабанчиева

ИНСТИТУТЫ МАТЕРИНСТВА И ОТЦОВСТВА В ГОРСКОЙ СЕМЬЕ 20–30-х гг. XX в.

Статья посвящена проблеме принятия и отторжения принципов советской парадигмы материнства и отцовства горскими народами Кавказа, в частности, адыгами (черкесами), балкарцами и карачаевцами. Отслежена динамика трансформации изучаемых институтов под воздействием раннесоветских идеалов материнства и отцовства.

Ключевые слова: советская семейная парадигма, кавказские социокультурные традиции материнства и отцовства и их трансформация, медицинализация социальной проблемы материнства.

Советские социокультурные преобразования XX в. носили всеобщий характер, поскольку распространялись практически на все сферы человеческой жизни, включая формы семьи, модели семейных отношений, гендерные роли мужчин и женщин, в том числе и роли отца и матери.

Согласно традиционному представлению, долгое время господствовавшему не только в европейской сфере обыденного сознания, но и в науке, семья складывается из двух гетеросексуальных партнеров – мужчины и женщины, которые выполняют как генетическую, так и социальную функции, связанные с рождением и воспитанием детей¹. Современные социокультурные трансформации и новые репродуктивные технологии вносят определенные изменения в эти традиционные представления. Они существенно влияют на процесс становления институтов родительства – материнства и отцовства. В данной работе рассмотрим, каков был вклад советской семейной идеологии в этот процесс в целом, и в частности, в трансформацию институтов материнства и отцовства горской семьи.

Становление советской идеологии родительства не было прямолинейной дорогой, так как данная идеология основывалась на советском гендерном порядке, сформировавшемся под влиянием государственной гендерной политики, принципы которой модифицировались на разных этапах социалистического строительства в зависимости от государственных интересов.

Можно утверждать, что советская семья – ровесница революции: 18 и 19 декабря 1917 г. В.И. Лениным были подписаны декреты ВЦИК и Совнаркома РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» и «О расторжении брака». Были провозглашены свобода заключения брака и развода, полное равенство личных и имущественных прав мужа и жены, уравниены права внебрачных детей с детьми, рожденными в браке. Положения декретов развили первый советский семейный Кодекс, принятый в 1918 г. А в 1920 г. семья получила право свободно решать вопрос о числе детей: официально было разрешено прерывание беременности в больничных условиях – в противовес всякого рода «способам», которые практиковались еще с дореволюционных времен, уродуя и калеча женщин. Все это означало секуляризацию брачного процесса, т.е. отстранение церкви от решения вопросов брака и семьи.

Предпринимаемые меры, базировавшиеся на перечисленных нормативных актах, свидетельствовали о том, что на первоначальном этапе основным принципом семейной политики являлся принцип эмансипации женщин. В подтверждение

данного принципа можно привести высказывание главного советского идеологического стратега В.И. Ленина: «Возьмите положение женщины, ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала в этом отношении и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на камне на тех подлых законах о неравноправии женщин, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т.п., – законах, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах к позору буржуазии и капитализма»².

Идеи женского равноправия наиболее четко артикулировали Инесса Арманд и Александра Коллонтай. По их представлениям, брак – любовный и товарищеский союз двух равных, свободных и одинаково независимых членов коммунистического общества. А. Коллонтай писала, что современная семья утратила свои традиционные экономические функции, а это означает, что женщина вольна сама избирать себе партнеров в любви. В 1919 г. вышел ее труд «Новая мораль и рабочий класс», основанный на сочинениях немецкой феминистки Греты Майзель-Гесс. А. Коллонтай утверждала, что женщина должна эмансипироваться не только экономически, но и психологически. Идеал «великой любви» («grand amour») труднодостижим, в особенности для мужчин, поскольку он входит в противоречие с их жизненными амбициями. Чтобы стать достойной идеала, личности следует пройти период ученичества в виде «любовных игр» или «эротической дружбы» и освоить сексуальные отношения, свободные и от эмоциональной привязанности, и от идеи превосходства одной личности над другой. Как видим, движущим мотивом сексуальной революции а-ля Коллонтай был протест против ограничений и запретов, налагаемых на сексуальную жизнь церковью и традиционной моралью.

А. Коллонтай полагала, что только свободные и, как правило, многочисленные связи могут дать женщине возможность сохранить свою индивидуальность в обществе, где господствуют мужчины (обществе патриархата). Приемлема любая форма сексуальных отношений, но предпочтительнее «последовательная моногамия», каждый раз основанная на любви или страсти, смена брачных партнеров, серийных отношений мужчин и женщин. Будучи наркомом государственного призрения с целью реализации своих идей она предпринимала практические шаги, например, А. Коллонтай устраивала общественные кухни, представляя их инструментом «отделения кухни от брака». Подобная практика перекликалась с некоторыми идеями В.И. Ленина, который, хотя и не разделял теорию и практику свободной любви, тоже придавал большое значение обобществлению материальной стороны быта, созданию общественных столовых, яслей, детских садов, которые он называл «образчиками ростков коммунизма». А. Коллонтай заботу о воспитании детей тоже хотела возложить на общество. Она предрекала, что со временем семья отомрет, и женщины научатся заботиться обо всех без разбора детях, как о своих собственных.

Молодое Советское государство на многие годы опередило остальные страны в эмансипации женщин. Другой вопрос: что вкладывалось в это понятие государством, для чего нужна ему была эмансипация, насколько это было выгодно самим женщинам и обществу? И как это в целом сказывалось на состоянии семьи и выполнении функций материнства и отцовства?

Анализ семейной идеологии и правовых документов первых лет советской власти обнаруживает некоторый перекокс, ущемляющий одну из сторон: женщина в соответствии с советской государственной идеологией выступала в качестве основного родителя. Идеология равенства, доведенная до абсолюта, нивелировала роль отца, и, как следствие, статус отцовства принижался. Судя по всему, во главу угла была поставлена государственная охрана материнства и детства,

государственная помощь многодетным и одиноким матерям. Давая оценку данной идеологии, современный исследователь приходит к следующему во многом справедливому выводу: «В отличие от матерей отцы не имели прав на государственную охрану их родительских интересов и государственную помощь многодетным и одиноким отцам. Отцовство не было включено как стандарт равноправия в сферу государственной протекции и покровительства. Сценарий мужской роли, разработанный властью, делает акцент на внесемейных характеристиках мужчины, последовательно отчуждая его от семьи. В условиях патриархата мужчина в первую очередь «вечный воин», возвращающийся к семейному очагу не для того, чтобы объединиться с семьей, но чтобы передохнуть между перманентными сражениями»³.

Второй советский кодекс законов о браке, семье и опеке был принят в 1926 г. В целом кодекс продолжал либеральную традицию в сфере семейных отношений первых послереволюционных лет. Так, например, регистрация браков стала необязательной, поскольку кодекс признавал легитимными существующие фактические браки. При этом фактическим признавался брак, которому соответствовали следующие условия: «Факт совместного сожительства, наличие при этом сожительстве общего хозяйства и выявление супружеских отношений перед третьими лицами в личной переписке и других документах, а также, в зависимости от обстоятельств, взаимная материальная поддержка, совместное воспитание детей и пр.»⁴.

Вот на таком фоне предлагалось модернизировать и кавказскую семью. По своей форме она к тому времени находилась на стадии распада остатков больше семейной организации и преобладания нуклеарной, преимущественно моногамной семьи. Идеологическим основанием изучаемых нами семей адыгов (черкесов) и карачаево-балкарцев являлся синкрет адатов и норм шариата.

Проецируя весьма либеральную советскую семейную концепцию 20-х гг. XX в. на социокультурные семейные традиции кавказских народов, мы обнаруживаем их полное несовпадение. Вполне ожидаемо их неприятие социумом. В те годы (вплоть до начала коллективизации и индустриализации) сколь-нибудь зримого сближения двух семейных идеологий не отмечается. Наибольшее неприятие и конфликт вызывали, во-первых, попытки «обобществления» детей, их отрыв от традиционного семейного воспитания, во-вторых – вовлечение женщин, особенно матерей, в общественную жизнь.

Говоря о первой проблеме, необходимо напомнить, что социализация детей в традиционной северокавказской семье была гендерно-, сословно- и возрастнодифференцированной. Несмотря на известную дифференциацию, воспитание было семейным. Позиционно материнство и отцовство определялось и типом семьи: была ли она большой или нуклеарной. Особенностью всех типов традиционных северокавказских семей являлось то, что цементирующей силой в них были глава семьи и его супруга, которые пользовались большим авторитетом и уважением, поскольку важнейшим принципом семейного воспитания являлось уважительное отношение к родителям. Как отмечает Г.Х. Мамбетов, достигалось это «всей системой воспитания подрастающего поколения»⁵. Вот, как говорится, та «печка», от которой нужно плясать при описании роли отца и матери в горской семье.

Несмотря на наличие общих семейных ценностей изучаемых социумов, воплощенных в адыгских адатах Адыгэ хабзэ и карачаево-балкарских Тау адет и шариате, в целом структура и функции семьи определялись ее социальной принадлежностью и социально-экономической основой. В больших крестьянских семьях, доля которых в описываемый период уже не была определяющей, до достижения ребенком семи лет дети обоего пола находились в лоне материнского воспитания. Причем материнское воспитание зачастую осуществляла не мать, а старшая женщина в доме, т.е. бабушка. Обуславливалось это в основном экономическими причинами: молодая женщина-мать большую часть времени зани-

малась натуральным хозяйством. В больших семьях молодая мать обязана была соблюдать множество коммуникативных табу, часть из которых ограничивала ее свободу. Но и нуклеарные семьи еще долго находились в тесной экономической и психологической связи с отцовской семьей. Эти связи поддерживались и проксемикой поселений.

В малых крестьянских семьях положение молодой женщины-матери было иным: «Положение женщины в малой семье было и лучше, и хуже. С одной стороны, она становилась хозяйкой дома, и сама управляла домашним хозяйством, по своему усмотрению расходовала съестные припасы. В малой семье над ней главенствовал лишь муж (если с последним не жили его родители), который обычно не вмешивался в ее домашние дела. Но, с другой стороны, в то время как в семейной общине каждая женщина выполняла определенные обязанности, в малой семье на ее плечи ложились все домашние работы. В семьях, где с невесткой жила свекровь, положение молодой женщины облегчалось тем, что та помогала в воспитании детей и в домашней работе. В то же время свекровь ущемляла права невестки»⁶. Аналогичные явления можно было наблюдать у карачаево-балкарцев и у других соседних народов⁷. Характерной особенностью исследуемой семейной культуры было использование в качестве няньки старших сиблингов. В это время они, особенно девочки-подростки, естественным путем проходили школу отцовства и материнства.

В зажиточных семьях адыгов и карачаево-балкарцев воспитанием мальчиков (реже – девочек) занимались аталыки, правда, в описываемый период этот институт почти выродился, и ему на смену пришли различные учебные заведения, где в основном учились мальчики из обеспеченных семей. Что касается участия общества в воспитании детей, то оно осуществлялось спонтанно и перманентно в силу сложившихся этнических традиций. Позитивным результатом таких традиций было то, что никому не приходила в голову мысль обидеться на замечание любого члена социума на неэтичное поведение детей. Как видно, посеять и взрастить на такой почве весьма либеральную, даже по западным меркам, этику ранней советской семьи было весьма затруднительно.

Не были актуальны и некоторые другие положения советской семейной парадигмы: северокавказским социумом не могли быть восприняты и нормы, касающиеся регулирования деторождения, в частности, сексуальная свобода, разрешение аборт, уравнивание незаконнорожденных с законнорожденными. В сексуальной идеологии горцев сексуальность, прежде всего, ассоциировалась с воспроизводством. Хотя здесь надо оговориться, что под влиянием ислама семейная пара придерживалась принципа: жена не должна перечить мужу и в этом вопросе, т.е. сексуальная инициатива мужчины никем и ничем не должна ограничиваться. Данный принцип, естественно, не имеет ничего общего с сексуальной распушенностью ранней советской семейной идеологии. Что касается регулирования деторождения, то в описываемые годы о планировании семьи у северокавказцев не могло быть и речи: рожали столько, сколько даст Аллах, не были распространены и контрацептивы⁸. Наоборот, хорошо был развит институт повивальных бабок, приоритетным занятием которых являлось родовспоможение.

По мере укрепления государства и возрастания его потребностей в людских ресурсах в 20–30-х гг. в СССР происходит постепенный отход от свободных семейных отношений. В то время наиболее яркими и значимыми выразителями изменившихся предпочитаемых семейных ценностей становятся прежде всего Н.К. Крупская и А.С. Макаренко.

В связи с нашей темой наибольший интерес представляют педагогические сочинения Н.К. Крупской по проблемам семейного воспитания и быта, потому что в них она неоднократно затрагивает специфические, с ее точки зрения, проблемы «восточной» женщины. В вопросах о соотношении родительского и общественного воспитания она, можно сказать, занимала более умеренную позицию,

нежели либералки А. Коллонтай и И. Арманд, что, несомненно, делало ее более референтной общественной фигурой для горянок. Хотя Н. Крупская тоже придавала огромное значение различным формам общественного воспитания, которое, по ее представлениям, должно было осуществляться в дошкольных и школьных учреждениях, а также на различных детских площадках, она все же оставляла небольшое место и материнскому и отцовскому участию в воспитании детей. Об этом свидетельствует, например, содержание ее статьи «Важный бытовой вопрос» (1929). Н. Крупская, подвергает резкой критике содержание только что появившейся, как она выражается, «книжки» Л.М. Сабсовича «Города будущего и организация социалистического быта», где автор предлагает в целях обобществления детей оторвать их от родителей и поместить в «дома ребенка» подальше от семьи, где он проектирует особые поселения ребят – «детские городки». Н. Крупская полагала, что «подобные проекты могут лишь скомпрометировать дело общественного воспитания»⁹. Вместо проекта Сабсовича она предложила собственное видение общественного воспитания: в новых строящихся домах надо строить не детские комнаты, а детские этажи и секторы, в которых должны разместиться ясли, детский сад, комнаты для школьников, где они могли бы заниматься творчеством, проводить свой досуг, а также получать нужное руководство. При этом предполагается участие обоих родителей в социализации детей. «Необходимо, – писала Н. Крупская, – дежурство отцов и матерей. Надо, чтобы можно было в свободное время побыть с ребенком, поговорить с ним и пр. Детский сектор должен постепенно превращаться в детское общежитие. А родители, на глазах которых будет происходить воспитание их ребят, будут учиться делу воспитания. Детские секторы, детские общежития, где дети будут и питаться, и получать нужный уход, будут раскрепощать женщину. Дети перестанут быть для нее обузой. Будут складываться новые отношения между отцами и детьми»¹⁰. Таким образом, подразумевалось решить сразу несколько задач:

- 1) улучшить положение детей,
- 2) провести педагогический всеобуч родителей,
- 3) эмансипировать женщин,
- 4) наладить детско-родительские отношения.

Необходимо отметить, что поиски совершенных форм организации быта и соответствующих им решений жилой среды с целью уравнивания положения матери и отца в ведении домашнего хозяйства и участия в общественном производстве велись в СССР постоянно и долго. Позднее деятельность реформаторов была направлена не на создание каких-то, во многом декларативных правовых документов, а на изменение среды обитания и перераспределение семейных обязанностей родителей. К примеру, проекты 60–70-х гг. по характеру предлагаемых мер имели несколько противоречащих друг другу направлений¹¹.

Обращаясь к другим особенностям идеологии советской семьи раннего периода, отметим, что огромное значение Н. Крупская придавала проблеме вовлечения женщин-матерей в общественное производство и общественную деятельность. Через всю ее педагогическую идеологию красной нитью проходит мысль «найти живой провод от ее личных интересов к общественным», и тогда «через крестьянку-мать мы находим верный путь для борьбы с деревенской темнотой»¹².

Н. Крупская в работе по эмансипации женщин из, как тогда говорили, нацменьшинств, которым она уделяла особое внимание, ищет наиболее верный и короткий путь – эксплуатацию материнских чувств. Со всей откровенностью ею об этом было сказано в 1926 г. в одном из докладов на конференции по дошкольному образованию: «И если мы хотим, чтобы женщина нацменьшинств, которая стояла при царизме в худших условиях, чем остальные работницы и крестьянки, – чтобы она могла полностью развернуть свои силы, чтобы она полностью была вовлечена в общественную работу, необходимо начать с того, что ей особенно близко. А что

близко работнице и крестьянке, как не ее ребенок, с которым ей постоянно приходится иметь дело, о котором у нее постоянно болит душа и забота и внимание к которому ей особенно понятны и особенно задевают и будят ее мысль?»¹³.

На Северо-Западном Кавказе перестройка семейного быта, особенно его правовая сторона, требовала индивидуального и гибкого подхода. Здесь вплоть до середины 20-х гг. и даже позже сохранялись условия полиюридизма, когда шариатские и медиаторские суды решали гражданские, прежде всего, семейные дела на основе норм шариата и адатов. Поэтому первыми и главными задачами становятся выработка и правоприменительная практика нового советского семейного законодательства, способного вытеснить нормы шариата и адата. К примеру, начиная с 1920 г., Кабардинский окружной ревком установил уголовную ответственность за умыкание невесты, а также уплату и получение калыма¹⁴. В Адыгее облисполком предложил более радикальные меры, ужесточившие налагаемые санкции и расширявшие круг бытовых преступлений: наказывать за брак не только с малолетними, но и с недостижими установленным законом брачного возраста, считать многоженством не только гражданское, но и шариатское оформление нового брака без расторжения прежнего, не допускать примирения сторон, совершивших бытовые преступления¹⁵.

Постепенно созрел и Уголовный кодекс РСФСР (1928), в котором были сведены, унифицированы и распространены на территорию всех национальных автономий меры пресечений явлений, названных «пережитками родового быта»: похищение и принуждение к браку женщины, уплата и получение калыма, многоженство, брак с лицом, не достигшим брачного возраста или половой зрелости, кровомщение. В данный Уголовный кодекс была введена статья, разрешавшая возбуждать дела независимо от жалобы потерпевших, публичное обвинение, что было весьма актуально в свете менталитета местного населения, особенно женщин, не склонных к разрешению семейных конфликтов в судебном порядке.

Нужны были практические меры для воплощения закона в жизнь. Вслед за центром еще в начале 20-х гг. на окраинах начали создавать специальные структуры по работе среди женщин, охране материнства и младенчества (детства). Создаваемые женотделы в своей работе опирались на женский актив – постоянно действующие делегатские собрания женщин. В населенные пункты были посланы женорганизаторы, в основном русские специалисты, которые помогали устраивать новый быт. В национальных образованиях при исполкомах были созданы комиссии по улучшению труда и быта горянок и нацменок (КУТБ) в 1929 г., в дальнейшем в зависимости от социальных потребностей переименованные в комиссии по улучшению труда и быта трудящихся женщин (1929) и комитеты по улучшению труда и быта работниц и крестьянок.

КУТБ проводили мероприятия по борьбе с многоженством, умыканием, выдачей замуж молодых девушек за стариков; изучали местную специфику условий труда и быта, содействовали улучшению законодательства по защите прав женщин¹⁶. Они также занимались актуальными для горянок проблемами защиты интересов при разделе имущества, разводе, исках о взысканиях алиментов, защите родительских прав на детей. Если на микросоциальном уровне работу среди женщин проводили в небольших кружках, в бытовых секциях сельсоветов, то на мезо- и макроуровне работа по раскрепощению женщин осуществлялась на таких массовых мероприятиях, как национальные, межнациональные и общероссийские женские съезды и конференции. В изучаемом нами регионе первые женские конференции прошли в начале 20-х гг. Затем они стали регулярными.

Многое в деятельности КУТБ, кружков, съездов и конференций напрямую были связаны с функционированием института материнства, хотя, как отмечалось выше, на то существовали специальные государственные органы. В центре внимания была женщина-мать. «В кружках и клубах, а позднее – в бытовых секци-

ях сельсоветов осуществлялась обширная система мероприятий по культурно-просветительской работе среди женщин. Особое внимание обращалось на санитарное просвещение. С горянками проводились беседы о вреде традиционных религиозно-знахарских способов лечения и родовспоможения, им разъяснялись основы гигиены женщины и ухода за ребенком, бытовой санитарии и пищевого режима»¹⁷, – отмечала в этой связи известная исследовательница северокавказской семьи Я. Смирнова.

В 1923 г., как и во многих местах, при Нальчикском окрисполкоме был создан подотдел по охране материнства и младенчества¹⁸. В том же году была открыта первая консультация для женщин и детей. С большим трудом создавались первые дошкольные учреждения, в соответствии с советской идеологией призванные снять с матерей часть забот по социализации детей. Только в 1926 г. здесь было создано первое стационарное дошкольное учреждение. В 1928 г. в республике было всего 27 детских садов и площадок с 800 воспитанниками. Слабое развитие сети отчасти можно объяснить низким бюджетом и слабым уровнем подготовки специалистов дошкольного воспитания. Немаловажное значение имел и антогонистический характер советской и традиционной семейных идеологий. Некоторому улучшению первых двух вопросов в Кабардино-Балкарии способствовало решение бюро обкома ВКП(б) 1929 г. «О работе детплощадок», где предусматривалось дополнительное выделение средств на развитие дошкольных учреждений и подготовка дошкольных работников в педагогическом техникуме. В результате в 1932 г. в республике было 109 детских садов и площадок с охватом 5 тыс. человек, а к началу войны число дошкольных учреждений доросло до 180, в которых воспитывалось около 6 тыс. человек¹⁹.

Не лучше обстояло дело и в других местах. К числу причин непопулярности дошкольных учреждений у адыгейцев наблюдатели отмечали следующие факторы торможения: «Прежде всего черкешенка прикована к детям и дому, и ей нужды нет отдавать своих детей в ясли; с другой стороны, существует целый ряд условий, препятствующих ей расставаться с детьми: непривычное питание их, совместное их нахождение с детьми другой национальности, общение замужней женщины с посторонними лицами – все это не принято»²⁰. Как видим, в основе неприятия общественного воспитания лежат причины социального и этнокультурного характера. Следовательно, решила советская власть, их надо искоренить. И всю последующую историю советская власть боролась с так называемыми «пережитками родового быта», прошлого, к числу которых были отнесены калым, похищение невест, полигамия, ранний брак, обычай избегания и т.д.

Постепенно работа по созданию дошкольных учреждений улучшалась, но не наблюдалось широкого охвата детей. Этому препятствовала развернутая с обеих противоборствующих сторон непримиримая пропагандистская работа. Со стороны советской власти звучали прямолинейные, противные духу кавказца, слова о «закрепощенности» горянки в семье и необходимости ее освобождения от пут – детей, с противоположной стороны – тоже несправедливо преувеличенные страхи и слова о том, что детей отберут и уплатят ими контрибуцию, или заберут их в коммуны, или выдадут дочерей замуж на сторону т.п. Нам кажется, что все эти слухи были небеспочвенны: это были отголоски той чрезвычайно либеральной семейной идеологии «а-ля Коллонтай», о которой говорилось выше, абсолютно несовместимой с семейными ценностями северокавказских народов. В создавшихся условиях традиционные представления о материнстве входили в глубокое противоречие с новыми установками, активно внедрявшимися в повседневную практику и общественное сознание²¹.

В отличие от результатов открытия дошкольных учреждений, довольно успешным в деле охраны здоровья матерей и детей можно считать появление и ускоренное расширение сети медицинских учреждений, в том числе женских и детских консультаций, доселе невиданных в здешних краях, что еще не говорит

о полном отсутствии народных лекарей у изучаемых народов. Рост медицинских учреждений на Северном Кавказе в 1925–1931 гг. по оценке Я. Смирновой выглядит следующим образом²²:

Территория	1925 г.		1927 г.		1931 г.	
	Всего больничных учреждений	В том числе женских и детских консультаций	Всего	Консультаций	Всего	Консультаций
Адыгея	30	2	34	5	45	7
Карачай и Черкесия	31	1	14	1	26	3
Кабардино-Балкария	-	-	-	1	18	2
Северная Осетия	35	-	45	3	56	8
Чечня	14	1	-	-	41	6
Ингушетия	12	-	-	3	62	12
	7	-	16	2	22	3

Надо признать: к своей работе органы охраны материнства и младенчества (позже – детства) и комиссии по содействию им относились творчески. Арсенал применяемых методов и форм был довольно широк. Они способствовали созданию родильных домов и приютов, домов и уголков матери, женских и детских консультаций, «школ матерей» при них, ставились агитационные инсценировки и тому подобные мероприятия. Работа проводилась наглядно и на доступном языке. К примеру, в Адыгее условия проведения распространенных в те годы конкурсов «на здорового ребенка» побуждали матерей окончить «школу матерей» и регулярно посещать детскую консультацию²³.

Таким образом, был найден удачный прием воплощения советской семейной идеологии – медикализация проблемы. Именно она выявила наиболее слабое и наименее политизированное звено сложившейся веками практики воспроизводства населения. И именно медикализация социальной проблемы материнства и воспроизводства обозначила точку поворота местного населения к советской семейной парадигме.

Примечания

1. Гавров С.Н. Историческое изменение институтов семьи и брака // Электронный ресурс: http://russidea.rchgi.spb.ru/libruss/index.php?ELEMENT_ID=4108#up
2. Ленин В.И. Великий почин. Собр. соч. Т. 30. С. 23, 24.
3. Рыбалко И.В. Трансформация отцовства в современной России // Автореф. канд. дисс... Саратов, 2006. Электронный адрес: www.dissertcat.com/content/transformatiya-ottsovstva-v-sovremennoi-rossii (дата обращения: 26.09.2014).
4. Гавров С.Н. Указ. соч.
5. Мамбетов Г.Х. Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. Нальчик, 1999. С. 262.
6. Меретуков М.А. Семья и брак у адыгских народов. Майкоп, 1987. С. 72.
7. Гуртуева М.Б. Этнопедагогика карачаево-балкарского народа. Нальчик: Эльбрус, 1997; Дзуцев Х.В. Эволюция осетинской семьи и межсемейных отношений: Этносоциологический анализ. М., 2001.

8. Существовали какие-то народные средства предохранения от беременности и вызывания выкидыша, но этот вопрос требует дальнейшего изучения.
9. *Крупская Н.К.* Важный бытовой вопрос // Н.К. Крупская. Педагогические сочинения. В 10 томах / Под. ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, И.В. Чувашева. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1959. С. 158.
10. Там же. С. 159.
11. *Струмилин Г.С.* Избранные произведения. М., 1965. Т. 5. С. 435–440; *Градов Г.А.* Город и быт. М., 1968. С. 164; *Канаева И.Н.* Перспективы развития семьи и жилища // Изменение положения женщины и семья. М.: Наука, 1977. С. 152 (С. 150–159).
12. *Крупская Н.К.* Детский сад в деревне // Н.К. Крупская. Педагогические сочинения. В 10 томах / Под. ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, И.В. Чувашева. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1959. С. 29.
13. *Крупская Н.К.* О дошкольном воспитании в деревне (Доклад на III конференции по дошкольному воспитанию) // Н.К. Крупская. Педагогические сочинения. В 10 томах / Под. ред. Н.К. Гончарова, И.А. Каирова, И.В. Чувашева. М.: Издательство Академии педагогических наук, 1959 С. 64.
14. Центральный Государственный архив Кабардино-Балкарской Республики. Ф. Р-201. Оп. 1. Д. 16. Л. 80.
15. Государственный архив Республики Адыгея. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 76. Л. 172.
16. Государственный архив Карачаево-Черкесской Республики. Ф.Р-19. Оп. 1. Д. 102. Л. 334; Д. 121. Л. 62, 67.
17. *Смирнова Я.С.* Семья и семейный быт народов Северного Кавказа. М., 1983. С. 131.
18. Позже во всех окружных центрах Северного Кавказа были созданы органы охраны материнства и младенчества (детства).
19. *Кешева Е.Т., Эфендиева Т.П.* Дочери горного края. Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1965. С. 115–116.
20. *Алиев У., Городецкий Б.М., Суюхов С.* Адыгея: Историко-этнологический и экономический очерк. Ростов-н/Д.: Крайнациздат, 1927. С. 150.
21. *Марченко Е.М.* Проблемы материнства у народов Северного Кавказа в период становления советского государства (1917–1928) // Горские общества Кавказа: проблемы социокультурного, политического, исторического развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 180-летию присоединения Карачая к России. В 2 частях. Карачаевск: КЧГУ, 2008. С. 114. 299 с.
22. *Смирнова Я.С.* Указ. соч. С. 131.
23. Там же. С. 132.

L.H. Sabanchieva

THE INSTITUTIONS OF MOTHERHOOD AND FATHERHOOD IN HIGHLAND FAMILY 20's–30's. XX CENTURY

The article deals with the problem of acceptance and rejection of the principles of the Soviet paradigm of motherhood and fatherhood of mountainous peoples of the Caucasus, in particular, the Circassians (Cherkess), Balkars and Karachais. Dynamics of transformation of the studied institutions under the influence of the early Soviet ideals of motherhood and fatherhood.

Keywords: soviet family paradigm, Caucasian cultural traditions of motherhood an fatherhood and their transformation, the medicalization of social problems of motherhood.

Т.Х. Алоев

ФОРМИРОВАНИЕ ХАДЖРЕТСКОЙ КАБАРДЫ И ЕЕ УЧАСТИЕ В КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЕ В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX в.

В статье рассматриваются причины зарождения и формы развертывания эпического в масштабах Кабарды процесса, каковым предстало в первой трети XIX в. хаджретское движение.

Ключевые слова: закубанские территории Кабарды, хаджреты, миграция, Кавказская линия, черкесская кавалерия.

Заложение подошедшим 17 (28) июля 1763 г. к урочищу Моздок российским отрядом одноименной крепости ознаменовало начало открытой конфронтации Российской империи с княжеством Большой Кабарды. В течение последующих тридцати лет политика Петербурга в отношении крупнейшего на Северном Кавказе государственного образования проводилась путем аннексий его территорий и военного подавления сопротивления.

С самого начала противостояния России часть кабардинской политической элиты склонялась к инициативам по осуществлению миграций. Каждый всплеск миграционной активности в Кабарде являлся прямым следствием посягательств на ее суверенные права. Так, первый из них последовал вскоре после начала строительства в 1763 г. на территории Кабарды крепости Моздок; начались военные столкновения и как следствие этого – в 1765–1767 гг. в среде политической элиты страны возникло стремление к переселению на запад. Аналогичные сценарии повторялись и в последующем: в 1777–1778 гг. на территории Кабарды была построена линия из десяти российских укреплений. Это обусловило возобновление боевых действий в 1779 г. Военное поражение кабардинцев в 1779 г. вызвало стремление части политической элиты страны к эмиграции в Грузию или переселению за Кубань в 1780–1782 гг.¹

Подобный алгоритм наблюдался и в середине 80-х гг. XVIII в. В 1784 г. на территории Малой Кабарды российское военное командование построило линию из 4 укреплений. Новые захваты России привели к тому, что часть малокабардинских феодалов приняла активное участие в движении шейха Мансура в 1785 г. и осуществила перемещение своих населенных пунктов в Чечню.

Таким образом, следует говорить о том, что с 1763-го по 1793 г. в Кабарде периодически возникали ситуации «миграционных всплесков», вызванных внешним воздействием.

В этот период определились три направления миграционной активности кабардинцев: «западный» вектор миграции – в сторону бассейна р. Кубань – обозначился практически сразу же после начала кабардино-российского противостояния. Оседанием восточных черкесов в пределах распространения антироссийской активности на правобережье Сунжи около 1785 г. обозначилось второе направление миграции. Разумеется, этот вектор ввиду определенных причин был более актуален для жителей Малой Кабарды. Возможность эмиграции в Каргло-Кახетию, представлявшаяся такой реальной в начале 1780-х гг., оказалась эфемерной как ввиду слабости этого политического образования в тот период, так и последующей потери им суверенитета.

За три военных десятилетия территориальные, материальные и людские по-

тери Кабарды были значительны. Однако воздействие негативных факторов не достигло критической планки – системного подрыва устойчивости кабардинского социума не произошло. Ввиду данного обстоятельства миграционные всплески затухали, так и не найдя полноценной реализации.

К 1793 г. Российская империя перешла к качественно новой стадии подчинения Кабарды. К практиковавшимся в предыдущие десятилетия методам захвата территорий и подавления сопротивления добавилось стремление к контролю внутренней жизни ведущего черкесского княжества посредством учреждения «родовых судов и расправ». Именно с этим периодом, когда кабардинцы вели борьбу за их упразднение и замену шариатским судом, получившую в историографии название шариатского движения, связан первый этап миграции кабардинцев в Закубанье.

Как известно, основной поток кабардинской миграции в период с 1799-го по 1822 г. был направлен в восточную часть Закубанья. Ключевым фактором, обусловившим «западное» направление переселения, явилось то обстоятельство, что на протяжении многих столетий верховная власть в Восточном Закубанье осуществлялась кабардинской ветвью княжеского дома Иналидов. Это позволяет характеризовать данный субрегион в качестве неотъемлемой части территории Большой Кабарды. Наличие ее суверенитета над восточной частью Закубанья вплоть до бассейна р. Уруп (что признавалось на международном уровне) автоматически снимает вопрос об эмиграции туда кабардинцев в 1799–1822 гг., т.е. переселение носило характер внутренней миграции².

Инициированием переселенческого процесса лидером шариатского движения князем Адильгиреем Хатокшоко ознаменовалось начало первого периода миграции (1799–1803). За князем Адильгиреем последовали не только его вассалы – уорки с подвластным им крестьянским населением, но и идейные сподвижники. Он основал новое поселение «в весьма крепком месте при речке Малый Зеленчук» и, по сведениям П.Г. Буткова, в 1802 г. при нем находились 200 человек, причем их число увеличивалось с каждым днем³. Впоследствии Адильгирей Хатокшоко неоднократно возвращался в центр страны и уводил кабардинцев за Кубань. Идеи, проповедуемые князем Адильгиреем, вполне закономерно стали популярны не только среди кабардинцев, но и среди абазин. Переселение в это время осуществлялось с целью обеспечения лидером шариатского движения прочного тыла и свободы действий по введению в Кабарде «духовного суда». Характерной чертой миграционных акций в этот период являлось то, что они осуществлялись в относительно мирных условиях и затрагивали сравнительно небольшую часть кабардинцев.

Период с 1804-го по 1807 г. ознаменовался интенсивными военными действиями между Кабардой и Россией, чему способствовали возобновление строительства Владикавказской крепости и, в особенности, «сооружение в 1803 г. Кисловодского укрепления и новых казачьих станиц в районе Пятигорья»⁴. Постройка военного укрепления при так называемых «кислых источниках» сильно осложняло кабардинцам доступ в долину Кубани не только по плоскости, но и по предгорьям, ограничивало связь как с осевшими на Малом Зеленчуке кабардинцами, так и с Западной Черкесией. Поток кабардинской миграции в Закубанье значительно увеличился во время военных экспедиций Глазенапа в 1804–1805 гг. И если принять во внимание, что к кабардинским мигрантам присоединилось большинство абазин-тапанта, можно утверждать, что миграционные процессы в Кабарде приобрели массовый характер. Состояние источников не позволяет выявить точное количество переселенцев, однако, можно с уверенностью сказать о том, что на закубанские территории Кабарды эвакуировались, по меньшей мере, несколько тысяч человек. Особенностью переселения в этот период было то, что оно осуществлялось в условиях военных действий в Кабарде.

Время с 1807-го по 1810 г. является наиболее противоречивым для миграционного движения в Кабарде. С одной стороны, переселение перестает быть одной из основных задач руководителей борьбы за независимость Кабарды после смерти князя Адильгирея Хатокшоко и эфенди Исхака Абука в 1807 г.⁵ С другой – установление военно-экономической блокады центра Кабарды способствовало миграционному процессу. Эта противоречивость проявилась, в частности, в том, что, в период, когда в центре Кабарды практически прекратились боевые действия (до 1810 г.), они продолжались в ее закубанской части. В целом, можно сказать, что к 1810 г. миграционный поток в закубанскую часть Кабарды прекратился. Соответственно завершение первого этапа миграции кабардинцев в Закубанье можно отнести к данному времени.

Новый виток кабардино-русского противостояния и всплеск массового миграционного движения восточных черкесов связаны с именем генерала А.П. Ермолова, который в мае 1816 г. был назначен командиром Отдельного Грузинского (позже Кавказского) корпуса. К этому времени Россия уже довольно прочно утвердила свое господство в Закавказье. Но, несмотря на все попытки, она не сумела к тому времени обеспечить в достаточной мере надежную связь с Закавказьем, так как народы Северного Кавказа (пожалуй, за исключением осетин) фактически находились вне сферы имперского контроля.

Новый главнокомандующий требовал от кабардинцев безусловной покорности и смирения, на что они в тех условиях разумеется, не могли пойти. Возобновление военного противостояния, вытекавшее из фундаментальных противоречий, было неизбежным. Сожжение аула Трам в мае 1818 г. стало началом очередного этапа переселения – «бегства» кабардинцев в Закубанье. Хронологически второй этап миграции можно разделить на два периода. Первый охватывает промежуток с 1818-го по конец 1821 г. включительно. Характеризовался он непрерывным усилением противостояния на Кавказской линии и нарастающими настроениями к переселению среди населения центра Кабарды. В это время предводителями военных рейдов на Линию являлись будущие лидеры хаджретов: князя Таусултан Хатокшоко, Асланбек Бесланокко, Исмаил Касей и др.

Второй период относится к концу 1821-го до конца 1822 г. В это время в центр Кабарды было направлено несколько военных экспедиций. Отдельные группировки русских войск (как, например, отряд Коцарева) месяцами действовали здесь⁶. В условиях военных действий, продолжавшихся с разной степенью интенсивности, как можно полагать, непрерывно в течение года, резко увеличился поток переселенцев в Закубанье. К исходу 1822 г., когда центр страны был окончательно завоеван Российской империей, на закубанские территории Кабарды эвакуировалось от 13 до 20 тыс. человек. К началу 30-х гг. XIX в. они проживали в 62 хаджретских аулах⁷.

Хотя именно «западный» вектор кабардинской миграции был определяющим как по масштабам, так и по историческому значению, следует указать и на альтернативное направление переселенческой активности, также получившее значительный размах. Речь идет о миграции кабардинцев в Чечню. Если после военных действий 1804–1805 гг. за Кубанью действовали кабардинские военные отряды во главе с князьями Асланбеком (Росламбеком) Мисостом и Шумахо Наурузом, то со стороны Малой Чечни главными организаторами нападений на станции и отдельные русские колонны стали джиляхстанеевские князья Албаксид Канчоко (Мудар), Хатокшуко Адильгирей и уорк Эльжеруко Абей. Вплоть до их гибели в июне 1810 г. они, предводительствуя довольно крупным отрядом из кабардинцев и чеченцев, осуществляли нападения в районе Военно-Грузинской дороги⁸. В этой связи необходимо отметить, что масштабы миграции из центра Кабарды в Закубанье и Чечню в первое десятилетие XIX в. были во многом сопоставимыми.

Наглядной иллюстрацией весьма интенсивного общения жителей Кабарды с чеченскими «обществами», а также переселенческих акций кабардинцев в Чечню вплоть до конца второго десятилетия XIX в. является письмо генерала А.П. Ермолова к князю-валию Кучуку Джанхоту от 11 июня 1818 г. В нем Ермолов, в частности, писал: «... Уверяю вас, что кабардинцы скоро заплатят нам... и разбойников я достану; разве по обыкновению прибегнут они под покровительство милостивых для них чеченцев»⁹.

Признаваемая самим Ермоловым неспособность российских войск к эффективной нейтрализации кабардинских мигрантов, находившихся «под покровительством чеченцев», была одной из причин того, что «чеченский» вектор миграции временами становился равноценным направлению переселения за Кубань. Такая ситуация в превалирующей степени обуславливалась значительно большим демографическим потенциалом населения Чечни, нежели субрегиона Восточного Закубанья, куда первоначально было направлено миграционное движение кабардинцев. Другими словами, наличие значительных людских и военных ресурсов в Чечне, а значит, и высокой степени защищенности переселенцев уравнивали с нею привлекательность Восточного Закубанья, где относительно немногочисленное население абазин, ногайцев и карачаевцев не могло оказывать значительной военной поддержки сравнительно небольшим анклавам кабардинских мигрантов. К тому же нельзя сбрасывать со счетов фактор удобства сообщений с Чечней, на путях в которую не было значительных естественных преград и военных линий. С точки зрения обеспечения эффективной коммуникации возобновление строительства Владикавказской крепости на аннексированной в 1803 г. территории княжества Талостаней имело в значительной степени символический характер. Лишь в 1818 г. Ермолов начал строительство крепости Грозной в дополнение к Назрановскому укреплению по р. Сунжа. В этом плане коммуникации центра Кабарды с Закубаньем были куда более сложными.

К исходу 1822 г. завоевание Кабарды (исключая ее закубанскую территорию) Российской империей было завершено. За Кубанью сформировалось крупное социополитическое образование, которое получило название хаджретской или «беглой Кабарды». Ее военный потенциал (с учетом сил подвластных абазин и карачаевцев) доходил примерно до 2 тыс. всадников. Они характеризовались как конница, «которая превосходит любую кавалерию в мире»¹⁰. Однако это количество значительно увеличивалось в ходе крупных боевых операций, когда в хаджретские инициативы вовлекались абадзехи, бесленеевцы, темиргоевцы и др. По словам Щербины, «кабардинцы эти считали себя независимыми от России и вместе с другими черкесскими племенами вели упорную борьбу с русскими войсками и казачеством». Это противостояние развернулось в районе от устья Лабы до Каменного моста в верховьях р. Кубань¹¹.

С апреля 1823 г. нападения хаджретов совместно с западными адыгами на правый фланг усилились. В мае 1823 г. в результате нападения на Круглолесское этот населенный пункт был разрушен. При этом людские потери убитыми, ранеными и уведёнными в плен исчислялись сотнями. Психологическое воздействие этих атак было значительным, вызвав бегство крестьян «из всех деревень», расположенных на «Ставропольской дороге».

В июне и сентябре 1823 г. в Закубанье были направлены две экспедиции под командованием генерала Вельяминова. В первом случае войска состояли из 2000 человек с 25 орудиями, во втором – из 3000 пехоты и 800 линейных казаков при 18 орудиях. О том, насколько поставленные задачи удавалось решать, говорит один из очевидцев этих событий: «... Правый фланг Линии доселе еще не успокаивается от вторжения закубанских хищников, несмотря на то, что... Вельяминов... беспрерывно почти находится на Кубани с довольно значительным отрядом, в котором собраны почти все здесь находящиеся войска»¹².

Две экспедиции генерала Вельяминова практически не коснулись аулов «беглой» Кабарды. Это позволяло хаджретам не снижать свою активность на Кубанской линии. Весь 1824 г. практически непрерывно в Закубанье и на Линии происходили военные действия. Примечательно, что и в этот год кабардинцы серьезных потерь не имели. Между тем следует отметить, что в марте 1824 г. хаджретская Кабарда инициировала переговоры с Россией. Для этого к генералу Ермолову, находившемуся в Дагестане, был направлен князь Асланбек Бесланок. В ходе переговоров хаджреты выдвинули предложения об уничтожении крепостей, построенных в центре Кабарды в 1822 г., и восстановлении шариатского суда. По сути это означало восстановление status quo, существовавшего до 1822 г. Вполне понятно, что Ермолов не мог согласиться на такие условия¹³.

Весной-летом 1824 г. русские войска активизировали свои действия в районе правого фланга с целью уничтожения хаджретских аулов (особенно в долине р. Уруп). Однако существенных результатов достичь им не удалось. Более того, черкесы отвечали стремительными кавалерийскими рейдами на Линию, приводившими к весьма чувствительным людским и материальным потерям. В последующую военную кампанию хаджреты понесли наиболее чувствительные потери со времени второй волны переселения 1822 г. В апреле 1825 г. был полностью уничтожен, пожалуй, самый большой аул хаджретской Кабарды, принадлежавший князю Али Карамурзе. Количество погибших жителей этого аула превысило 1000 человек¹⁴.

Русские войска под командованием генерала Вельяминова действовали в Закубанье и летом 1825 г., однако на этот раз хаджреты не имели существенных людских потерь.

К началу осени хаджреты предприняли совместный с западными адыгами рейд в центр Линии. В результате их прорыва 29 сентября 1825 г. сел. Солдатское было разгромлено. Во время отхода из центра Кабарды в Закубанье осенью 1825 г. черкесские войска совершили беспрецедентный в истории Кавказской войны 120-километровый «ледовый» переход вдоль Главного Кавказского хребта¹⁵.

В период с 1823-го по 1825 г. хаджреты были наиболее последовательными противниками Российской империи на правом фланге и центре Кавказской линии. Они являлись организаторами и активными участниками практически всех сколько-нибудь значимых акций на этих участках Линии.

Военные экспедиции русских войск в глубь закубанской территории Кабарды и Абадзехию (где также присутствовали хаджретские населенные пункты) не привели в этот период к разрушению основ их военного сопротивления. Ощутимые потери, которые понесли хаджреты в это время, относились к возобновляемым ресурсам: скот, жилища, съестные припасы и т.д. Людские же ресурсы, составлявшие основу военного потенциала, в целом не имели (за исключением разгрома аула князя Али Карамурзы) масштабных потерь.

В 1826–1827 гг. на правом фланге Кавказской линии установилось относительное затишье. В период с 1825-го по 1827 г. была осуществлена передислокация Хоперского полка с Предкавказской степи на линию р. Кубань – Верхняя Кума. На Кубани были образованы станицы Баталпашинская, Беломечетская, Невинномысская и Барсуковская, а на Куме – Бекешевская и Карантинная. Вперед продвинулась и не относившаяся к Хоперскому полку станица Воровсколеская¹⁶.

Территориальное приближение этих станиц к ареалу расселения «беглой Кабарды» определило особую актуальность охраны правого фланга в новых условиях. Наряду с мерами по его защите составлялись и планы по наращиванию дальнейшей экспансии. Явственно обозначившееся в этот период повторное стремление хаджретской Кабарды к урегулированию отношений с Россией не нашло отклика со стороны империи.

25 апреля 1828 г. (практически синхронно с объявлением Россией войны Турции) командующий Кавказской линией генерал-лейтенант Емануэль обратился с

призывом к «закубанским народам» не принимать участия в военных действиях. Однако русскому командованию на Кавказе не удалось обеспечить их лояльность.

Примечательно, что из всей палитры названий адыгских и абазинских локально-этнографических и субэтнических подразделений закубанской Черкесии в прокламации Эммануэля выделены лишь хаджреты. «От беглых кабардинцев, находящихся за Кубанью, один раз [и] навсегда я требую, чтобы они от хищничеств удержались, в противном же случае добычами не заменятся им потери, которые понесут они, если привлекут на себя русское оружие. К тому же и сами жители закубанские, давшие им убежище, должны за стыд почитать следовать их легкомысленным советам, а и того еще более – терпеть в них своих притеснителей и им повиноваться»¹⁷.

Генерал Емануэль весьма оптимистично оценивал влияние своей прокламации на население закубанской Черкесии. Однако «беглые» кабардинцы и абадзехи остались равнодушны к ней. С конца апреля хаджреты и абадзехи начали проводить совещания для выработки плана совместных действий. Российское командование только в течение мая 1828 г. предприняло две безуспешные попытки пресечь всякие действия черкесов.

Несмотря на усиленный режим охраны Кубанской линии, в начале июня 3-тысячная черкесская кавалерия, костяк которой составляли хаджреты, прорвала ее и разгромила в центре Линии село Незлобное¹⁸.

В ходе разворачивающейся кампании русские войска совершили с июня по сентябрь 1828 г. ряд экспедиций за р. Кубань. Тогда хаджретские аулы остались в стороне от удара. Более того, хаджретские рейды на Линию настолько усилились, что Емануэлю адресовались обвинения «в потворстве кабардинцам».

В октябре 1828 г. позиции закубанских кабардинцев были серьезно осложнены в Карачае, выступавшем длительный период в качестве своеобразной операционной базы для осуществления рейдов на Линию и в центр оккупированной территории Кабарды. Многие кабардинцы до этого даже проживали в карачаевских аулах. Так, духовным главой карачаевцев был хаджретский эфенди Агуей. Фактически до октября 1828 г. карачаевцы находились под безусловным сюзеренитетом хаджретской Кабарды. Хаджретское влияние в верховьях Кубани оставалось значительным и в последующие годы.

В начале ноября 1828 г. генерал Емануэль собрал четыре крупных отряда для действий против «беглых» кабардинцев и абадзехов. Силы одного отряда были сосредоточены против хаджретских аулов Хатокшоко и бесленеевцев в верховьях р. Чалмык. Другой отряд развернул свои действия в верховьях р. Уруп против князя Мурзабека Хамурзы. Третий имел целью разгром аула князя Кучука Ажджерия. Четвертый отряд составлял прикрытие. Лишь третий отряд сумел выполнить поставленные задачи. По сравнению с потерями абадзехов в ноябре–декабре 1828 г. ущерб, нанесенный хаджретам, был не очень значительным, но пленение более 100 человек из аула Кучука Ажджерия все же тяжело воспринималось среди хаджретов¹⁹.

В середине марта 1829 г. представители хаджретской Кабарды: князя Асланбек Беслаоко и Мурзабек Хамурза – прибыли в Ставрополь для встречи с генералом Емануэлем. В ходе переговоров они обещали не предпринимать военных действий против России, если она не будет направлять свои войска на занимаемую хаджретами территорию. В этой позиции не содержалось ничего принципиально нового. Она отражала их стремление к самосохранению при столкновении с колоссальной военной мощью Российской империи. Новое же заключалось в том, что хаджреты выразили желание оставаться на Кубани, не выставляя, как в 1824 г., требований о возвращении им владений в центре Кабарды, уничтожении возведенных там крепостей, восстановлении шариатского суда и т.д.²⁰

Можно по-разному оценивать это обстоятельство. Но в любом случае оно свидетельствовало о том, что хаджреты хорошо адаптировались к новым условиям своего существования и желали сохранить себя в новом качестве, оставаясь тем самым мощным и долговременным фактором этнополитических процессов в закубанской Черкесии. Однако расчеты избежать войны, сохраняя при этом свой суверенитет, были, конечно же, иллюзорными. Россия не могла смириться с их независимостью, учитывая свои устремления на Кавказе. Поэтому вскоре военные действия возобновились.

Геостратегическое, военно-политическое и субъектно-правовое положение закубанской (хаджретской) Кабарды к середине 1829 г. во многом определялось внешними факторами. Наиболее выраженный императивный характер из них имели следующие обстоятельства. Во-первых, в 1829 г. российское командование приступило к возведению военной линии по р. Большой Зеленчук, прямо направленной против «беглых» кабардинцев²¹. Во-вторых, командующий Кавказской линией генерал-лейтенант Емануэль тогда же, как выше отмечалось, отверг инициативу по прекращению конфронтации, выдвинутую лидерами хаджретов²². И, наконец, определяющую роль в дальнейших судьбах хаджретов сыграло подписание в сентябре 1829 г. Адрианопольского трактата между Петербургом и Стамбулом, по которому последний признавал суверенитет России над Закубаньем, в частности, и над западными территориями Кабарды, сохранявшими *de facto* независимый статус после завершения завоевания центра страны в 1822 г.

В целом, в отличие от предыдущего года, в 1829 г. наблюдается существенный спад военной активности на Линии. При этом следует отметить, что львиную долю военных потерь в 1828 г. российские войска понесли в боях с черкесами в районе правого фланга и примыкающих к нему территорий²³. Судя по всему, и в 1829 г. указанный район оставался наиболее опасным (для обеих сторон) участком Кавказской линии. Однако спад интенсивности противостояния также был бесспорным²⁴.

Такое положение было вызвано сопряжением определенности перспектив (по крайней мере, со стороны Российской империи) последующего взаимодействия военно-политических сил на Северо-Западном Кавказе с неясностью форм и временных параметров их проявления. Иными словами, Российская империя, получив карт-бланш в отношении Западной Черкесии и закубанской (хаджретской) Кабарды и определив основной формат взаимодействия с ними, еще не успела (во второй половине 1829 г.) привести в действие громоздкий имперский механизм «поглощения» «новоприобретенных» территорий. Примечательно, что главные носители сопротивления Западной Черкесии: абадзехи, шапсуги, натухайцы и убыхи – не создали интегрированного политического образования, гибко реагирующего на враждебное воздействие извне. Более того, можно говорить, что и жители соответствующих историко-этнографических областей, и княжеские владения Западной Черкесии (последние вне зависимости от того, присягали они в предыдущий период на верноподданство России или нет) в это время находились в состоянии «растерянности» перед лицом радикальной смены привычной геополитической картины в регионе.

В отличие от них лидеры хаджретской Кабарды (до этого не раз демонстрировавшие наличие консолидированной субъектности) не имели иллюзий относительно сценария дальнейшего взаимодействия с Россией. С учетом этого обстоятельства, становится ясно, что определенная «пассивность» хаджретов в это время была следствием осознанной политики выжидания, наиболее отвечавшей их интересам в условиях скудости военного потенциала (в сравнении с ресурсными возможностями крупнейших западночеркесских исторических областей). При этом следует отметить, что указанная «пассивность» хаджретской Кабарды

в военном противостоянии России носила диспозитивный характер и не была результатом деструкции ее политической воли. Это наглядно подтверждается инициированием и участием закубанских кабардинцев в наиболее заметных акциях 1829 г. Прежде всего, это относится к нападению в апреле отряда князя Кучука Ажджерия на ногайский улус служившего проводником в ходе многих экспедиций российских войск на правом фланге Измаила Алиева, а также к нейтрализации в сентябре 1829 г. кавалеристами Джамбулата Болотоко (значительную часть которого, по-видимому, составляли кабардинцы) казачьего разъезда во главе с сотником А. Гречишкиным. Тогда казачий отряд из 62 человек был полностью уничтожен²⁵.

В целом неизменность общей конфигурации взаимоотношений между сторонами в указанном районе продолжала генерировать привычные и соответствующие ей формы взаимодействия в период, когда в Петербурге еще детально не разработали алгоритм наращивания своего присутствия во всем Закубанье, в частности на правом фланге. Достаточно яркой иллюстрацией этого утверждения является рейд российских войск в ареал расселения находившихся в политической орбите хаджретской Кабарды абазин-шкарауа, предпринятый в самом начале 1830 г.

Судя по российским источникам, следует говорить о наличии связи между данным мероприятием и смертью одного из лидеров хаджретской Кабарды – князя Кучука Ажджерия. В источнике это событие характеризуется следующим образом: «...между убитыми находится также известный за Кубанью наездник и всеобщий возмутитель горцев кабардинский князь Кучук Хаджи-гирей»²⁶. Впрочем, подобное суждение не находит прямого подтверждения в адыгском фольклоре, в котором князь занимает весьма значительное место.

Как бы то ни было, вполне очевидно, что зимой 1830 г. приоритет в военной активности на Линии принадлежал не хаджретской Кабарде, а коалиции шапсугов, абадзехов и натухайцев, многотысячные отряды которых расшатывали устойчивость казачьей обороны в низовье р. Кубань. В донесении, направленном в Петербург, фельдмаршал И.Ф. Паскевич 6 февраля 1830 г. сообщал: «Закубанские народы несмотря на настоящее положение дел (по-видимому, имеется в виду действие условий Адрианопольского договора. – Т.А.) не перестают предпринимать вторжения в пределы наши, и сии покушения со стороны их в последнее время в особенности обращены на границы войска Черноморского, к чему наиболее способствуют теперешние удобные там переправы через Кубань по льду»²⁷.

При всей несопоставимости военного потенциала западных адыгов и хаджретов нельзя игнорировать сложившуюся в рассматриваемое время ситуацию, когда «беглые» кабардинцы устойчиво демонстрировали «непропорциональное» своей численности влияние и военную активность в закубанской Черкесии, что позволяло им угрожать непосредственно оккупированному центру Кабарды. По меньшей мере, один раз в течение 1830 г. кабардинская милиция вынуждена была собраться для противодействия угрозе из-за Кубани²⁸. То, что со времени эвакуации значительной части населения Кабарды на ее закубанские территории в 1822 г. все рейды в центр страны инициировались хаджретами, общеизвестно и не требует дополнительного подтверждения.

Гораздо важнее (с точки зрения поставленных в настоящей работе задач) выявить степень «весомости» кабардинского присутствия в Закубанье в период, когда Российская империя уже приступила к военному подчинению этой части Черкесии. В этом плане не удивительно, что наиболее красноречивые характеристики хаджретов (в той мере, в какой они относились к их военно-политическим параметрам) и той «ниши», которую занял массив мигрировавшего с центра Кабарды в ее закубанскую часть населения, отражаются в ведомственной документации их военного противника – Российской империи.

В этой связи весьма любопытен рапорт, составленный генерал-майором Беквичем-Черкасским и полковником Гасфортом на имя Паскевича от 17 сентября 1830 г. В частности, в нем отмечалось: «... знатнейшие кабардинские князья и дворяне с их фамилиями и подвластными ушли за Кубань. Кабардинцы продолжают пользоваться уважением между другими племенами, давшими им пристанище. Большая часть беглых кабардинцев живет на Урупе в смежности с башильбаями»²⁹.

Достоин примечания, что здесь авторы доклада сумели в предельно лапидарных выражениях показать три фундаментальных параметра, характеризующих социополитическую общность хаджретской Кабарды. Во-первых, указание на то, что мигрировавшая в закубанскую часть Кабарды феодальная знать представляла собой «знатнейших кабардинских князей и дворян», позволяет последних признать наиболее дееспособной частью политической элиты, отторгавшей конформизм в отношениях с российскими властями и способной продолжать традиции независимости (в условиях феодализма понятия «знатнейшие» и «влиятельнейшие» практически всегда тождественны). Во-вторых, в докладе довольно недвусмысленно отражена констатация того, что хаджреты продолжали сохранять весьма комфортные позиции в Восточном Закубанье, характеризовавшиеся если не прежней прочностью сюзеренно-вассальной зависимости народов субрегиона, то, по крайней мере, наличием доминирующего идеологического влияния на них. И, в-третьих, локализация поселений большей части «беглых» кабардинцев по р. Уруп означала, что людские ресурсы хаджретов к этому времени были еще сконцентрированы в границах Кабарды или же в смежности с территорией родственных бесленеевцев. То обстоятельство, что кабардинское население Закубанья, несмотря на давление с востока (Зеленчукская укрепленная линия) и возможность дальнейшей миграции западнее бассейна р. Уруп, в целом предпочитало оставаться в рамках границ феодальной Кабарды в свою очередь, иллюстрировало стремление хаджретов сохранять независимость в максимально полном объеме.

Для понимания степени репрезентативности представленных в докладе оценок следует отметить, что один из его авторов, генерал-майор Беквич-Черкасский, сам был представителем одного из четырех княжеских родов Большой Кабарды – Бекмурзы. Более того, он не раз участвовал в карательных экспедициях против своих соплеменников и в частности, был одним из виновников уничтожения хаджретского аула Али Карамурзы в апреле 1825 г.³⁰ Поэтому вряд ли можно его упрекнуть в незнании им предмета. Тем интереснее познакомиться с сообщениями, которые были выдвинуты в докладе для решения «хаджретского вопроса». Там указывается: «... что полезно было бы вызвать обратно в Кабарду на жительство находящихся ныне в бегах за Кубанью кабардинцев, оставя, однако, без уважения объявленные ими излишние и несовместные с теперешним положением края претензии и домогательства (по-видимому, имеются в виду выдвинутые в 1824 г. требования о возвращении хаджретам владений в центре Кабарды, уничтожении возведенных там крепостей, восстановлении шариатского суда и т.д. – Т.А.)³¹. Мера сия необходима сколько и для того, чтобы, оставаясь долее между закубанскими народами, они не могли вновь вооружать их против России, ибо замечено, что до сего времени кабардинцы всегда были там первыми зачинщиками и участниками грабежей, произведенных в пределах наших, увлекая обыкновенно примером своим и те колена, которые изъявляли прежде к нам благонамеренность»³².

Каким бы ни был побудительный мотив к составлению данного документа и вне зависимости от возможных субъективных оценок его авторами роли закубанских кабардинцев, можно сказать, что в нем отражена констатация того факта, что в рассматриваемый период хаджретская Кабарда оказывала долговременное и

устойчивое воздействие на этнополитические процессы в Восточном Закубанье, существенно влияя на расстановку военно-политических сил в субрегионе.

К концу 1830 г. одни из главных носителей военного потенциала Западной Черкесии – абадзехи и натухайцы – воздерживались от открытой войны с Россией. К исходу ноября 1830 г. уже и наиболее авторитетный западно-черкесский военный лидер, темиргоевский князь Джамбулат Болотоко относился к присягнувшим «на верноподданство России». В это время российскому правительству присягали также князя черченейского и жанеевского владений³³.

Понятно, что на фоне такой ситуации геополитическое положение хаджретской Кабарды серьезно осложнилось. По сути, она в этот период составила второй, наряду с Шапсугией, очаг сопротивления в Закубанье. При этом и та часть закубанских кабардинцев (локализовавшаяся в бассейне р. Уруп), которая находилась в положении «замирившейся» с российским командованием общности, проводила политику латентной поддержки военных акций остальных хаджретов. Об этом свидетельствует участие проживавшего на р. Уруп уорка Магометмурзы Боташа в рейде на Ераконское укрепление 15 ноября 1830 г.³⁴, а также образ действий сына старшего князя «урупских» кабардинцев – Аслангирея Бесланого – во время преследования русскими войсками отступавших черкесов. Тогда, предводительствуя отрядом из 20 кабардинских дворян, он подошел к месту боя. Однако князь Аслангирей «отказался содействовать поражению партии черкесов и оставался простым зрителем»³⁵.

Один из лучших генералов российской армии за всю Кавказскую войну, А.А. Вельяминов, отмечая «усиление» с осени 1830 г. черкесского натиска на Линию, признавал, что «почти все набеги закубанцев обращены на пространство», находившееся «между Ставрополем и Георгиевском», т.е. правый фланг³⁶. Уже длительный период главным противником России на этом участке Кавказской линии являлась хаджретская Кабарда. В целом в 1830 г. действия хаджретов против Линии носили систематический характер и имели весьма большой географический охват. Об этом можно судить по содержанию «именного списка закубанских владельцев и узденей, участвовавших в разных злодеяниях». Примечательно, что из шести упомянутых в нем нападений четыре сопровождалось угоном лошадей. Это объяснялось, в частности, стремлением хаджретов сохранять преимущество в кавалерии, что гарантировало доминирование на поле боя, несмотря на общее технологическое превосходство противника.

Все вышеуказанные события происходили до конца января 1831 г. Примерно к апрелю этого года на правом фланге российское командование располагало более 11 батальонами пехоты и 44 сотнями кавалерии со 140 орудиями полевой и гарнизонной артиллерии. Численность этих войск превышала отметку 10 тыс. человек. Ввиду возникшей угрозы в марте 1831 г. хаджреты и абазины, проживавшие по р. Уруп, Большая и Малая Тегини, эвакуировались в более отдаленные горные районы и в Абадзехию. Инициаторами переселения выступили князья Асланбек и Аслангирей Бесланого. Вывод населения из зоны ландшафтной досягаемости российских войск, позволял хаджретам (теперь уже в союзе с абадзехами и шапсугами) использовать тактику активной обороны. Их небольшие отряды численностью от нескольких десятков до нескольких сотен человек в это время беспрепятственно перемещались в междуречье Лабы и Урупа, заставляя противника пребывать в постоянном напряжении.

С апреля 1831 г. напряжение на всей линии российско-черкесского противостояния нарастало. В это время адыги еще не приступили к координированным масштабным военным действиям, однако с низовьев Кубани до бассейна Урупа они демонстрировали редкое единодушие в стремлении остановить российский натиск на Черкесию. Новые укрепления на р. Шебш и Афипс подвергались постоянным нападениям, до 2000 абадзехов находились на р. Шагуаша (Белая), около 4000 абадзехов и шапсугов сосредоточились на р. Псефирь «и до 2000 горцев

стояло вблизи тех же пунктов; бесленеевские и особенно кабардинские князья... в свою очередь собирали более или менее значительные партии, которые группировались на верховьях Урупа, Б. и М. Тегеней (Тегиней. – Т.А.)»³⁷. Таким образом хаджреты продолжали активные действия в районе междуречья Лабы и Урупа.

В «многолюдном собрании» из 6–7 тыс. человек на р. Шхагуаша (есть другие сведения, что оно проходило по р. Пшеха, однако, ввиду того, что последняя является притоком первой, говорить о противоречии не приходится) у аула Аджитляша, где черкесы пытались выработать план совместных действий, самое активное участие принимали хаджреты. В частности, там выступал кабардинский князь Тембот Беслаоко (Тума Тембот)³⁸. В источнике о роли хаджретов в этом собрании в частности отмечается: «...в критический момент, когда решалось приступить к нападению или нет, в собрание явились беглые кабардинские князья Мисост Наурузов (Науруз. – Т.А.) и два брата Атажукины (Хатокшоко. –Т.А.), которые сообщили о строгих мерах обороны, принятых на границе, и хотя им удалось проникнуть за Кубань, но они вынуждены были вернуться назад без всякого успеха»³⁹.

Как бы ни складывались в это время военные инициативы хаджретов, их влияние в Восточном Закубанье не становилось менее значительным. Несомненно, что именно они генерировали здесь основной очаг сопротивления, и их воздействие во многом стимулировало остальные черкесские этнолокальные политики проявлять волю к противодействию агрессии.

Российское командование в регионе понимало это обстоятельство. Именно поэтому, формируя первостепенные и вместе с тем основополагающие принципы действий в Закубанье, фельдмаршал Паскевич уделял особое внимание хаджретам. Седьмым пунктом его программы (от 5 июня 1831 г.) фигурируют следующие соображения: «Вызвать из-за Кубани бежавших туда кабардинцев, ибо они, живя между закубанцами, возбуждают их против Русских. Но, с другой стороны, опыт показал нам, что те из них, которые были уже вызваны и поселены в Кабарде, будучи близ границ, делали еще более разбоев»⁴⁰.

С этого времени налаживаются связи лидера мюридизма в Дагестане имама Гази-Магомеда (Кази Муллы) с воюющей Черкесией. Он направил в Закубанье специальное посольство, встреченное весьма доброжелательно. Вот что писал по этому поводу генерал Емануэль: «Кази Мулла... обратился к закубанским народам. 15 августа явились в абхазские (абадзехские. – Т.А.) владения четыре чеченца с прокламациями от возмутителя, коими он приглашает всех горцев к соединению для вторжения в наши границы. Они принимают с восторгом его воззвания, вооружаются и составляют значительные сборища за Кубанью против центра Кавказской линии; абадзехи составляют главную часть оногo, но к ним начинают присоединяться и прочие народы»⁴¹. К последним, безусловно, относились и хаджреты (строго говоря, вся обстановка позволяет предположить, что именно кабардинцы были в авангарде обозначившейся тенденции), значительная часть которых уже проживала в пределах Абадзехии. Эту ситуацию подметил и генерал Вельяминов. Он писал: «Теперь при появлении Кази Муллы готовы присоединиться к нему почти все кабардинцы и все закубанские народы, с которыми находился он почти в бесперебойных сношениях»⁴².

Таким образом, с середины 1831 г. хаджретская Кабарда, как впрочем, и Западная Черкесия получила дополнительный импульс для продолжения борьбы за независимость, что отразилось в учащении атак на Линию. В августе объектом нападения стала станица Баталпашинская, а в сентябре была «разграблена» Эссентукская⁴³. В своем рапорте от 8 сентября 1831 г. генерал Вельяминов отмечал: «Теперь, с понижением вод, хищничества сии возобновились и едва ли не превосходят случившиеся в прошедшем году»⁴⁴. Такая оценка полностью

подтвердилась ходом последующих событий. Так, согласно информации главнокомандующего на Кавказе барона Розена, в том же сентябре противник продемонстрировал «дерзость», превосходящую «всякое вероятие»⁴⁵. До конца года также были атакованы станицы Убеженская, Григориполисская, Темижбекская, Прочноокопская, сел. Новомарьевское, Татарка, Медвежье, Ладожская Балка, Расшеватское, Александровское. «Каждый раз нападавшим удавалось захватывать имущество поселян, уводить их скот. В неволе оказывались мужчины, женщины, дети. Несли потери и отряды казаков, пытавшихся отбить очередной набег», – отмечает современный исследователь⁴⁶.

Указанная география рейдов и характер противодействия российским войскам позволяет говорить о том, что решающая роль в организации сопротивления в субрегионе по-прежнему принадлежала хаджретской Кабарде. Об этом можно судить исходя из слов высших командиров кавказского корпуса. Так, характеризуя «опасное положение Кавказской линии», барон Розен заключал: «Большая часть набегов их, произведенных с некоторым соображением, была сопровождается успехом. Кроме множества не столь важных случаев, в 1825 г. они истребили станицу Солдатскую (в одном из документов относительно роли хаджретов в этой акции прямо говорится, что «во время разграбления в 1825 г. ... в собрании этом по большей части были беглые кабардинцы». – Т.А.)⁴⁷; в 1828 г. сел. Незлобное (и здесь главными организаторами нападения выступили хаджреты. – Т.А.), а в 1831 г. хищничества их были значительнее» настолько, что «в текущем же году разные удачные нападения на Линию увеличили дерзость неприязненных нам поколений. .. могущего иметь гибельнейшие последствия...»⁴⁸. Принимая во внимание, что в начале 1831 г. российское командование планировало придерживаться наступательной тактики на правом фланге⁴⁹, уместно говорить о потере им контроля над ситуацией.

Общая картина военного противостояния не изменилась и в следующем, 1832 г. Этому способствовало то, что для исправления «пограничной цепи» Линии, оцененной в предыдущем году «слабой»⁵⁰, по-видимому, не было предпринято решительных мер. По крайней мере, к последней декаде апреля 1832 г. корпусной командующий продолжал считать, что зона интенсивной хаджретской активности на Линии «представляет все удобства для хищников»⁵¹. Характеризуя образ действий противника, он отмечал: «Неожиданно и быстро прорываясь чрез слабую пограничную черту, они внутри границ по неимению кавалерийских резервов не встречают никакого препятствия и по плоскому, удобному для конницы местоположению могут наносить безнаказанно разорение селениям, внутри Кавказской области расположенным, и самое сообщение по большой дороге от Ставрополя к Георгиевску делают часто крайне опасным»⁵².

В апреле черкесы произвели рейд на Троицкие хутора и под Константиногорское укрепление. В ходе сентябрьских прорывов «близ Ставрополя» и на Ладожскую станицу российская сторона имела чувствительный урон и среди офицерского состава⁵³. В октябре нападению подверглись сел. Ореховское и Нагайский аул. Намереваясь, по предположениям российского командования, «произвести целый ряд нападений на Прочноокопскую и другие станицы, расположенные по Кубани», в начале ноября близ Каладжинского укрепления на Лабе сосредоточился 8-тысячный черкесский отряд. Однако осведомленность противника о планах предприятия и превентивный бросок 9 ноября «большого отряда войск из Невинномысского укрепления» под командованием одного из генералов побудил черкесов «разойтись по аулам»⁵⁴.

Вернув войска в исходный пункт, генерал-майор Фролов решил перехватить инициативу. По словам Ф.А. Щербины, ночью 20 ноября он выступил с «сильным отрядом» вверх по Кубани в направлении «аулов абазинских князей». Окружив их, артиллерия начала «громить горские аулы», и в атаку пошли казаки сразу четырех полков (Кубанского, Хоперского, Волжского и Донского).

Вышеупомянутый автор описывал последующее развитие событий таким образом: «После отчаянного сопротивления горцев, казаки приступом взяли аулы и начали расправляться с их населением. В мечети и в нескольких саклях заперлись отчаянные абреки-кабардинцы и отказались сдаться. Тогда к мечети и саклям придвинуты были пушки и был открыт по ним пушечный огонь. Те из абреков, которые уцелели от пушечной картечи, погибли под штыками русской пехоты, успевшей соединиться с кавалерией»⁵⁵. В ходе этого «жесточкого дела» российские войска потеряли убитыми и ранеными 27 человек⁵⁶. Не вдаваясь в детальный анализ выше представленного текста, отметим только, что его содержание определенно показывает, что закубанские кабардинцы выступили наиболее организованной силой в ходе обороны абазинских аулов.

Устойчивая резистентность, проявляемая противником в этот период, вынуждала определенную часть российских военных кругов признавать неэффективность осуществления «репрессалий» с точки зрения перспектив скорой пачификации военно-политических акторов региона. Однако, несмотря на обилие «прожекторов» по окончательному усмирению Кавказа, направляемых в военное ведомство, альтернативы подобной тактике не было выработано. В июле 1832 г. генерал А.А. Вельяминов отмечал, что «экспедиции сии не могут служить к окончательному и решительному покорению горцев, но они необходимы для удержания сих хищных народов от вторжения в... границы наши... если успешная оборона противу набегов почти невозможна, то что же будет удерживать горцев от нападения на селения наши, если отнимут у них страх равного воздаяния?» На замечания о том, что подобного рода действия лишь усугубляют конфронтацию между сторонами, многоопытный генерал с наивным видом отвечал: «Я готов согласиться с сим заключением, если кто-нибудь докажет, что горцы оставят нас в покое, когда мы не будем нападать на них»⁵⁷. По Вельяминову получается, что черкесы и, в частности, хаджреты нападали не на укрепления и крепости, основанные на оккупированных территориях Западной Черкесии и Кабарды, а на населенные пункты в самой России. Однако такое предположение само собой отпадает, когда на страницах того же издания встречаешь план под названием «Кавказская оборонительная линия» (1832), составленный инженером-подполковником Бюрно, где последний предлагает действовать «преимущественно наступательно» (выделено нами. – Т.А.)⁵⁸.

Хаджреты со своими западночеркесскими союзниками отвечали адекватной тактикой ведения боевых действий. Приведем ставшую хрестоматийной цитату внимательного наблюдателя за событиями на Кавказе Ф. Энгельса. Он писал про черкесов: «Сила их была во внезапных нападениях на посты и военные укрепления русских войск, дерзких рейдах в их тыл, умелых засадах и т.д. Они были мобильны, активны и всегда пытались действовать на опережение неприятеля, придерживаясь в основном наступательной тактики»⁵⁹. Специфика хаджретского сопротивления вполне соответствовала подобной характеристике. Об этом свидетельствуют и данные о потерях российских войск за 1832 г., опубликованные А. Гизетти. Судя по его таблице, из 435 офицеров и солдат, погибших тогда на Кавказе, ощутимое большинство – 284, приходится на левый фланг Линии. И это справедливо с учетом того, что тогда в ходе подавления «мюридистского» движения Кази Муллы военное противостояние на Восточном Кавказе достигло особого напряжения. Остальная часть погибших, числом в 151 человек приходится в основном на участки Кавказской линии, противозавшей Западной Черкесии и хаджретской Кабарде. Примечательно, что все потери среди офицерского состава из числа погибших 151 человек приходится на район правого фланга Линии (следует отметить, что в указанном сборнике в отличие от нижних чинов, указываются имена, звания офицеров и место, а также время их гибели)⁶⁰, поэтому логично предположить, что основная масса потерь среди нижних чинов также относится

к этому району. Таким образом, не будет преувеличением сказать, что в основном именно хаджретской активностью здесь обуславливались такие потери.

Сведения о структуре потерь российских войск высвечивают и другие черты, характеризующие общий характер ведения хаджретами войны. Так, из 219 случаев пленения российских военнослужащих в 1832 г. только 9 можно отнести к Дагестану и Чечне⁶¹. Остальные 210 были захвачены черкесами. Опять-таки есть все основания полагать, что именно в ходе хаджретских рейдов удавалось указанным способом нейтрализовать довольно ощутимые силы противника. В пользу этого говорит и то, что при другом характере действий на левом фланге, когда отряды мюридов в основном оборонялись в укрепленных селениях от «правильно» организованной осады российских войск, первым практически не удавалось захватывать солдат в плен. Львиную долю потерь среди российских войск в таких условиях составляли раненные⁶². Наоборот, войска, участвовавшие в боевых действиях с хаджретами, имели относительно мало потерь ранеными. Таким образом, даже в период интенсивных военных действий в период подавления движения Кази Муллы в 1832 г. российские войска понесли значительно больший невосполнимый урон в ходе войны с черкесами, в частности, закубанскими кабардинцами, нежели в ходе кампании на левом фланге.

Одним из ключевых факторов эффективного сопротивления хаджретов, в частности, их успешных рейдов на Линию являлось то обстоятельство, что закубанские кабардинцы, несмотря на прекращение (в массе) своего этнического присутствия в ареале расселения карачаевцев (1828), продолжали пользоваться существенным (необходимым для осуществления военных задач) влиянием в данном районе. Это выражалось в проявлении карачаевцами устойчивой лояльности к осуществлявшим военные акции на Линии хаджретами. При этом режим благоприятствования реализовывался по отношению к ним не только на начальных, во многом латентных для российского военного командования стадиях «операций», но и во время отхода через территории, занимавшиеся карачаевцами⁶³. По большому счету Карачай в этот период сохранил положение плацдарма и «операционной базы» для хаджретских рейдов на Линию.

К исходу 1832 г. хаджретская Кабарда, демонстрировавшая до этого высокую степень устойчивости к неблагоприятному внешнему воздействию в условиях перманентной войны, стала проявлять симптомы социумного кризиса. Несмотря на то, что глубинные, детерминировавшие всю кризисную симптоматику факторы носили экзогенный характер и были генерированы логикой противостояния колоссальной мощи Российской империи, можно все-таки говорить о некоторых проявлениях внутренней деструкции в системе социальных практик закубанских кабардинцев. Негативные тенденции проявились в адаптационно-интеграционной сфере⁶⁴. Также стали обнаруживаться прострационная симптоматика среди определенной части социальной элиты и проявление общей «усталости» в целом среди населения. Наименьшую значимость среди указанных тенденций имели, безусловно, проблемы адаптации кабардинцев в субрегионе и их дальнейшей интеграции с населением Бесленеевского княжества и Абадзехии. При этом они отслеживаются настолько слабо и эпизодично (по крайней мере, в указанный период), что можно говорить об их казуальности.

В последующие почти три десятилетия фактор хаджретского присутствия в Восточном Закубанье оставался одним из определяющих с точки зрения обеспечения устойчивой резистентности воюющей Черкесии военному натиску Российской империи в данном субрегионе. Несмотря на колоссальные потери относительно многочисленного хаджретского социума на протяжении десятков лет войны, временные «замирения» с противником, частую смену ареала расселения и систематическую потерю военных лидеров, закубанские кабардинцы неизменно рассматривались в качестве одного из ведущих военно-политических факторов

Северо-Западного Кавказа. Так, российские военные специалисты аттестовали хаджретов как «самое доблестное и храброе племя на правом фланге» (1851)⁶⁵. Спустя несколько лет, на завершающей стадии военных действий в бассейне Лабы, отмечалось, что наряду с бесленеевцами «беглые кабардинцы составляли самую крепкую защиту и оплот абадзехов со стороны верховьев рек Ходзи и Белой» (1860)⁶⁶. И, наконец, в год завершения векового противостояния, анонимный автор охарактеризовал наблюдаемых им уже «залабинских кабардинцев (бежавших назад тому 45 лет из Кабарды)» как «наиболее воинственных, на которых лежала вся тяжесть прежней войны с горцами, так как они составляли авангард неприязненного нам населения – и которые наиболее нам вредили своею предприимчивостью и знанием местности» (1864)⁶⁷.

Примечания

1. Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. В 2 томах. М., 1957. Т. II. С. 341–344.
2. *Алоев Т.Х.* Вопрос о закубанских территориях Кабарды в контексте миграции кабардинцев в первой четверти XIX века // Исторический вестник. Нальчик, 2006. Вып. III. С. 260–268.
3. *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Ч. II. С. 561.
4. *Фадеев А.В.* Россия и Кавказ первой трети XIX в. М., 1960. С. 281.
5. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Тифлис, 1869. Т. III. С. 898–899.
6. *Ермолов А.П.* Записки. 1816–1825 гг. // Осада Кавказа. СПб., 2000. С. 63.
7. *Хан-Гирей.* Записки о Черкесии. Нальчик, 2008. С. 202–203.
8. АКАК. Тифлис, 1870. Т. IV. С. 841.
9. АКАК. Тифлис, 1875. Т. VI. Ч. I. С. 466.
10. *Бларамберг И.* Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. Нальчик, 1999. С. 189.
11. *Толстов В.* История Хоперского полка Кубанского казачьего войска (1696–1896). Тифлис, 1901. С. 126.
12. Деятельность А.П. Ермолова на Северном Кавказе (1816–1827). Ессентуки, 1999. С. 43.
13. Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. II. 1816–1827 г. М., 1868. С. 156.
14. *Кажаров В.Х.* Песни, ислам и традиционная культура адыгов в контексте Кавказской войны // Адыгские песни времен Кавказской войны. Нальчик, 2005. С. 63.
15. *Алоев Т.Х.* «Беглые» кабардинцы: формирование в Закубанье массива кабардинского населения и его участие в Кавказской войне в 1799–1829 гг. Дисс... на соиск. учен. степ. к.и.н. Нальчик, 2006. С. 135.
16. *Толстов В.* Историческая хроника Хоперского полка Кубанского казачьего войска. 1696–1896. Екатеринодар, 1896. С. 25–26.
17. *Филонов С.* Кавказская линия под управлением генерала Емануэля // Кавказский сборник (Далее – КС). Тифлис, 1894. Т. XV. С. 446–447.
18. *Потто В.* Кавказская война. Ставрополь, 1994. Т. V. С. 296.
19. Российский государственный военно-исторический архив (Далее – РГВИА). Ф. 13454. Оп. 2. Д. 63. Л. 127–129.
20. *Томкеев В.* Кавказская линия под управлением генерала Емануэля // КС. Тифлис, 1898. Т. XIX. С. 135.
21. Очерки истории Карачаево-Черкесии. С древнейших времен до Великой Октябрьской революции. Ставрополь, 1967. Т. I. С. 279.
22. *Томкеев В.* Указ. соч. С. 135.
23. *Гизетти А.Л.* Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн Кавказско-горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801–1885 гг. Тифлис, 1901. С. 22–23.
24. Там же.

25. Эсадзе С. Покорение Западного Кавказа и окончание Кавказской войны: Ист. очерк. Кавказ-гор. войны в Закубан. крае и Черномор. побережье. М., 2004. С. 297–301.
26. АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 885.
27. Там же. С. 882.
28. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 242. Л. 6.
29. АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 905.
30. Казаров В.Х. Указ. соч. С. 62–65.
31. Записки Алексея Петровича Ермолова. Ч. II. 1816–1827 г. М., 1868. С. 155–156.
32. АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 907.
33. Там же. С. 898–899.
34. Центральный Государственный Архив Кабардино-Балкарской республики (Далее – ЦГА КБР). Ф.Р-1209. Оп. 3. Д. 1. Л. 47–49.
35. Томкеев В. Указ. соч. С. 191.
36. АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 339.
37. Томкеев В. Указ. соч. С. 224.
38. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 43. Л. 14–15. Цит. по: Панеш А.Д. Мюридизм и борьба адыгов Северо-Западного Кавказа за независимость (1829–1864 гг.). Майкоп, 2006. С. 48.
39. Томкеев В. Указ. соч. С. 227.
40. АКАК. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 903.
41. Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. М., 2000. С. 217.
42. Там же. С. 218.
43. РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.
44. АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 340.
45. Там же. С. 343.
46. Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.). Пятигорск, 2002. С. 440.
47. РГВИА. Ф. 15264. Оп. 1. Д. 67. Л. 6.
48. АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 340–342.
49. Томкеев В. Указ. соч. С. 200.
50. АКАК. Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 341.
51. Там же. С. 342.
52. Там же. С. 343–344.
53. Гизетти А.Л. Указ. соч. С. 31.
54. Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. II. С. 399–400.
55. Там же.
56. Там же.
57. Н.Ш. Генерал Вельяминов и его значение для истории Кавказской войны // КС. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 5–6.
58. Бюрно. Кавказская оборонительная Линия // КС. Тифлис, 1878. Т. VII. С. 51.
59. Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., 1956. С. 100.
60. Гизетти А.Л. Указ. соч. С. 31.
61. Там же.
62. Там же. С. 29–30.
63. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 101. Л. 36.
64. РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 165. Л. 25.
65. Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении департамента Генерального штаба. Т. XVI. Ч. I. Ставропольская губерния. СПб., 1851 // Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. Н.Г. Михайлов. М., 2006. С. 103; Бесленей – мост Черкесии. Вопросы исторической демографии Восточного Закубанья XIII–XIX вв.: Сборник документов и материалов / Сост. С.Х. Хотко. Майкоп, 2009. С. 370.
66. Бесленей – мост Черкесии. С. 370.
67. Кумыков Г.Х. Выселение адыгов в Турцию – следствие Кавказской войны. Нальчик, 1994. С. 91.

T.H. Alov

**THE FORMATION HADJERETIAN KABARDA AND ITS PARTICIPATION
IN THE CAUCASIAN WAR IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY**

The narration of the article is set up as the singular, compendious interpretation of the causes of the origin and forms of the unfolding of the epic in the scales of Kabarda of the process expressed in hadjeret movement in a third of XIX.

Keywords: trans-Kubanian territories of Kabarda, hadjerets, migration, Caucasian line, circassian cavalry.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

УДК 17(470.64-25)

Б.Х. Бгажноков

НАЛЬЧИК. ПРОБЛЕМА ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ЦЕНТРОВ И ПАМЯТНЫХ МЕСТ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГОРОДА *

Культурный ландшафт – важный сегмент жизненного пространства, приспособленного к нуждам человека, результат рациональной, духовно-нравственной и материальной организации дикой природы. Способы и формы такой организации несут на себе печать традиций, вкусов, предпочтений народов, длительное время проживавших на данной территории. Открывается материализованная картина мира различных сообществ. С учетом этих обстоятельств в предлагаемой статье рассматриваются специфика и проблемы духовно-нравственных центров и памятных мест в культурном пространстве Нальчика – столицы Кабардино-Балкарской Республики.

Ключевые слова: Нальчик, городская среда, памятные места, историко-культурные центры, Атажукинский сад, Нартский эпос.

Нальчик по праву считается одним из самых крупных и красивых городов Северного Кавказа, развитым промышленным и культурным центром Юга России. Вместе с тем остаются проблемы дальнейшего развития и обустройства города, превращения его территории в культурный ландшафт высокого качества. Заметим в данной связи, что культурный ландшафт – результат рациональной, духовно-нравственной и материальной организации дикой природы. Способы и формы такой организации несут на себе печать традиций, вкусов, предпочтений народов, длительное время проживавших на данной территории. Символическое значение имеют также представления о сакральных, культурно-исторических центрах территории, объединяющих местное сообщество, постоянных жителей данной территории.

В культурном пространстве Нальчика таким центром можно считать сооружение Сосруко – героя, который, согласно героическим нартским сказаниям, возвратил похищенный великанами огонь или свет погруженному во тьму народу. Возвратил, кроме того, семена проса, основой земледельческой культуры древних жителей Кавказа. Сосруко – это образ истинно народного героя, рыцаря, воина, стоящего на страже интересов своего народа.

Комплекс хорошо вписывается в природный ландшафт. Сосруко стоит на возвышенности, нависающей над городом, с факелом в вытянутой руке, и создается впечатление, что перед нами живительный, всепобеждающий огонь, отвращающий от города его беды. Сооружение ассоциируется в силу этих причин с палладием – со статуей вооруженного божества, охраняющего безопасность города.

В ясную погоду с площадки перед Сосруко хорошо видны снежные вершины Кавказа. Виден как на ладони весь город в окаймлении белоснежных гор, лесистых холмов и садов. Выстроившись вокруг столицы в виде полукруга или

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект № 13-06-00666, «Методика выявления и анализа факторов, сдерживающих устойчивое развитие Северокавказского региона (на примере Кабардино-Балкарии)».

подковы, они как безмолвные часовые надежно охраняют мир и покой жителей столицы.

В целом комплекс Сосруко предстает перед нами, как духовно-нравственная доминанта столицы, как символ его мужского, сильного, побеждающего начала. Он является вместе с тем и одним из главных историко-культурных брендов Нальчика и Кабардино-Балкарии в целом. Его охотно посещают туристы, жители и гости столицы. В дни бракосочетаний сюда приезжают жених и невеста в сопровождении большой группы молодых людей. Устраиваются танцы, произносятся речи в честь новобрачных, родного города, республики.

С учетом всего сказанного хорошо бы пересмотреть концепцию сооружения. Сейчас – это прежде всего ресторанный комплекс с прекрасным видом раскинувшегося внизу (в живописной долине) города. Но при желании нетрудно сделать так, чтобы рестораны стали лишь малой частью большого культурного центра с музеями, художественными галереями, концертным залом, выставками и т.д. Уместно смотрелись бы в этих новых помещениях живописные и графические полотна и картины, посвященные различным сюжетам героического нартского эпоса, красота природы Кавказа, прославленным людям Кабардино-Балкарии.

Конечно, это предложения, которые нуждаются в обсуждении, детальной проработке, в оценке специалистов. На роль культурно-исторических центров Нальчика могут претендовать и другие места и объекты.

Специального внимания заслуживают в данной связи не только проблемы социальной символики, но и самой концепции города Нальчика. Эти вопросы, насколько нам известно, всерьез и на должном уровне никогда не поднимались. В течение многих десятилетий Нальчик застраивался без сколько-нибудь осмысленного плана, с многочисленными нарушениями градостроительных критериев. Стало очевидно в конце концов, что город постепенно теряет свое лицо, превращается в нагромождение безликих сумрачных домов и улиц, с невыразительной и серой массой сумрачных, озабоченных горожан.

Но мы привыкли считать и считаем наш город самым красивым, уютным и чистым на Северном Кавказе. Такую славу Нальчик снискал еще в 60-е гг. прошлого века благодаря культурному ландшафту, созданному парком, добротными и оригинальными дореволюционными постройками, профессиональной планировкой и качественным строительством довоенных времен, отдельными, сравнительно удачными сооружениями 50-х – начала 80-х гг.

Визитной карточкой города были и остаются здания Дома Советов, железнодорожного вокзала, драматического и музыкального театров, Государственного университета, Курзала, Турбазы, Дворца профсоюзов, Республиканской библиотеки имени Крупской, Дома печати, поликлиники № 1 и др. Украшением города стали ее площади, прежде всего, Площадь Марии Темрюковны, Площадь согласия и Площадь Абхазии. Восхищение вызывает у нальчан и гостей столицы Зеленый театр с его окрестностями, с прекрасным видом на снежные вершины. Самым популярным местом отдыха гостей и жителей столицы является городской природный парк с оригинальным и интригующим названием Атажукинский сад. В последние годы центральная часть парка обновилась, преобразилась, стала еще краше, чем прежде.

Неплохо вписались в городскую среду здания Соборной мечети, православной церкви, Государственного концертного зала. Все лучше и лучше смотрятся недавно достроенные и модернизированные участки улиц Шогенцукова, Лермонтова, проспектов Кулиева и Ленина. Вообще за редким исключением все, что находится вблизи Дома Советов, на расстоянии около двух-трех километров вокруг него, выглядит достаточно прилично. Видимо, еще и потому, что большей частью данный участок города построен и в основном задан еще до войны, на много лет вперед.

Но жизнь не стоит на месте, и мы видим, как вместе с ростом и развитием культурного облика города многое изменилось и постоянно меняется. К сожалению,

не только и не всегда в лучшую сторону. Например, при интенсивном движении транспорта не построено ни одного подземного перехода. Не всегда удачно и органично вписываются в городскую среду вновь открывающиеся торговые точки. Чаще всего они создаются на основе выкупленных квартир на первых этажах, без соблюдения градостроительных норм и стандартов, выбиваясь из общей застройки. Плохо, что тротуары, выложенные плиткой, перемежаются в этих местах с асфальтовым покрытием. Качество и тех, и других покрытий чаще всего низкое.

Об этом и о многом другом я писал и раньше в различных статьях, посвященных проблемам устойчивого развития города¹. Кажется, это имело определенный позитивный отклик и результат. Но большинство проблем остается и приходится возвращаться к ним вновь.

Вспомним еще раз о Кабардинской улице и о районе, прилегающем к ней. Известно, что эта улица (до революции Большая, затем Воронцовская) была когда-то центральной и оставалась в этом статусе вплоть до начала 60-х гг. прошлого века. Многие горожане и гости Нальчика вспоминают, что Кабардинская улица была любимым местом встреч, отдыха и народных гуляний горожан. По вечерам езда на автомобилях по этой улице была запрещена. К 17–18 часам она была уже заполнена толпами горожан. Теперь Кабардинская улица и ее окрестности – заброшенный район с ветхими строениями, разбитыми пыльными дорогами и тротуарами. Уникальные здания кинотеатра «Победа» и Государственной филармонии на грани разрушения. Детский парк развалился и опустел. Три-четыре многоэтажных дома, построенных на Кабардинской улице в последние годы, несколько ее не украсили. Непримечательные сами по себе и никак не вписываясь в атмосферу старого города, они только усилили впечатление запущенности района, с которого начинался когда-то Нальчик.

Большие вопросы вызывает примыкающее к Кабардинской улице здание гостиницы «Нальчик». Около 20 лет оно на ремонте, с пустыми, черными проемами окон, с непонятно для чего выстроенной трехметровой оградой. То же самое касается и других полуразрушенных или недостроенных зданий в этом районе. Среди них недостроенное здание, которое более 10 лет стоит на месте разрушенного Летнего ресторана, огороженная забором летняя танцевальная площадка, громада Дворца театров. Ставший долгостроем Дворец театров возвышается над парком как живое свидетельство безхозяйственности и нерационального использования территории. Особенно мрачно смотрится он со стороны главной аллеи Атажукинского сада. Стоило ли ради этого выкорчевывать десятки уникальных деревьев, ликвидировать большой участок знаменитой Комсомольской аллеи, уничтожать летний кинотеатр, великолепную детскую площадку с родничком? Ущерб, нанесенный в этом месте государству и жителям Нальчика, исчисляется многими миллиардами рублей.

Еще больше масштабы психологического ущерба, который наносят людям картины такого разрушения и запустения. Согласно законам, которые открывает современная видеоэкология, недостроенное или оставленное без ремонта здание с разбитыми окнами создает эстетически агрессивную среду, провоцирует распушенность, мелкое хулиганство, вандализм, преступность. И это понятно: неухоженный, испорченный грубым вмешательством человека ландшафт становится знаком вседозволенности, хаоса, моральной дезориентации и деструкции. Не зря в современных зарубежных и отечественных фильмах такие районы и дома изображаются как места убийств, бандитских сходов и «стрелок».

Не радуют жителей города и отдельные, сравнительно новые скульптурные сооружения. Например, памятник Лермонтову – большая удача. Но никаких чувств, кроме недоумения и досады не вызывает установленное неподалеку в Садике Свободы огромное сооружение памяти адыгов – жертв геноцида и Кавказской войны.

С памятниками Нальчику всегда не везло. Достаточно вспомнить памятники, ставшие известными в народе под названием «Фантомаса» в районе «Горной», «Скелетонов в памперсах» на площади Абхазии, «Ленина, играющего в боулинг» на площади перед Домом правительства. Но памятник жертвам геноцида адыгов по своей нелепости затмил другие. По замыслу он должен был наполнить этот уютный уголок столицы новым, еще более богатым духовным содержанием. А на деле создал еще один сегмент чуждой, негативной, агрессивной жизненной среды. И дело не только в его абстрактной, уродливой форме. Памятник слишком велик и создает большие неудобства для движения пешеходов. По размерам он никак не вписывается в узкое пространство аллеи Садика. Каждый год 21 мая сюда приходят огромные толпы людей, чтобы почтить память миллионов адыгов, уничтоженных и изгнанных с исторической родины. Но все собравшиеся, в том числе и многочисленные всадники, прибывшие из других сел и городов республики, здесь разместиться не могут. Может быть, как раз для этого памятник и был поставлен в таком неудобном месте, говорят многие жители республики.

Иначе как актом вандализма не назовешь снос здания бывшего Временного Кабардинского суда неподалеку от памятника жертвам геноцида в Кавказской войне. В 30–40 гг. XIX в. в этом здании заседали Якуб Шарданов и Шора Ногмов. В 1851 г. в нем была открыта первая светская Кабардинская школа (с 1859 г. – Нальчикская горская школа); с 1896 г. работала первая публичная библиотека, а в советские годы длительное время находился краеведческий музей. Все это, однако, не стало препятствием для варварского разрушения здания, которое могло оставаться памятником, запечатлевшим становление и развитие городской культуры в Нальчике.

Теперь этот район с полным на то основанием можно назвать памятником нравственно-экологической деструкции. Неподалеку от того места, где стоял Временный Кабардинский суд, возведено здание казначейства. Выше этого места снесено представлявшее историческую ценность здание Дома пионеров и построено не вписывающееся в местность ни по архитектуре, ни по смыслу здание Фонда социального страхования. В дополнение ко всему при входе в Садик разрушены оформлявшие начало архитектурного ансамбля великолепные пропилеи и длинными рядами построены приземистые торговые точки. Достраивается сейчас что-то несуразное, похожее на очередное питейное заведение.

Открывается, одним словом, картина последовательного и безжалостного разрушения Садика Свободы. Похоже, что городские власти поставили перед собой задачу уничтожить его на корню. Сравнительно недавно в дирекцию КБИГИ принесли для подписи (в компании с другими чиновниками) проект сноса (под предлогом установки на прежнем месте?) надгробных камней Ж. Казаноко и его супруги. При таком отношении к делу я не удивлюсь, что в один прекрасный день надгробные камни четы Казанокых исчезнут. Такой опыт уже есть. В начале 80-х гг. прошлого столетия исчезла стоявшая на улице Пушкина перед КБИГИ чугунная плита, отлитая в XIX в. в честь восхождения на Эльбрус Килара Хаширова. Тогда с большим трудом удалось разыскать плиту и восстановить ее на прежнем месте.

Учитывая сказанное, Садик Свободы надо взять под охрану государства и перестроить по-новому, с учетом естественной красоты и культурно-исторической значимости места, просьб и потребностей горожан. Желательно реанимировать высказывавшуюся много лет назад идею создания здесь музея и центра адыгской диаспоры, подумать об уместности танцзала и вновь созданных административных служб, о создании небольшой мечети, библиотеки и т.д. Но теперь к этому делу должны быть подключены самые лучшие специалисты – художники мирового уровня.

Наконец, нужно вернуть, точнее, официально и всенародно закрепить за этим местом его прекрасное название – Садик Свободы.

Примечания

1. *Бгажноков Б.Х.* Культурный ландшафт столицы // Кабардино-Балкарская правда. 2007. № 76. (21951). 13 марта. С. 3; *Он же.* Системный кризис малых территорий (по материалам исследований в Кабардино-Балкарии). С. 43–44.

В.Н. Bgazhnokov

ABOUT MORAL AND ECOLOGICAL PROBLEMS OF STEADY DEVELOPMENT OF NALCHIK

Nalchik is the capital of Kabardino-Balkaria in the Russian Federation. It is considered one of the biggest and most beautiful cities of the Northern Caucasus and also industrial and cultural center of the south of Russia. Problems of the further development and management and turning into the cultural quality landscape are still remained. Among them architectural and esthetic city image problems, problems of moral centers and memorable places and also problems of national character and common culture development.

Keywords: Nalchik, culture landscape, city image, life quality, construction of residential and public buildings, infrastructure, video ecology, public mood.

Г.Д. Базиева

СОВРЕМЕННЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ: МЕЖДУ ТРАДИЦИЯМИ И ИННОВАЦИЯМИ

В статье анализируются современные тенденции в развитии декоративно-прикладного и изобразительного искусства Кабардино-Балкарии, направленные как на сохранение этнических традиций, так и на поиски новых художественных форм.

Ключевые слова: народное искусство, традиции, изобразительное искусство, инновации, новейшие технологии, рецептуализм.

В современной науке различные культурные явления изучаются комплексно, междисциплинарный подход основывается на принципиально новом, синтезирующем знании. Тенденции интеграции, наиболее ярко выраженные в культурологии, поиск целостного подхода к феноменам культуры – все это делает актуальным обращение к художественным текстам – важным концептам, характеризующим коммуникативные потенциалы культуры, позволяющим выявить наличие универсальных и специфических знаковых систем в творческих практиках и обнаружить механизмы преемственности и инновации в истории культуры. Семиотика и семантика культуры интерпретирует всю совокупность объектов художественной культуры как систему смысловосущих текстов, а «феномен художественного образа – как специфический тип семантемы, несущей социально значимую информацию», что позволило перейти, по мнению А.Я. Флиера, от чисто субъективных оценок явлений искусства к более объективированным научным исследованиям признаков и параметров художественной культуры¹.

В данной статье нами предпринята попытка исследования процессов и проблем развития современного декоративно-прикладного и изобразительного искусства Кабардино-Балкарии как единого художественного текста, несущего функции сохранения традиций, но подверженного современным трансформациям. В предметах традиционного декоративно-прикладного искусства, в произведениях устно-поэтического творчества не только использовались те или иные этнические символы, знаки, мотивы – «продукты» народного искусства сами являлись знаками. Ю. Лотман отмечал, что «...в искусстве обозначаемое (содержание) передается *всей* моделирующей структурой произведения, т.е. текст становится знаком, а составляющие текст единицы ...становятся элементами знака»². Это утверждение, по мнению Ю. Лотмана, характерно для большинства видов художественного текста, связанного определенной системой связей составляющих его материальных единиц (знаков).

Этнические художественные традиции носят знаковый характер, так как аккумулируют в себе социокультурную и художественную информацию, накопленную народом на протяжении многих веков, сохраняют преемственность художественного опыта. Как справедливо отмечает Л. Нехвядович, «... этническая традиция в искусстве отражает ментальные основания этнической культуры, и ее художественный потенциал является источником формообразования в искусстве и определяет своеобразие творческого метода и стиля»³. Предметы традиционного искусства выступают важнейшим элементом национально-культурной самоидентификации, выполняя функции сохранения, воспроизводства и трансляции этнической культуры. Прикладное искусство является не только

процессом технологии, но и процессом смыслообразования, выявляющим кросскультурные связи, а также реконструирующим эстетические и этические предпочтения различных периодов в истории этноса.

Методический центр Кабардино-Балкарского ЦНХПиР выделяет ряд отраслей, по которым развивается современное народное искусство КБР: изготовление войлочных, шорно-седельных, керамических и ювелирных изделий, изготовление кукол и музыкальных инструментов, изготовление национального и сценического костюма, художественная лепка, обработка дерева, камня, кожи и меха, кости и рога, металла (посуда, холодное оружие,ковка, чеканка), обработка растительных материалов, таксидермия, ручная вышивка, золотное шитье, ручное вязание и ковроткачество, ковроделие, художественная ручная роспись и др.

В большинстве видов декоративно-прикладного искусства народов КБР ведущую роль занимает орнамент, представляющий комплекс устойчивых знаковых структур. Таких структур в истории искусства разных времен и народов насчитывается более сотни: это простые и комбинированные, правильные и неправильные геометрические формы, стилизованные изображения человека, растений, животных, птиц, других явлений природы. Используя орнаментальные построения, современные мастера-прикладники не только вызывают определенные ассоциации, но и выявляют значение многих символов. Кроме того, они создают и новые типы орнаментов и орнаментально-архитектонической организации вещей, выражающие новые социально-психологические состояния и особенности современной жизни.

Так, например, в адыгских циновках – «искусстве, рожденном союзом солнца, земли, воды и человеческой души»⁴ – наряду с традиционным орнаментом изображаются и предметы современного быта. Насыщенные ритмами национальных мелодий (арджены «Национальные мелодии» З. Гучева) и народной поэтикой (арджены по мотивам поэзии Л. Агнокова) кабардинские арджены отличаются многофункциональностью, которая предполагает и многообразие ассоциативных связей, исторически складывающихся вокруг определенного их типа.

16 апреля 2014 г. в Национальном музее Кабардино-Балкарии открылась выставка ардженов художника Р. Мазлоева, работы которого выставлялись в различных музеях Северного Кавказа, России и за рубежом. Главный хранитель Республиканского музея изобразительных искусств В. Мокаев отметил на открытии выставки: «Мазлоев смог раздвинуть рамки традиций, открыв в себе большого художника. Он создает традиции новые, нам незнакомые, но приемлемые для всех. Никогда не было раньше на ардженах этих космических линий!».

В современном декоративно-прикладном искусстве народов Северного Кавказа продолжают широко использоваться и традиционные символы: «бараньи рога», «трилистник», «мотивы тюльпана», «глаза» и др. А. Кузнецова, исследуя принципы орнаментики карачаево-балкарских войлоков, пишет: «В центральные ромбы вписываются здесь такие архаичные мотивы, как крест с заоваленными концами (подобие свастики). А стороны ромбов закручиваются завитками, наподобие бараньих рогов. Легкая линейная композиция центрального поля часто заполняется в пустотах между ромбами множеством мелких фигурок – роговидных завитков, крючков, сердцевидных и S-образных фигур»⁵. И далее исследователь останавливается на таких видах национального орнамента, как «кёз мюйюз» – «глаза с рогом», «жингирик оюу» – «локоть», «жулдузла» – «звезды», «кьочхар мюйюз» – «бараний рог» и др. Все они в той или иной форме присутствуют в различных видах войлоков, придавая им особую выразительность.

В январе–феврале 2010 г. в Музее изобразительных искусств демонстрировалась выставка «Войлочный путь». На выставке были представлены работы выпускниц Нальчикского колледжа дизайна, выполненные в технике балкарского

войлочного производства (ала-кийизы, жыйгыч-кийизы, бичген-кийизы), но более современные технически и композиционно («Сказка о воине» (Д. Шокарова, Л. Бекулова), «Мифическое существо» (Л. Тхакумачева), «Бичген-кийиз», «Ручей» (Д. Мокаева-Текуева); серии «Солнце», «Женщина» (Д. Шокарова), «Дерево» (Л. Бекулова), «Девушка» (М. Елеева).

Большинство работ напоминает скорее картины, чем кийизы в их прямом назначении; творческие поиски касаются как формы, так и цветовой гаммы. «Народное искусство карачаевцев и балкарцев, – отмечает И.И. Маремшаова, – так же, как и устное народное творчество, изобилует символами живой и неживой природы»⁶. В этом плане интересен войлочный ковер Д. Мокаевой-Текуевой «Ручей», напоминающий пейзаж (струящиеся белые нити шерсти, выведенные из общей композиции рисунка, олицетворяют живое движение материи).

Социокультурный контекст современного традиционного искусства претерпел значительные изменения: предметы декоративно-прикладного искусства стали разнообразнее, технологически сложнее, но в то же время эклектичнее, отвечая задачам современной культуры. В основе современных предметов декоративно-прикладного искусства лежит уже не мифологическая, а психологическая составляющая, что проявляется в повторении излюбленных образцов, декоративности и определенности форм и т.д.

Ныне возникают и активно развиваются такие направления современного народного прикладного и ремесленного творчества, как «этно-дизайн», «фолк-дизайн», «интуитивный дизайн», «мифологический дизайн» и др. В экспозициях народного искусства можно увидеть богато орнаментированные чехлы для сотовых телефонов, косметические сумочки, футляры для очков, пояса, брелоки для ключей в национальном стиле, войлочные картины-панно, изделия из шерсти, дерева и серебра, отвечающие современным модным трендам и т.д.

Разнообразное по образной концепции и стиливым приемам, декоративно-прикладное искусство Кабардино-Балкарии в целом демонстрирует многосторонность творческих исканий. Чувство современности – неотъемлемая часть народного искусства, так как свободный выбор тех или иных традиций определяет большую изменчивость и подвижность⁷. Более того, новое нередко становится традицией, обретая устойчивые формы и каноны.

Этнические традиции достаточно активно используются и в профессиональном изобразительном искусстве КБР, трансформируясь в своеобразный этнохудожественный синтез традиционного и современного. Склонностью к символическим обозначениям, поясняющим сферу этнического опыта, отличается творчество таких художников Кабардино-Балкарии, как Р.Н. Цримов, М.И. Кишев, М.М. Горлов, З.Х. Бгажноков, А.Т. Жилов, Р.А. Тураев, А.Б. Колкутин, Б.Д. Гуданаев, Х.Х. Атабиева, Х.В. Савкуев, А.Х. Маргушев, А.С. Занибеков, Ю.А. Чеченов, Р.М. Шамеев и др.

В изучении современных художественных процессов особое значение приобретают проблемы идентификации традиций и инноваций, особенности развития техник и технологий в современном искусстве, при этом традиционное искусство национальных школ рассматривается как фундамент инновационного развития.

Исследование инноваций в искусстве является одним из приоритетных направлений программы фундаментальных исследований в области культуры. Актуальность данной проблематики подтверждается существованием Всероссийского конкурса в области современного искусства «Инновация», а также проведением ряда научно-практических конференций, круглых столов и семинаров, посвященных сохранению традиций и внедрению инноваций в искусстве⁸. По мнению академика А. П. Деревянко, «традиции могут выступать не тормозом, а основой, фильтром, трамплином новаций... Ценностные и технологические качества традиции, переходя в инновации, сохраняют важную для культуры преемственность»⁹.

Технологические инновации цифровой цивилизации радикально трансформировали художественную реальность, наполнив ее новыми культурными единицами. Цифровые технологии связаны с визуализацией художественных текстов (электронные книги и журналы, сайты и персональные профили деятелей культуры, блоги, реклама, видео-арт и т.д.), значительно повышающих роль зрительного образа не только в изобразительном искусстве, но и в культуре в целом.

В Союзе художников России существует отделение новейших художественных течений, возглавляемое К.В. Худяковым, которое поддерживает инновационные процессы в изобразительном искусстве, связанные с появлением стерео- и голографических технологий, жидкокристаллических экранов высокого разрешения, интерактивных приставок, новых компьютерных программ и приложений.

Однако инновации связаны не только с цифровыми технологиями, но и с изменением художественного кода текстов. По определению Л.А. Молчановой, «инновация в искусстве – это результат исследований, разработок, новое или усовершенствованное художественное решение, стремящееся к общественному признанию через использование его в искусстве»¹⁰.

В настоящий период классическое разделение изобразительного искусства на реалистическое и авангардное направления становится неактуальным ввиду того, что многие художники реалистического направления активно используют в своем творчестве элементы и мотивы беспредметного искусства и наоборот. Большинство художников Кабардино-Балкарии работает на стыке различных традиций – таким образом, происходит своеобразная интеграция опыта, являющаяся залогом развития разнообразных творческих тенденций.

Трансформации в изобразительном искусстве Кабардино-Балкарии проявляются в развитии стилевых и творческих поисков в таких направлениях, как рецептуализм (Р. Цримов, Э. Мазлоев, А. Гучапшев), фотореализм (В. Марченко), абстракционизм (М. Кишев), символизм (Х. Савкуев), модернизм (М. Горлов), сюрреализм (М. Мисаков) и др. В Национальном музее КБР в ноябре 2007 г. экспонировались три выставки под знаком «рецептуализма»: живопись Р. Цримова и Э. Мазлоева, пластические поиски А. Гучапшева.

Меташкола рецептуализма возникла в 70-е гг. XX в. (Слава Лён, Венедикт Ерофеев и др.), но мировая премьера рецептуализма – «искусства Третьего тысячелетия» – состоялась 17 октября 1997 г. на вернисаже (совместной с Михаилом Шемякиным) выставки Славы Лёна «Кокон» в Хадсоне (США). В Российской академии художеств выставка «Рецептуальные практики» Славы Лёна и Ольги Победовой-Рукавишниковой экспонировалась в 2001 г. В 2007 г. Слава Лён как куратор открывал серию выставок в Национальном музее в Нальчике. В монографии Славы Лёна «Рецептуальные практики» (Нальчик, 2005) было манифестировано, что Ре-Цепт-Арт как новая художественная парадигма пришел на смену исчерпавшему себя постмодерну. Необычный формат носит и издание книги, которая построена по принципу зашифрованного кода – попытка перевести пластический язык на вербальный и наоборот.

В основе рецептуализма лежит знаковость искусства, ориентация на архетипы, интертекст, культурные коды всех времен и народов и др. Линия развития «образ – знак – символ» построена на трансформации пространства и так называемой «второй рефлексии» – игре с первичными знаками других авторов. По мнению Славы Лёна, « концепцию интертекста TS (Руслан Цримов. – Г.Б.) развивает не только в изобразительно-стилистическом, но и в тематическом, жанровом, демонстрационном аспектах. Главным для TS в концепции интертекста является проблема архетипа. Знаки и образы, с удивительным постоянством форм и типов изображения проходящие через культуру всех времен и народов, становятся для художника исходным материалом творчества и предметом настойчивого изучения»¹¹.

Знаки А. Гучапшева – солнце, дерево, птица – выполнены скульптором в разных материалах: керамике, полиэтилене, рогозе, бумаге, металлической сетке

и др. Материал, а также форма обыгрываемых знаков вызывает своеобразные ассоциации: металл подчеркивает прочность и вечность, бумага – легкость и воздушность, дерево – жизненность и конкретность.

В апреле 2013 г. в Кабардино-Балкарии под эгидой Союза художников КБР, Министерства культуры КБР и музея изобразительных искусств им. А. Ткаченко был запущен проект «ArtsCool» для молодых начинающих художников. «Задача ставилась следующая – научиться работать с текстурой. Мы не ставили себе целью создать произведения искусства – мы создавали яркие арт-объекты, которые можно использовать в оформлении самых разных интерьеров»¹², – отметила руководитель проекта Имара Аккизова. Суть проекта состоит в том, что в течение десяти дней молодые художники проходят мастер-класс, а затем лучшие работы экспонируются в залах музея. В 2013 году тематика проекта носила название «Окна», в 2014 – «Зазеркалье». Среди участников студенты факультета искусств и СМИ КБГУ С. Рагулин, Д. Хашхожева, Д. Машезова, М. Буговай Ф. Кудаева.

В 2013–2014 гг. в Москве состоялись презентации выставок современного изобразительного искусства черкесских художников «Оттенки черкесского» и «Предания нового времени», на которых были представлены различные жанры: изделия декоративно-прикладного искусства, песочная анимация, живопись, цифровое искусство, графика, фотография. На выставке «Предания нового времени» экспонировались работы художников Р. Шамеева и Д. Хашхожевой, художника-дизайнера А. Иванова, фотографа М. Муссовой, а также художника-иллюстратора В. Бондаревой (Самара). Шеомир Гучепшоко (Адыгея) на открытии выставки продемонстрировал секреты искусства на песке (Sand Art). Выставка фотокартин художника экспонировалась также в республиканском Национальном музее, на презентации которой в режиме реального времени был показан фильм «Адыгэ Хэку». Отличительной чертой вышеперечисленных проектов является такая инновация современного искусства как интерактивность – возможность приобщения к художественному процессу широкого круга ценителей искусства.

В феврале 2015 г. в Нальчикском музее изобразительных искусств экспонировалась персональная выставка молодой художницы Жанны Аппаевой. На экспозиции было представлено около 60 работ: необычный колорит и философская тематика полотен позволили автору зафиксировать не столько предметный мир, сколько собственные глубокие духовные переживания. Ассоциативность мышления – органичная и активная составляющая современного художественного текста, определяющая его динамическую композицию, создающая параллельные смысловые линии и т.д. Все это порождает множество смысловых полей экспонируемых полотен, в котором картины – не просто разрозненные фрагменты текста, а единый визуальный художественный ряд. Неслучаен и преобладающий синий цвет полотен, и название выставки – «440 нанометров» – длина волны светового излучения, позволяющего увидеть человеческому глазу именно синий цвет. В картинах-триптихах («Дельфины», «Портрет Натэлы Сперанской» и др.) каждая часть не самодостаточна, а является продолжением, таким образом создается впечатление перетекающих и пересекающихся линий в раме художественного пространства, а сами полотна воспринимаются как мультифрагментарная реальность, построенная средствами изобразительного языка.

Исследование процессов трансформации современных художественных текстов актуализируется в связи с тем, что «социальный субъект, ангажированный в современные пласты художественной культуры, демонстрирует эстетические запросы современного общества, регулируя тем самым отношения в социуме, наиболее характерные для данной социокультурной ситуации»¹³.

В современный период активизируются аудиовизуальные средства эмоционального воздействия, которые кроме феномена «клипового сознания» и облегченного восприятия окружающей действительности, формируют также новый тип культуры, не исключаяющий, а дополняющий традиционные формы.

В целом, проведенное исследование проблем формирования и развития эстетики традиций и инноваций в художественном тексте (на примере декоративно-прикладного и изобразительного искусства Кабардино-Балкарии) позволяет сделать следующие выводы:

- традиции национального искусства изучаются и используются как в декоративно-прикладном, так и профессиональном искусстве, являясь знаками и символами этнической идентификации, художественным кодом этнического текста;
- художественные инновации в изобразительном искусстве КБР связаны не столько с новейшими технологиями, сколько с поисками новых образно-выразительных средств, отражающих современный социокультурный и эстетический контекст.

Примечания

1. *Флиер А.Я.* Художественная культура // *Культурология. XX век.* В 2 т. СПб., 1998. Т. 2. С. 338.
2. *Лотман Ю.М.* Искусство как семиотическая система // *Лотман Ю.М.* Лекции по структуральной поэтике // URL: <http://www.gumer.info/.../Literat/lotlek/01.php> (Дата обращения: 20.02.14.).
3. *Нехвядович Л.И.* Этнические традиции как источник фортмообразования в искусстве // URL: <http://izvestia.asu.ru/2011/2-1/arts/TheNewsOfASU-2011-2-1-arts-08.pdf> (Дата обращения: 15.05.14).
4. *Гучев З.* Искусство адыгской циновки. Майкоп, 1990. С. 4.
5. *Кузнецова А.Я.* Народное искусство карачаевцев и балкарцев. Нальчик, 1982. С. 72.
6. *Маремшаова И.И.* Культ дерева в системе экологического сознания карачаевцев и балкарцев // *Вестник Института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН.* Нальчик, 2002. Вып. 9. С. 94.
7. *Базиева Г.Д.* Этническая культура народов КБР в условиях современных трансформаций: культурологический анализ. Нальчик, 2013. С. 73.
8. *Канунникова Т.А.* Взаимосвязь инновационных процессов в искусстве и художественной педагогике // *Педагогика: традиции и инновации: материалы IV Междунар. науч. конф.* (г. Челябинск, декабрь 2013 г.). Челябинск, 2013. С. 28–31.
9. *Деревянко А.П.* Традиции и инновации в истории и культуре. Программа фундаментальных исследований Президиума РАН на 2012–2014 (Описание программы) Обоснование необходимости реализации программы программно-целевым методом // URL: <http://www.tradition.iea.ras.ru> (Дата обращения: 15.04.15).
10. *Молчанова Л.А.* Инновации в художественно-образном содержании живописи алтайских художников рубежа XX–XXI веков // *Вестн. Том. гос. ун-та.* 2008. № 309. С. 59–63.
11. *Лен Слава.* TS: Рецептуальный сериал в контексте постмодернизма. Нальчик, 2005. С. 49.
12. *Битокова М.* Обратная сторона зеркал в музее изобразительных искусств // *Горянка, №14 (763).* 9 апреля 2014.
13. *Пенионжек Е.В.* Интеллектуальная история Европы: культурное пространство ценностных значений // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов. Грамота, 2015. № 1 (51): в 2-х ч. Ч. I. С. 146* // URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2015/1-1/39.html> (Дата обращения: 19.02.15).

G.D. Bazieva

MODERN ARTISTIC TEXT: BETWEEN TRADITIONS AND INNOVATIONS

The paper is analyzed the modern tendencies of development of Kabardino-Balkarian art are directing at conservation for traditions and the quest for new art forms.

Keywords: folk art, traditions, innovations, new technologies, fine art, receptualism.

УДК 811. 512. 142

А.К. Аппоев

МЕТОНИМИЯ В СОСТАВЕ ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается метонимия на примерах этнографизмов. В составе этнографической лексики карачаево-балкарского языка метонимия встречается в переносе названия с материала на изделие из него, с одного явления на другое, с вместилища на вместиемое, с действия на инструмент действия и т.д.

Ключевые слова: метонимия, карачаево-балкарский язык, этнографическая лексика.

Метонимия (от греческого *metonimia* – переименование) – это замена одного слова другим на основе связи их значений по смежности. При метонимии название с одного класса объектов или единичного объекта переносится на другой класс или отдельный предмет, ассоциируемый с данным по смежности.

Метонимические переносы употребляются в языке чаще, чем метафорические. Как и метафорические, они бывают индивидуальные и узуальные. Основными видами узуальных метонимических переносов в карачаево-балкарском языке являются следующие:

1. Перенос названия с материала на изделие из него: *чепкен* «домотканное сукно» и «мужская верхняя одежда из этого материала (черкеска)», *чоюн* «чугун (сплав железа и углерода)» и «котел из этого металла», *мюйюз* «рог» и «бокал из рога», *чын* «фарфор» и «пиала», *чай* «вечнозеленое растение, из листьев которого готовится ароматный напиток» и «высушенные и обработанные листья такого растения», «напиток, настоящий на этих листьях».

Текстовые примеры: *Наурузну юсюнде акъсыл жангы чепкенге, аны ёшюнюнде ариу хазырлагъа тойда кёп жаши сукълана эди* (Кучиналаны М.) «Новой серой черкеске Науруза, красивым газырям на его груди завидовали многие парни»; *Чоюндагъы – санга, къазандагъы – манга (погов.)* «То, что в чугуне – тебе, а то, что в казане – мне»; *Къызчыкъ аллыбызгъа печенье, конфетле салды, накъышлы чынлагъа чай къуйду* (Шауланы Х.) «Девочка поставила на стол печенье, конфеты, в узорчатые пиалы налила чаю»; *Ичи эбизе чагъырдан толгъан мюйюзню къолуна алып, Вано алгъыш этеди* (Ёзденланы А.) «Держа в руках рог, наполненный сванским вином, Вано произносит тост».

2. Перенос названия с одного явления на другое, когда они связаны во времени: *аишам* «вечер, сумерки» и «еда в это время в период уразы», *сараиш* «время до рассвета в период уразы» и «еда в это время», *уихууур* «вечер» и «ужин».

Текстовые примеры: *Адик намаз этип бошаргъа келини, аиш-суу хазырлап, анга аишам ачдырды* (Гуртуланы Б.) «К моменту завершения [вечерней] молитвы сноха Адика приготовила пищу и угостила его»; *Налжан аурукъсунуп тура эди да, ол эрттенликде сараиша къобалмады* (Кушкаланы А.) «Налжан приболела, поэтому не смогла встать на сараш (утреннюю еду во время уразы)»; *Тюз ала да уихууурну ашап бошаргъа къабыргъа къониулары Байкъул кирип келди* (журн. «Минги-Тау») «Как только они закончили ужинать, в дом к ним зашел ближайший сосед Байкул».

3. Перенос названия с вместилища на вместимое (одно в другом или на другом): *стол* «предмет мебели» и «такой предмет мебели вместе со всем, что поставлено на нем для еды», *юй* «дом» и «семья, двор, усадьба, жилик «мосол, мозговая кость» и «костный мозг».

Текстовые примеры: *Не айтдыраса! Бизге уа къарап-къарагъынчы жарагъан стол жараидырдыла* (Гулаланы Б.) «Что там спрашивать! Для нас вмиг организовали шикарный стол»; *Арлакчыкъгъа ётгенлей, «Заказаны столу» деген жазыуну эслеп, жаш алайгъа барды* (Кациланы Х.) «Пошел чуть дальше и парень увидел табличку с надписью «Стол заказов», подошел»; – *Элибизде юч жюзден аслам юй барды* (газ. «Заман») «В нашем селе свыше трехсот дворов»; *Юйюм деген юйю тенгли таш кётюрюр* (погов.) «Кто думает о своей семье, тот поднимает такой камень, как дом»; *Жиликден къачха дери сен тояrsa, халкъыма, бир онглу мал сояrsa* (Къоркъмазланы К.) «Костного мозга ты наешься до осени, если зарежешь моему народу хорошую скотину».

4. Перенос названия с действия на инструмент действия: *билеу* «точка чего-л.» и «оселок, брусок, точило», *эгеу* «пилка, пиление, точка, стачивание чего-л. (напильником)» и «напильник», *буруу* «закручивание, завинчивание, скручивание» и «бурав, сверло», *тырнау* (цокающий диалект) «царапанье» и «грабли» карач. «борона».

Текстовые примеры: *Бохчаны, ичинде бир биз, бир билеу, бир жюлгюч, баиша зат болмагъанды* (Къарачай халкъ таурухла) «В кошелке были шило, брусок, складной нож, больше ничего не было»; *Масхут базыкъ тишили эгеу бла чаганы жютю эте турады* (Къулийланы Х.) «Масхут крупным напильником точит тяпку»; *Кючлюден да кючлю бир зат табылыр: жана тургъан отну суу ёчюлтеди; туман басса, акъ тау кёрюнмей къалыр; эмен терекден да буруу ётеди* (Къулийланы Къ.) «Найдется еще сильнее сильного; вода тушит тлеющий костер; если покроет туман, не видно будет белой горы; сверло буравит и дуб»; *Сагъат ишлеген тырнау ишлегенге сейирсине эди* (погов.) Тот, кто делает часы, поражался тем, кто делает грабли».

5. Перенос названия с действия на средство действия: *жагъыу* «смазка, втирание» и «мазь», *чулгъау* «обертывание, завертывание, наматывание» и «портянка», *байлау* «связывание, обвязывание, перевязывание, перевязка» и «повязка, бинт».

Текстовые примеры: *Врач Налжанны билегини сыннганын тохтаидырды, жагъыуну къалын жагъып, гыпхынла салды* (ТСКБЯ) «Врач установил, что у Налжан сломалась рука, смазал ее мазью и наложил шины»; *Адилгерийни жарасындан чыкъгъан къан байлаундан да ётген эди, алай акъгъан а этмеген эди* (Гуртуланы Б.) «Кровь из раны Адилгерия, протекала сквозь бинт, но не капала»; [Далхат эгечине:] *Маржан, мени чулгъауларым суудула, печъге жайып къурутчу* (Кучиналаны М.) «[Далхат своей сестре:] Маржан, портянки мои мокрые, высуши их на печке».

6. Перенос названия с орудия на действие, производимое этим орудием: *чалгъы* «коса» и «косовица, сенокос», *оракъ* «серп» и «жатва, косовица».

Текстовые примеры: *Оракъда омакълыкъдан хайыр жокъ* (погов.) «Во время жатвы щегольство ни к чему»; *Оракъчы оракълада таньлыр* (погов.) «Жнеца узнают во время жатвы»; *Ма бусагъат чалгъы баишанырыкъды, кишилигинги анда кёрюрбюз* (Толгъурланы З.) «Вот скоро начнется сенокос, там и испытает твоё мужество».

7. Метонимический перенос названий имеет и более сложные модели, но они малопродуктивны, например:

Родовое название переносится на видовые: *агъач* «лес (деревья)» и «дерево», «дерево, бревно (как материал; древесина)», *къагъыт* «бумага» и «письмо», «документ», *къошун* «керамика (изделия из обожженной глины)» и «масса,

из которой изготавливаются такие изделия (*спец.*), «кровельный материал в виде обожженных глиняных или цементных желобчатых пластинок», «отдельная такая пластинка», «кувшин, горшок, жбан».

Текстовые примеры: *Агъачны башын кессенг, тюбю къалыр* (погов.) «Срежь верх дерева, останутся корни»; *Агъачны узуну аркъау болур, адамны узуну жалкъау болур* (посл.) «Длинное бревно продольной балкой (в доме) бывает, а длинный человек ленивым бывает»; *Жашдан къагъыт келмегенли экинчи ай барады, бек тынгысызбыз* (Токъумаланы Ж.) «Вот уже месяц нет от сына письма, очень переживаем»; *Къагъытларымы бергенме, экзаменлеге къыстау хазырланама* (Чыпчыкъланы Б.) «Документы я уже сдал, усиленно готовлюсь к экзаменам»; [*Халим Къасайгъа:*] *Къошундан башын чыгъаралмагъан тюкюлей болуп тураса* (Жангоразланы А.) «[Халим Касаю:] Ты похож на лису, которая не могла вытащить свою голову из кувшина»; *Ол а къыйналмайды: башы къошун бла жабылгъан тюплю-башлы ююю, тюбюнде иномаркасы...* (Гуртуланы Э.) «Ему-то неплохо: [имеет] двухэтажный дом, покрытый черепицей, ездит на иномарке...».

8. Специфической разновидностью метонимии является перенесение названия с целого предмета на его часть, называемый синекдохой (от греч. *Сυнеκδοχη* – соотнесение, соотношение). В карачаево-балкарском языке она имеет широкое распространение *дуру* «полоса скошенной травы» и «валок (гряда скошенной травы)», *къала* «город» и «крепость», «дворец», «башня», *къабакъ* «село, селение» и «ворота», *аякъ* «нижняя часть ноги животного» и «копыто», *хыяр* «тыква» (растение) и «плод этого растения», *сохан* «лук (растение)» и «плод этого растения», *быхы* «морковь (растение)» и «корни этого растения», *хууан* «дыня (растение)» и «плод этого растения», *чюгюндюр* «свекла (растение)» и «корень этого растения», *машина* «механизм, совершающий какую-либо полезную работу» и «автомобиль, автомашина» и др.

Текстовые примеры: *Бригадир дуруланы кенгликлерини ёнчеледи, барысыныкъыладан да Саматны дурусу тар болгъаны билинди* (Гуртуланы Б.) «Бригадир измерил ширину полос скошенной травы, самой узкой оказалась полоса Самата»; *Сол жанында – къызыу кюнде къуруй баргъан дурула, онг жанында – жангы чалынган чий кырдык...* (Залийханланы Ж.) «Слева (от дороги) – высыхающие на жарком солнце валки, справа – только что скошенная трава...»; *Малкъарда бизге Абайланы, Амырханланы къалаларыны юсюнден хапар айтдыла* (газ. «Заман») «В Балкарии нам рассказали о башнях Абаевых и Амирхановых»; *Хан къызына къаладан тышына чыгъаргъа къоймагъанды* (фольк.) «Хан не разрешал своей дочери выходить из крепости»; *Юйлерини – темир къабакълы, суулары – ала чабакълы* (Табакъсойланы М.) «Дома у них имеют железные ворота, в реках у них – форель»; *Ат аягъы да суу бокълайды* (погов.) «И копыта коня мутят воду»; *Кюлени биринде юйюбюзню алына бир ариу женгил машина келип тохтайды* (Бабаланы С.) «Однажды возле нашего дома останавливается красивая легковая машина».

Вопрос об отнесении переноса названий плодов и ягод на их растения в карачаево-балкарском языке нуждается в уточнении. В этом языке названия растений и их плодов и ягод не совпадают. В названиях плодовых и ягодных растений обязательно присутствуют слова *терек* «дерево» или *котур/ кёкен* «куст»: *алма терек* «яблоня», *эрик терек* «слива (дерево)», *наныкъ терек* «малина (куст)», *дугъум котур/ кёкен* «куст смородины», *юлёкъу котур/ кёкен* «куст шиповника») и др. При названии же плодов и ягод этих растений «прибавки» *терек, котур/ кёкен* отсутствуют: *алма* «яблоко», *эрик* «слива», *наныкъ* «малина», *юлёкъу* «шиповник», *дугъум* «смородина». Поэтому плоды, ягоды и растения, на которых они растут, не могут быть названы одним и тем же словом. Следовательно, здесь не приходится говорить о синекдохе. Некоторые

лексикологи, не учитывая это обстоятельство, утверждают, что слово *алма* означает «яблоко» и «яблоня», *кертме* «груша» и «грушевое дерево», *шаптал* «абрикос» и «абрикосовое дерево», т.е. в таких словах видят перенос названия плода, ягоды на их растения¹.

Другое дело названия бахчевых культур. В них действительно имеет место синекдоха, так как названия таких растений и их плодов (и корней) совпадают, и название с плода или корня переносится на их растения: *наша* «огурец (плод)» и «растение огурца», *харбыз* «арбуз (плод)» и «растение арбуза», *чюгюндюр* «свекла (корень)» и «растение свеклы», *турма* «редис (корень)» и «растение редиса», *хьяяр* «тыква (плод)» и «растение тыквы» и др.

Помимо узуальных, в исследованном языке довольно много случаев индивидуальных, контекстуально обусловленных употреблений переноса названий по метонимической модели. Исследованный нами фактический материал свидетельствует о том, что в моделях образования метафор гораздо больше узуальных значений, а в моделях метонимических образований – индивидуальных употреблений. Между моделями образования индивидуальных и метонимических переносных значений обнаруживается еще такое различие: индивидуальная метафора очень часто употребляется в произведениях художественной литературы, являясь выразительным тропом, узуальная же метонимия обычно является достоянием разговорной речи.

Одним из случаев индивидуальной метонимии в составе этнографической лексики карачаево-балкарского языка можно назвать перенос названия с вместилища на содержимое или объем содержимого: *шеша* / *шыша* (карач) «бутылка» и «жидкость, содержащаяся в бутылке», *табакъ* «тарелка» и «еда, содержащаяся в тарелке», *аякъ* «чашка, тарелка, миска», «бокал, чарка, кубок, чашка» и «содержимое этой посуды».

Текстовые примеры: *Асыры ач кёре эдим, харипчик: [Алим] экинчи табакъны да къаран-къарагъычы бошатды* (Гуртуланы Э.) «Бедненький, оказывается, [Алим] сильно проголодался: в мгновение ока опустошил и вторую тарелку»; – *Оллахий, бу ариу шешаны ичгинчи, биринг бир жары теберик туююлсюз! – деп, Назир «Наполеонну» башын суху ачды* (Чыпчыкъпаны Б.) «– Клянусь богом, пока эту красивую бутылку не выпьем, никто с места не тронется! – сказал Назир и резко откупорил «Наполеон»; *Ючюнчю аякъчыкъны уртлагъандан сора, жашиха тил чыгъып, таматадан сёз тилеп башлады* (Тёппеланы А.) «После третьего бокала у парня развязался язык, и он стал просить у тамады тост».

Подобные примеры некоторые лингвисты оценивают как факт языка². Однако здесь не лингвистическая метонимия, а метонимия индивидуальная. «Не приобретением словами новых специальных значений, а подчинением их общей метафорической модели нужно объяснить такое употребление существительных, обозначающих сосуды, разные виды посуды и т.п., как выпил два стакана, пролил все ведро и т.п. (в отличие от «собственного» значений слова *блюдо*)...»³.

Примечания

1. *Отаров И.М.* Лексикология карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1996. 221 с.
2. Словарь башкирского языка. Уфа, 1993 (I, II); *Отаров И.М.* Лексикология...; Толковый словарь татарского языка. Казань, 1977–1981.
3. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (На материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

A.K. Appoev

**METONYMY AS PART ETHNOGRAPHIC VOCABULARY
KARACHAI-BALKAR LANGUAGE**

The article deals with the examples of metonymy ethnographism. As part of the ethnographic vocabulary Karachai-Balkar language metonymy occurs in transferring title to the material the product of it, from one phenomenon to another, with a capacity for containers, with action on the instrument of action, etc.

Keywords: metonymy, Karachai-Balkar language, ethnographic lexicon.

Токъумақъ М.Хь.

АДЫГЭБЗЭ СИНОНИМХЭМ КЪАГЪЭХЪУ ГУПХЭР
(*Синонимическэ псалъалъэм и материалхэм теицГыхъауэ*)

Мы лэжыгыгъэр зытеухуар адыгэбзэм и синонимхэр къызэрыхъу лIэужыгыгъуэхэрэщ. Ахэр зэщхъэщокI мыхъэнэкIэ зэтехуэрэ, мыхъэнэкIэ зэгъунэгъурэу. Гуп къэс къызэщIеубыдэ езым хуэфашэ, ехъэлIа синонимическэ сатырхэр.

Хэзыгыгъуазэ псалъэхэр: синонимие; синонимическэ сатырхэр; мыхъэнэкIэ зэтехуэрэ, мыхъэнэкIэ зэгъунэгъу синонимхэр; жы хъуа псалъэхэр; диалектизмэхэр; мыхъэнигI-щы зиIэ псалъэхэр; стилкIэ зэщхъэщыкI псалъэхэр; урысыбзэм къыхэкIа псалъэхэр; фразеологизмэхэр.

Дэтхэнэ бзэри нэхъ къулей, нэхъ дахэ зыщIхэм ящыщ зыщ синонимхэр. Абыхэм я фIыгъэкIэ зы мыхъэнэр Iэмал зэмылIэужыгыгъуэхэмкIэ къыпхуоIуатэ. Синонимхэм гупсысэр нэхъ наIуэ ящI.

Япэ дыдэу адыгэбзэ синонимием научнэ и лъэныкъуэкIэ тепсэлъыхъауэ щытар Н.Ф. Яковлевыращ¹. Абы иужькIэ Шагъыр А. Къ. лексикологием теухуауэ къыдигъэкIа тхылгым къыщигъэлъэгъуащ синонимхэр гупурэ зэрыбгуэщ хъунур². АдэкIэ синонимием Апажэ М.Л. и лэжыгыгъэхэм щытепсэлъыхъащ. Абы къыхигъэщаш синонимиер лексико-семантическэ системэм зэрыхэтыр, абы къалэн шхъэхуэ зэрыщигъэзащIэр³. Ди жагъуэ зэрыхъунщи, иджыри къыздэсым нэгъэсауэ, куууэ, лъэныкъуэ псомкIи синонимиер зыми адыгэ бзэщIэныгъэм къыщыхутагъым.

Синонимием теухуауэ псалъалъытI адыгэбзэм иIэщ: Пщыбий И.Хь., Сэкий Н.Я. сымэ 1971 гъэм къыдагъэкIауэ «Адыгэбзэм и синонимхэм я псалъалъэ кIэщымыр»⁴, Дзыгъуанэ Р.Хь., Шэру Н.Гъу. сымэ 1997 гъэм ягъэхъэзыра «Адыгэбзэм и синонимхэм я псалъалъэмр»⁵. Зи гугъу тщIа псалъалъэхэм синоним нэхъыбэ хэмыхъауэ къэнащ. Iэмал зэриIэкIэ адыгэбзэм синоним куэд иIэху, нэхъ куэд хэбгъэхъэху, бзэр нэхъ къулей, нэхъ гъэщIэгъуэн мэхъу, бзэм и зэфIэкIым зеубгъу. Уеблэмэ, бзэм зэрызыхъумэж Iэмалхэм ящыщу жыпIэ хъунуш синонимхэр: абыхэм мыхъэнэ ин яIэщ нэгъуэщIыбзэ псалъэхэр адыгэбзэм ебжIыу къыхэмыгъэхъэнымкIэ, ахэр адыгэбзэм и Iэмал псори къэгъэсэбэпауэ зэдзэкIынымкIэ. Щапхъэу къэпхъ хъунуш «ЕджапIэхэм папщIэ урыс-адыгэ псалъалъэм» синонимхэр къызэрыщыгъэсэбэпар⁶. Абы къыхэкIкIэ Къэбэрдей-Балъкър гуманитар къэхутэныгъэ институтым и адыгэбзэ секторыр елэжын щIидзаш Адыгэбзэм и синонимхэм я псалъалъэ зыхэгъэувэным. Дзыгъуанэ Р. Хь. зи унафIэщIу гупым хэтщ Токъумақъ М.Хь., Хэжэ З.Р., Абазэ М.М. сымэ. Псалъалъэр зыхэлъхъэным зэрыщIэддзэрэ куэд дыдэ мыщIами, иджыпстуи нэрылъагъу мэхъу синонимхэр гупурэ зэхэбгъэкI зэрыхъунур.

Синоним гупхэр зэмылIэужыгыгъуэу бгуэщ хъунуш. Ахэр я мыхъэнэкIэ къапщтэм зэщхъэщокI мыхъэнэкIэ зэтехуэрэ, мыхъэнэкIэ зэгъунэгъуу. Синоним зэхуохъу мыхъэнэкIэ зэтехуэ псалъэхэр, зыр жы хъуауэ, нэхъ мащIэрэ къагъэсэбэпу, адреир иджы нэхъ убгъуауэ къагъэсэбэпу. Псалъэм папщIэ: **КIэрахъуалъэ** (мыбдей къыщыщIэдзэуэ синонимхэу доминанту къаIуэхэр фIыщIэу къыхыдогъэщ. – Т.М.) кIэрахъуэ зралъхъэ, здыщыхъумэ къэльтмакъ цыкIу. *Цыху зэхэт къомым къытхрыкIырт и занщIэр и гъуэгъуу, езыри къекIуу хуэпауэ: цей хужь, хъурыфэ ныIэ лъагэ, дыщэм щIигъэна къамэ, бгырытх,*

кЛэрахуэпс, мет зытет кЛэрахуэпсэм зи дыжыын дакээр хужбу кыиц кЛэрахуэ, сэхуэ фЫцЛэ – арат Къазджэрий Ицэ-фацэу кЛэрылгыр, абы ицЫлужжкЛэ «пенснелэ» зэджэ нэггуджэр Іульц⁷. ХЪУМПЫРЭ жьы мы псалъэм и мыхьэнэр «кЛэрахуэпсэм» псалъэм и мыхьэнэм кышхьэщыкыркыым. (Аслэнджэрий) И Іэр хуит зэрыхуэххэу, абы хумпЫрэм фокЛэщЫр кърепхуэп Бэтокъуэ кьеуэну, бегуэлхэми я Іэцэр кьапхуэатэ, арицхьэкЛэ напЛэзыпЛэм Бэтокъуэ и цлаклуэ кЛапэр иредзэкрИ сэхуэр кърелъэф⁸.

КЛэлош хьэфэм кышхьэщыкыла вакъэ лЭужыгыгъуэ. *Абыхэм ящыц зыбжанэм шырыкыу ялыгыт, гьэмахуэ хуабэм ицхьэкЛэ кьамыганэу кЛэлош телыгъуэ, зэрыбейр, зыхуей зэрагъуэтыр абыкЛэ кьаггэлагъуэу⁹. Бдзантихьэ кьатыр жьы хьэфэм кышхьэщыкыла вакъэ. Лъахьстэн лъешТым зыцаггэщыкылуэжырт бдзантихьэ вакытЫм¹⁰.*

Синоним зэхуохуэ литературэбзэм щыц псалъэмрэ диалект псалъэкЛэм щыщхэмрэ. Псалъэм папщІэ: **КЛэпхын** гупэр ямыуфІеин папщІэ зылуалхьэ щыгъын. *Абы кышхьэщыкыла ІумЫр е (Лусэ) и блэгуцІэм, е и кЛэпхын гьуабжэм цІууфэрт¹¹. КЛэпхуэ тэрч. мы псалъэм и мыхьэнэр «кЛэпхын» псалъэм и мыхьэнэм кышхьэщыкыркыым. А фыз (Мадинэт) Іэхульэхум и кЛэпхуэр зылухыртэкъым гьуэлгыжыгъуэ хьуху, зыгуэр имыщІэуи цысынтэкъым лэжыаклуэ кыкыгъа нэужы¹².*

Балией Балий кызыпыкЛэ жыг. *Балиейр цыггэаггэкЛэ, зэикІ уигу кышхьэщыкылакъэ уэ?¹³ Шэдыгъуэ к.-з. мы псалъэм и мыхьэнэр «балией» псалъэм и мыхьэнэм кышхьэщыкыркыым. Янэ цІыкЛэ ваклуэ мэжаджэм хуэдэу мафІэр кызыратхьа хьэку жьэражэем шэдыгъуэ пхьэфэ цІынэ иралхьэри абы траупцІэурэ, иужькЛэ апхуэдэу яггэжыар зэхапцэжы Іэнлэишхуэкли, аргуэру шыуанышхуэкЛэ зэ яггэжыэжыащ (фызхэм)¹⁴.*

Синоним зэхуохуэ зы мыхьэнэ зилэмрэ мыхьэниТІ-щы зилэ псалъэхэмрэ. Псалъэм папщІэ, *кЛэлыпльын* псалъэм мыхьэнищ илэщ, мыхьэнэ кьэс а псалъэм синонимическэ гуэгъу, гуп кыггэжыу: **КЛэлыпльын 1** зыгуэрым гьэхуауэ еплъын. *Кьуэм ицхьэщыт Іуащхьэм тет пщы Аслэнджэрий кЛэлопль хьуницІэр зэрелуэкы¹⁵. КЛэлызепльэн* тІасхьэ гуэр дэлагъун мурадкЛэ зыгуэрым щэхуу еплъын. *РазведчикитІ гупым хэпцири траншейм епщылащ, бийм кЛэлызепльэуи цІадзащ, мыдрейхэри гьуэлгыащ поплэ¹⁶. Кьепльэклуэн* щэхуу зыгуэрым ищІэм, илэжыым еплъын. *Я ицхьэтепхуэхэм кыкыуэплуэ кьэжэр цІыхубзхэри адкЛэ-мыдкЛэ кьуэггэнапЛэхэм кыкыуош, я нэхьыбэри унащхьэм кьытетхэу кьэзакъхэм кьопльаклуэ¹⁷.*

КЛэлыпльын 2 зыгуэрым кьалэн хуэщІэн. – *Си анэр сымаджэ хьэлгэщ, пцэдей сыклуэжы цІэзггэгуэлхьэн хуейщ сымаджэщыым, кЛэлыпльыни шэкъым сэр мыхьумэ, – пщы цупсащ Къазбэч, псори я нэр кыижу кьеплуэ¹⁸. Зехьэн* зыгуэр зыхуей хуэггэзэн. *Щымахуэр кышхьэри Бекъан ишхыни, пхьэ гьэсыни, зезыхьэни имыІэу унэ нэщІым кыищыщІэнэм, цІыІэ узым нэхьри зэфІиггэдыкьэжыауэ лЭри лыжэ зытуц зэхуэсри цІалхьэжыащ¹⁹.*

КЛэлыпльын 3 зыгуэр хуэсакыу зехьэн. *Ар (фирмэныр) Истамбыл дэс тебдилхьэсэджыым (тэрзэхэм я тэммагъыр кьэзыпщытэм) кьрита тхылыг арат, Анапэ цыІэ тэрзэхэм кЛэлыпльыну²⁰. Хьумэн* хуэсакыу зехьэн, зыри кышхьымыггэщыын. *Дыгъи тепсэу, уэиши теишхэу сэ сыванІэу кысфІоцІыж, Сэриц зыхьумэр псом я лъабжэер, Сэ схьумари мыклуэдыж²¹.*

Синоним зэхуохуэхэр зи мыхьэнэкЛэ эщхь, стилкЛэ эщхьэщыкЛэ псалъэхэр. Псалъэм папщІэ: **Клуэн** лъэсу е зыгуэркЛэ зыщыпЛэ нэсын. *Мис а псори и ицхьэм цышхьэрахьэу Шорэ клуэт мэжджытым²². Джэдэн* гуем. зыщыпЛэ зэфІэмыхьэ-зэфІэлуауэ «пщын». *ХьэцІанІэ ищынур кымыгъуэтыфу (Эйзенхауэр) зэ зы кьэралым мэджадэ, зэм нэгъуэщІ кьэралым йоцхьэрыуэ хьэщхьэрылуэжы²³.*

Нэжэгуэу нареч. нэщхьыфІэу, и нэгу жану. *Ауэ наклуэпаклуэу а бжээ цыкыгур цидзынт (Хьэжэрэт), сату цІыным цІидзэнти; икьукЛэ нэжэгуэу, и*

«Кы-кыкI» дыхъэих макърэ сэлам-чэламерэКIэ зэкIуэцIыльэлъу, и гушыIэнри зэпымыужу, абы цыгъуэми тутын Iугъуэм цIигъэнауэ, тутын сахуэр къельэлъэхъу трактористхэм я пацхъэ ит зэпытт²⁴. **Къакъэ-ПщIыпщIу** нареч. къызэр. гукъыдэж яIэу, зэрызехъуэ. *Iэнэм бгъэдэсхэм я гур къэжанати, тхъэмадэм цIагъуэу къемыдэIуэжу, езыр-езыру зэпсэлъэжу, зэрыгъэдыхъэшхыу, къакъэ-пщIыпщIу зэхэст²⁵.*

Синоним зэхуохъухэр зи мыхъэнкIэ зэгъунэгъуу адыгэбзэм шыщымрэ урысыбзэм кыыхихауэ къыгъэсэбэп псалъэхэмрэ. Псалъэм папщIэ: **Матэ** чы псыгъуэхэм кыыхэщIыкIа, хъэпшып, шхын гъущэ, гъавэхэКI зралъхъэ кумбыгъэ. *Бжъэ матэ ныкъуэцIитIи, цIын яуха зыщыплIи фIэдзат гуэцI бIыным²⁶.* КIарзинкIэ чы, къамыл сыт хуэдэхэм кыыхэщIыкIа кумбыгъэ. *Жыг жъауэм цIэту фыз къэкIуа къомым я КIарзинкIэ, матэкъуанишэ, пэгун сытхэр ирагъэувыкIау²⁷.*

IэлъэщI цIыхубзхэм щхъэм тралъхъэ, трапхъуэ, фIалъхъэ шыгъыныгъуэ. *Уэздыгъэ ешхам ерагъыу кыыхэщI къудейуэ КъантIасэ, цIхъэлъащIэ пIанэу, и IэлъэщI фIыцIэр и плIэм телхъуауэ, Софят и пIэцхъэгъым цIхъэщыт²⁸.* КIасинкIэ щхъэфIэпхыкI пIащIэ цIыкIу. *ЩIалитI цIыхъам гу къалъытауэ официанткэ нэтIинэ цIыкIу цытт КIасинкIэ хужъ телъу, и бостей фIыцIэм кIэпхын хужъ Iулъу²⁹.*

Синоним зэхуохъу псалъэ щхъэхуэхэмрэ фразеологизмэхэмрэ. Псалъэм папщIэ, **КIуэцIрыхун** здэщыIэр ямыщIэу зэман гуэркIэ, зыщIыпIэ къэтын. *ЩIалэ гъакIуи кIэлъыкIуэжэ, жыыхуаIэм хуэдэти, Псыхуабэ ягъэкIуа шури кIуэцIрыхуам хуэдэт³⁰.* **ДУМПЫР КЪЫХУЭКИУЭН** къызэр. псалъэ къэдгъэлъэгъуам и мыхъэнэм тохуэ. *[Талгустэн:] Мэзым пхъаиэ сыздэкIуам си КIапсэихуэр ядыгъуащ, зиунагъуэрэ. Зы пхъэ IэплIэ пызупщIу кыыхэслъэфыху думпыр кыыхуэкIуащ³¹.*

Къабзабзэу нареч. фIей лъэпкъ кIэрымылъу. *Гуацэм и бостейжъым кыыхащIыкIыжэ бостей нэхъ дахэ дыдэу иIэр хъыджэбз цIыкIум зыщитIэгъат, къэбзабзэу зитхъэцIри и цIхъэным лентI хужъ хищIат³².* **Чэшейм Хуэдэу** къабзэ дыдэу. *ЗыщIыхъа нэшыр гурыхъу къабзацэст: ятIэ лъэгур чэшейм хуэдэу пхъэнкIат, псы зэреутхыгъащIэр къащIэу псыIэт³³.*

Зэрылтъагъуши, нэхъыбэу мыхъэнкIэ зытэхуэу синонимическэ сатырыр къагъэхъу: 1) япэм жаIэу щытауэ, иджы жъы хъуамрэ, нобэ къагъэсэбэп псалъэхэмрэ; 2) литературэбзэм шыщымрэ диалект псалъэкIэм шыщ псалъэхэмрэ. МыхъэнкIэ зэгъунэгъуу синонимическэ сатырыр къагъэхъу: 1) зы мыхъэнэ зиIэмрэ мыхъэнитI, шы зиIэ псалъэхэмрэ; 2) стилкIэ зэщхъэщыкI псалъэхэм; 3) адыгэбзэм шыщымрэ урысыбзэм кыыхахауэ къагъэсэбэп псалъэхэмрэ; 4) псалъэ щхъэхуэхэмрэ фразеологизмэхэмрэ. Псори къапщтэмэ, нэхъыбэ дыдэу адыгэбзэм зыщыхуэзэр мыхъэнкIэ зэгъунэгъуу синонимхэрщ.

ЕIуэлIапхъэхэр

1. Яковлев Н.Ф. Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.–Л., 1948. 372 с.
2. Шагиров А.К. Очерки по сравнительной лексикологии адыгских языков. Нальчик, 1962. 216 с.
3. Апажэв М.Л. Проблемы кабардинской лексики. Нальчик, 1992. 336 с.; Апажэв М.Л., Пишкова М.Х. Структурный и функциональный анализ лексико-семантической системы кабардино-черкесского языка. Нальчик, 2004. 144 с.
4. Пишибиев И.Х., Сакиев Н.Я. Краткий словарь синонимов кабардино-черкесского языка. Черкесск, 1971. 272 с.
5. Дзуганова Р.Х., Шериева Н.Г. Словарь синонимов кабардино-черкесского языка. Нальчик, 1997. 120 с.
6. Бижоев Б.Ч., Кумыкова Д.М., Тимижев Х.Т. Учебный русско-кабардино-черкесский словарь. Нальчик: Эльбрус, 2013. 848 с.

7. *Кыцокъуэ А.* Тхыгъэхэр томиплЫм шызэхуэсауэ. Хъуэпсэгъуэ нур. Налшык, 1984. Т. 1. Н. 319.
8. *Шортэн А.* Бгырысхэр. Налшык, 1954. Н. 398.
9. Там же. Н. 84.
10. *Шортэн А.* Псыгуэнсу аузым // Тхыгъэ кыыхэхэхэр. Налшык, 1957. Н. 345.
11. *ЩоджэныцЫкы I.* Софят и гъатхэ // Тхыгъэхэр. Налшык, 1989. Т. 3. Н. 124.
12. *Щомахуэ А.* Бгырыс шухэр. Налшык, 1970. Н. 12.
13. *Нало З.* Хъэбалэ и пхъэ гуащэр // Къру закъуэ. Налшык, 1981. Н. 111.
14. *МафIэдз С.* Гъыбзэ хуэфашэт. Налшык, 1992. Н. 40.
15. *Шортэн А.* Бгырысхэр... Н. 196.
16. *Нало А.* Къэрэгъул зэблэкыгъуэ // Бжъэр къэпщIащ. Налшык, 1980. Н. 30.
17. *Шортэн А.* Бгырысхэр... Н. 248.
18. *Щомахуэ А.* Бгырыс шухэр. Налшык. 1970. Н. 172.
19. *Кыцокъуэ А.* Къалэн // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Налшык, 2006. Т. 5. Н. 435.
20. *Шортэн А.* Бгырысхэр... Н. 151.
21. *Кыцокъуэ А.* Батырыбжъэ. Налшык, 1946. Н. 69.
22. *Шортэн А.* Бгырысхэр... Н. 426.
23. *Шортэн А.* ЦыхуитI-дунеитI // Тхыгъэ кыыхэхэхэр. Налшык, 1957. Н. 312.
24. *ЩоджэныцЫкы I.* Софят и гъатхэ... Т. 3. Н. 35.
25. *Кыцокъуэ А.* Лъапсэ // Тхыгъэхэр томихым шызэхуэхъэсауэ. Налшык, 2006. Т. 5. Н. 80.
26. *ЩоджэныцЫкы I.* Софят и гъатхэ // Тхыгъэхэр. Налшык, 1989. Т. 3. Н. 162.
27. *Кыцокъуэ А.* Нал къута // Тхыгъэхэр томиплЫм шызэхуэсауэ. Налшык, 1985. Т. 3. Н. 211.
28. *ЩоджэныцЫкы I.* Софят и гъатхэ... Т. 3. Н. 189.
29. *Щомахуэ А.* Бгырыс шухэр... Н. 10.
30. *Кыцокъуэ А.* Тхыгъэхэр томиплЫм шызэхуэсауэ... Т. 1. Н. 237.
31. *ШэджыхъэщIэ Хъ.* ЛъыщIэж. Налшык, 1992. Н. 61.
32. *Кыцокъуэ А.* Тхыгъэхэр томиплЫм шызэхуэсауэ. Мазэ ныкъуэ щхъуантIэ. Налшык, 1984. Т. 2. Н. 523.
33. *ШэджыхъэщIэ Хъ.* ЛъыщIэж... Н. 34.

М.Х. Токмакова

ГРУППЫ СИНОНИМОВ В КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОМ ЯЗЫКЕ (На материале Словаря синонимов кабардино-черкесского языка)

Статья посвящена актуальной проблеме изучения синонимии в кабардино-черкесском языке. Анализируются синонимы с точки зрения семантической близости. Выявляется наиболее характерная для каждой группы синонимов степень семантической близости.

Ключевые слова: синонимия, синонимические ряды, тождественные и близкие по значению слова, устаревшие, диалектные, стилистически окрашенные, заимствованные слова, многозначность, фразеологизмы.

М.Н. Tokmakova

TYPES OF SYNONYMS IN KABARDIAN LANGUAGE (On a material Synonym dictionary kabardian language)

The article is devoted to the actual problem in the study of synonymy Kabardian Language. Synonyms analyzed in terms of semantic proximity. Identify the most characteristic for each group of synonyms degree of semantic proximity.

Keywords: synonymy, synonymous series, identical and similar in meaning of the word, outdated, dialect, stylistically painted, loan words, multiple meanings, idioms.

А.М. Готов, Л.Х. Хежева

ФЕНОМЕН РЕНЕССАНСНОЙ ЛИЧНОСТИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Под сочетанием «ренессансная личность» имеется в виду человек, разносторонне одаренный и нестандартно мыслящий. Люди отмеченного типа бывают особо востребованы в поворотные периоды истории общества. Основные особенности личности ренессансного типа в преломлении к определенному времени и обстоятельствам исследуются в статье на примере трех ярких представителей национальной интеллигенции XX столетия.

Ключевые слова: ренессансная личность, культурная революция, национальная интеллигенция, полифункциональность.

Понятие «ренессансная личность» своим содержанием значительно шире, нежели обозначение человека эпохи Возрождения. Нетрудно заметить, что нередко, когда в обществе происходят коренные преобразования, касающиеся интеллектуальной сферы, востребованными оказываются личности, разносторонне одаренные, гармоничные в своем развитии и обладающие на редкость широкой эрудицией. Иными словами, это один из типичных представителей эпохи, которая после Средневековья обозначила решительный поворот общественного сознания к гуманизму. Но, как и всякая эпоха, она не ушла бесследно: Ренессанс оставил после себя не только достижения в разных областях жизни, но и характерный тип личности, до настоящего времени оказывающийся особо востребованным во все наиболее судьбоносные периоды истории. Для народов Кабардино-Балкарии, как для многих народов Кавказа, одним из таких периодов явилась культурная революция, не имеющая четко очерченных временных ориентиров, но чрезвычайно важная для истории, с чем прямо связано приобщение этого края к мировой цивилизации в качестве полноправного субъекта. Прежде всего, это означало аккумуляцию многих атрибутов современной цивилизации, в том числе секуляризацию и совершенствование гражданского общества, введение системы светского образования, курс на развитие положительных наук, профессионального искусства и литературы. Известно, насколько популярными оказались в этот период люди не только высокообразованные, но и разносторонне гармонично развитые, от природы необычайно одаренные и при этом социально активные.

В установлении вектора происходящих в обществе процессов и их характера конечно же важное значение имел фактор «новописьменности» или, как по-иному называют, «младописьменности» с сопутствующим ему ускоренным развитием. В частности, в отличие от классического европейского Возрождения, называемый период на Кавказе определил как приоритетную проблему не «возвращение» к давно прошедшему мифическому золотому веку Античности, а доведение такого фактора, как распространение образования, до статуса составной части общественного сознания. На этой конкретной базе возникает перспектива формирования социальной среды, способной адекватно воспринимать и понимать профессиональную культуру, а наряду с этим – ожидать инкубации в собственной среде деятелей разных областей национальной культуры, благодаря чему становится возможным приобщение всего данного общества к современной цивилизации. Явление, обозначенное термином «ускоренное развитие»,

аккумулировало в себе родовые черты разных этапов эволюции. Если обратиться к конкретным примерам, то в истории культуры народов Кавказа можно увидеть примеры того, как лица, получившие военное, духовное, юридическое или же техническое образование, деятельность по своей базовой специальности успешно совмещали с несколькими другими родами занятий. Они становились и общественными деятелями, выступающими от имени значительной массы населения, и педагогами, и авторами первых печатных изданий – букварей, школьных учебников или же актуальных по теме публицистических работ. Они также могли оказаться авторами литературных произведений, этнографических и исторических сочинений. В поле их интересов оказывались не только вопросы образования, культуры и технического прогресса, но и проблемы социально-политического и этнокультурного обустройства, гармонизации отношений с государством, межэтнических, межсословных и межконфессиональных отношений. Только из числа представителей адыгской культуры прошлого и позапрошлого веков в качестве красноречивой иллюстрации можно упомянуть деятельность Султана Хан-Гирея, Шоры Ногмова, Кази Атажукина, Паго Тамбиева, Нури Цагова и пр. и пр. Кто-то из них, будучи кадровым военным, создал один из первых в России фундаментальных трудов по этнографии, кто-то составил проект мирного освоения Кавказа, а на основе собранных фольклорных материалов написал повесть и целый ряд художественно-публицистических очерков. Другой находился или на военной, или же на гражданской службе при администрации, но успешно занимался составлением алфавита, сбором фольклорных материалов и изданием первых книг. Еще кто-то получил блестящее инженерное образование и работал по специальности, но параллельно с этим собирал по всей исторической Черкесии фольклорные и этнографические материалы и заодно написал и издал один из первых букварей или грамматику родного бесписьменного языка. И все это не по причине бесцельного метания из стороны в сторону или необдуманной траты своей энергии, а в силу исторической необходимости, побуждающей выполнить социальную миссию, возложенную временем. Настоятельная потребность в людях такого типа стала актуальной для адыгов, как и для большинства народов Кавказа, с первой половины XIX века и оставалась таковой вплоть до второй половины XX, пока окончательно не сформировалась достаточно внушительная по численности и уровню компетенции масса специалистов в каждой из наиболее важных областей деятельности. Из них и сложилась в результате эволюции та часть общества, которую принято называть национальной интеллигенцией и которая более всего концентрировалась, как правило, в немногочисленных научных, учебных и культурно-просветительских заведениях. Одно из них – Кабардино-Балкарский научно-исследовательский институт, ныне кратко именуемый КБИГИ. О трех его сотрудниках мы собираемся рассказать в настоящей работе. Это – Аскерби Тахирович Шортанов, Зарамук Патурович Кардангушев и Заурби (Заур) Магомедович Налоев. Наш выбор обусловлен тем, что названные деятели национальной культуры в значительной степени отражают общие тенденции и представляют собой явление, типичное для своего времени.

Двое первых сложились как личности в тридцатые годы XX века и успели стать младшими современниками и прямыми преемниками представителей классического типа адыгских просветителей, каковыми были Паго Тамбиев, Нури Цагов, Адам Дымов, Таусултан Шеретлоков, Али Шогенцуков и ряд других, а из самых поздних – такие, как Сефербий Сиюхов, Хасан Эльбердов, Абубекир Гукемух и др. Третий, их младший коллега, Заур Налоев, может считаться одним из последних в плеяде представителей обозначенной нами категории людей. Их объединяет, прежде всего, то, что большую часть своей сознательной жизни они работали в одном научном учреждении и одном его подразделении. Кроме того, все трое были активными членами писательской организации и настолько

органически совмещали занятия наукой с творческой деятельностью, что выделить в их наследии что-то одно как главное бывает затруднительно. Всего лишь беглое перечисление сферы их деятельности свидетельствует и об общих интересах этих людей, и о различиях.

А.Т. Шортанов – прозаик, фольклорист, этнограф; кроме того, он драматург и театральный режиссер, литературовед, литературный критик. **З.П. Кардангушев** – фольклорист, прозаик, этнограф, а также драматург, исполнитель народных песен, драматический артист. **З.М. Налоев** – фольклорист, прозаик, этнограф; не менее важно, что он поэт, литературовед и критик, а также исследователь истории национальной культуры.

На фоне очевидной общности рода занятий и интересов (фольклор, литература и народная традиционная культура) налицо и различия (например, первый – известный романист, второй – незаурядный певец и актер, третий – признанный поэт и мастер новеллистического жанра). Это не разделяло, а, напротив, способствовало взаимному дополнению достоинств друг друга, что даже стимулировало тесное и плодотворное содружество на протяжении десятилетий совместной работы.

А.Т. Шортанов еще в 30-е гг. писал пьесы и сам же ставил их на самодеятельной сцене. В 40–50 гг. он окончательно определил для себя следующий круг профессиональных занятий: *литературное творчество, литературоведение, фольклористика, изучение традиционной народной культуры*. Он активно содействует становлению национального театра новыми пьесами. В те же годы из под его пера выходят очерки, рассказы, наброски к эпическому историческому роману. Впоследствии ставший тетралогией роман «Горцы»¹ – этапное явление в развитии младописьменной литературы, знаменуя ее переход от стадии ученичества к зрелости. Задуманная вначале как роман-биография, посвященная Шоре Ногмову, она выливается в многоплановое произведение о переломном периоде в истории всего Кавказа – времени утверждения здесь правления и законов Российской империи. Было бы странно, если бы в романе не ощущался отпечаток своего времени. Мало этого, в нем отражены многие культурно-исторические и политические изменения, которые произошли в обществе за десятилетия, в течение которых писатель работал над тетралогией. И это совсем не потому, что автор был конформистом, а по той причине, что он, как один из членом этого общества, тоже узнавал новое, сопоставлял с известными фактами и делал собственные умозаключения. Но если рассматривать его произведение как феномен словесного искусства, то обнаружится столько художественных достоинств, что роман надо признать знаковым явлением в эволюции национальной и всей кавказской прозы. Это и творчески ассимилированные каноны романного стиля с его приоритетом эстетического аспекта, сложной полифонической композицией, галереей искусно созданных образов, со своей эстетической, философской и исторической концепцией. Автор работал над тетралогией более двадцати лет, от одной части к другой он накапливал материал, порою корректировал свои взгляды соответственно тому, как с середины 50-х гг. наше общество становилось все более открытым. Писатель не мог избежать влияния ни прежних стереотипов, ни свежих веяний жизни. Однако чего он избежал – это нарушения принципов единства и цельности своего произведения. Поэтому совместно с повестями и романами Т. Керашева «Горцы» А. Шортанова проложили дорогу целой плеяде писателей, позднее обратившихся к исторической проблематике; это А. Кешоков, И. Машбаш, Ю. Чуюко, Т. Адыгов, Н. Кук, А. Эльмесов, С. Мафедзев, Х. Шехихачев, М. Кармоков, М. Эльберд и многие другие, чьи произведения вошли в золотой фонд адыгских литератур. Не будет преувеличением, если, перефразируя известное крылатое выражение, заявить, что все названные авторы как писатели вышли из шортановских и керашевских исторических романов.

Менее впечатляющими могут представиться заслуги А. Шортанова в области малой прозы, хотя и здесь надо признать его одним из зачинателей сатиры и юмора в национальной литературе. Как особенность творческой манеры этого писателя нужно отметить необычайно развитое воображение, порою доходящее до галлюцинаций. Но о прочности связей его представлений с действительностью можно судить хотя бы по тому, что в архиве писателя хранятся десятки специальных карточек, составленных на каждого из романых персонажей или их реальных прототипов, – с биографией, послужным списком, описаниями конкретных эпизодов, словесным портретом, указанием особенностей характера – это воистину «поверка алгеброй гармонии».

Относительно сугубо творческих занятий наиболее многоплановым является *Зарамук Кардангушев*. Он также начинал с драматургии: его пьеса «Каншоби и Гошагаг»² ставилась на сцене национального театра несколько раз и с 1940 г. по 80-е выдержала в общей сложности более тысячи спектаклей, что для театра малочисленного народа редкость. С успехом шли также постановки по другим пьесам: «Ходжа», «Андемиркан», «Кабарда и Альтуд» и др. Замечательны его рассказы для детей и обработки сказок и преданий. Драматический актер по базовому образованию, он много выступал перед непосредственной аудиторией, а также по радио и телевидению с чтением народных и авторских произведений, со своеобразными моноспектаклями. Эта сугубо оригинальная творческая работа имела огромное значение и для пропаганды молодой литературы, и для сохранения лучших народных традиций в современных условиях. Однако особенную популярность З.П. Кардангушев обрел как исполнитель народных песен. Обладая абсолютным музыкальным слухом и уникальной памятью, он хранил в сознании и исполнял строго в стиле народной традиции свыше сотни народных песен, усвоенных от последних носителей легендарной народно-профессиональной культуры джегуако. Его голос, голос подлинно народного исполнителя, не соответствующий строгим канонам профессионального вокала, стал родным и близким для тысяч адыгов, живущих не только на Кавказе, но и разбросанных по всей нашей планете. Этот человек был как бы един в двух лицах: в нем удивительным образом сочетались, нисколько не препятствуя одно другому, наследственные черты джегуако, носителя традиционной народной культуры, и современного исследователя. При этом чистоте хранения народной традиции не стали помехой ни многолетнее пребывание в научном учреждении, ни два диплома о высшем образовании, причем оба – легендарного столичного ГИТИС-а и периферийного педагогического института – с отличием.

З.М. Налоев в своей творческой деятельности не повторил в точности ни первого, ни второго своего коллегу. Он рано обрел известность как тонкий поэт-лирик, упорно ищущий свою собственную тропу; причем делал он это часто вразрез с утвердившимися на периферии страны канонами социалистического реализма в его наиболее ортодоксальной форме, предписывающей славословия в адрес доминирующей идеологии и ее носителей. Огромный интеллект автора в сочетании с широкой эрудицией и выраженной тенденцией к поискам индивидуальных путей самовыражения нередко превращают его стихи в глубоко содержательные философско-эстетические и этические экскурсы³. Однако интеллектуальные сентенции не обращают стихотворения в холодные логические умозаключения, они полны неподдельной живой энергии, лирических излиятий, подлинно тонких душевных переживаний, трепетного отношения к родному языку, что не однажды было отмечено критикой и читателями⁴. Но как бы высоко ни ценилась его поэзия, вершиной литературного творчества Заура Налоева справедливо принято признавать его новеллы. Появлением сборника «Одинокий журавль»⁵ его автор вывел национальную малую прозу на совершенно новый качественный уровень, поставил ее на одну ступень с литературами, имеющими вековые традиции. Герои

налоевских новелл, «ученый» кузнец Хакяша, неумный фантазер Талиб, мастер-шорник Муса, скульптор-самородок Хабала, чудаки Исмел, строящий бригадину в сотнях километров от моря, лирический герой многих новелл Блюта, – все они, в чем-то странноватые, но всегда удивительно живые, духовно щедрые и чистые, полюбили читателя настолько, что сразу же после появления книги она стала раритетной. В отличие от своих старших товарищей, Заур Налоев не имел в творческом плане прямого отношения к драматургии и театру, но дважды в кабардинском театре инсценировались его новеллы, и оба раза успех был поистине огромным. Благодаря этому зритель, в последнее время начинающий привыкать к облегченному восприятию театра как места легкомысленного лицедейства, увидел подлинно цельные характеры, глубокие и чистые человеческие чувства, истинно эстетическое восприятие живого слова. Эти постановки раскрыли также новые грани дарований и режиссеров, и многих актеров. В настоящее время как стихи, так и новеллы Заура Налоева читают и знают многие, их изучают в средней и высшей школах как образцы современной высокопрофессиональной национальной литературы. Но есть все же одно обстоятельство, не позволяющее оставаться удовлетворенным: бесконечно влюбленный в стихию родного языка, писатель при жизни не заботился о переводе своих произведений на русский или на иные языки, мотивируя это тем, будто читатель, выросший на примерах великой русской словесности, не нуждается в его стихотворениях и новеллах. Между тем очевидно, что только выход в свет произведений на языке, доступном миллионам читателей, способен принести современному автору широкую известность и позволить читательской аудитории достойно оценить не только самого автора, а и всю национальную литературу. Можно только надеяться, что со временем это упущение будет восполнено высокопрофессиональными переводами, и тогда станет очевидным, насколько значителен этот незаурядный человек в контексте многоязычной отечественной литературы.

Помимо бегло названных особенностей, все трое отличаются тем, что они были энциклопедически образованны, владели систематизированными познаниями в области исторических наук, прекрасно разбирались в профессиональной музыке, хореографии, чуть ли не во всех видах народного искусства. Так, А.Т. Шортанов сам играл на фортепиано, З.П. Кардангушев еще в годы учебы в ГИТИС-е брал уроки вокала у преподавателей консерватории, З.М. Налоев был признанным знатоком истории и теории изобразительного и монументального искусства – от скульптуры и архитектуры Античности до живописи современных зарубежных и отечественных постмодернистов.

Как бы ни были значительны заслуги всех троих в области литературы и других искусств, ничуть не менее, а порою и более, чем в художественном творчестве, они проявили себя на поприще научном.

А.Т. Шортанов еще в 30-е гг. принимал участие в подготовке фундаментального издания «Кабардинский фольклор»⁶. Он также один из инициаторов издания книги «Кабардинские народные песни, пословицы и поговорки» (1948 г.)⁷ и ряда других интересных публикаций. Будучи по натуре лидером, он преуспел и в организационном плане. В 1949 г. под его руководством осуществляется фольклорно-этнографическая экспедиция, работа которой продолжалась с перерывами в течение нескольких лет. Результатом ее стало богатейшее собрание адыгских сказаний, сказок, песен, преданий, народной афористики; в рукописном архиве института был образован внушительный фольклорный фонд, фактически «с нуля» создана фонотека уникальных записей. Тонкое художественное чутье в сочетании с аналитическим складом ума позволили ему выделить из многообразия народной духовной культуры те области, которые были наиважнейшими для становления национального самосознания и создания верного представления о художественном богатстве традиционной культуры адыгов. Один из первых масштабных

проектов, выполненных при его участии, – это научно-популярное издание адыгских нартских сказаний в 1951 г.⁸ Позднее оно появилось в свет в переводе на русский язык, затем переводилось на другие языки. В настоящее время недостатки этого издания кажутся очевидными, но не менее очевидно и то, что для своего времени оно имело огромное историко-культурное значение. Неслучайно, что до настоящего времени книга переиздается и на языке оригинала, и в переводе. Вслед за «Нартами» А.Т. Шортанов увидел и признал важным собрание «целевым» образом и издание сказаний об уникальном мыслителе и общественном деятеле Жабаги Казаного, слава о котором разошлась по всему Северному Кавказу. Так появилась небольшая книжка преданий об этой легендарной личности⁹. Результат оказался настолько впечатляющим, что инициированная им словарная статья о кабардинском политическом деятеле и философе вошла в «Большую советскую энциклопедию»¹⁰. Любовь к театру побудила ученого к основательному изучению истоков народной драмы как явления культуры. Разыскания в данной области привели к осознанию того, что корни подлинно народного искусства следует искать в глубокой древности с ее языческими верованиями и ритуалами. Так А.Т. Шортанов пришел к необходимости изучения доисламской и дохристианской истории и культуры адыгов. Как человек опытный и дальновидный, он знал наверняка, что и мировые монотеистические религиозные системы не всегда сами порождают свои канонические атрибуты, а часто аккумулируют опыт прошлого, корректируют или порою кардинально трансформируют то, что своими корнями уходит в синкретическое искусство более ранних стадий цивилизации. Без знания этого невозможно получить верное представление о природе явлений развитой этнической и мировой культуры. Первым шагом в данном направлении стало создание монографии «Театральное искусство Кабардино-Балкарии»¹¹, в которой большое внимание было уделено истории возникновения народной драмы и ее атрибутов. Следующий этап оказался не менее сложным и трудоемким: опираясь на отрывочные сведения различных авторов и на полевые материалы, десятилетиями собиравшиеся по составленной им же программе, ученый не только восстановил систему архаичных языческих верований адыгов, но и проследил их трансформации на разных исторических этапах. В результате разысканий в данном направлении, увы, уже к концу жизни, А.Т. Шортанов подготовил две монографии – «Адыгская мифология» (1982)¹² и «Адыгские культы» (издана посмертно, в 1992 г.)¹³. Помимо того, его перу принадлежат основательные исследовательские статьи по адыгской версии эпоса «Нарты»¹⁴, двухтомного свода адыгского фольклора¹⁵, пословиц и поговорок¹⁶, а также разработка принципов жанровой классификации и систематизации материалов фольклора¹⁷. В области литературоведения и критики наибольшего внимания заслуживают организационная работа А.Т. Шортанова в правлениях Союза писателей и Союза театральных деятелей Кабардино-Балкарии, участие в подготовке к изданию сочинений Б.М. Пачева, А.А. Шогенцукова, написание обобщающих работ по их творчеству, а также по отдельным страницам истории и теории национальной литературы.

Что касается публикации фольклорных материалов, удачный тандем своему лидеру составил *З.П. Кардангушев*. Если А.Т. Шортанов акцентировал внимание на теоретико-методологических аспектах эдиционной работы, то практически вся текстологическая подготовка материалов ложилась чаще всего на его плечи. Он был основным исполнителем, инициатором или одним из таковых при подготовке таких изданий, как «Нарты» 1951-го и 1974 гг. выпуска, двухтомное издание «Адыгский фольклор», двухтомное издание пословиц и поговорок, серия «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов»¹⁸. Правда, почти все они исполнены в соавторстве, но его участие всегда было ключевым фактором. Порою его комментарии к отдельным произведениям, прежде всего, это песни историко-героического содержания, представляют собой небольшие, но полноценные исследования, написанные высокопрофессионально, хотя часто и в

научно-популярном стиле. Титаническую работу З.П. Кардангушев провел вместе с В.Х. Барагуновым при подготовке музыкальной антологии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов». В нее вложен труд целого коллектива специалистов, но именно ему принадлежит идея самого издания, на его же плечи легла основная тяжесть кропотливой работы по отбору текстов и их выписке с магнитной ленты. Десятки песен, помещенных в антологию, записаны им самим в экспедициях. Он же автор обширных научных комментариев, содержащих порою бесценные сведения научно-информативного характера. Уникальным явлением стала также его книга «Андемиркан»¹⁹, в которой представлены историко-сопоставительное исследование цикла об Андемиркане (с. 5–41) труды разных авторов о данном народном герое, тексты песен и преданий, посвященных ему. Помимо того, З.П. Кардангушев – соавтор замечательного историко-этнографического труда «Традиции, бытовавшие у адыгов» (совместно с Х.Х. Шогеновым)²⁰. В нем обстоятельно описаны многие атрибуты традиционной жизни народа – обряды и ритуалы, обычаи и этикетные императивы, способы жизнеобеспечения, календарные и семейные обряды, особенности обработки земли, растениеводства и скотоводства, национальная кухня, образ жизни разных сословий. Помимо столь фундаментальных работ, З.П. Кардангушев успевал систематизировать и выпускать в свет рассказы для детей, сборники стихов уникального народного поэта-джегуако Ляши Агноко²¹, сказок о народном сатирическом герое Ходже²², старинных песен²³ и т.д.

З.М. Налоев как ученый был, пожалуй, наиболее академическим из всех троих. Говоря иначе, разделительная линия между художником слова и академическим исследователем выражена в нем с большей определенностью. Если А.Т. Шортанов еще позволял себе иногда в научных трактатах определенные художественные пассажи, которые, правда, порою сам же потом устранял, а З.П. Кардангушев чаще всего отдавал предпочтение научно-популярному стилю изложения, то Налоев в своих исследованиях строжайшим образом придерживался избранной научно-аналитической методологии. Своей необычайно широкой эрудицией он был обязан тому, что на протяжении всей жизни упорно занимался самообразованием, успешно приумножая знания, полученные в годы учебы. Начав в 50-е гг. как литературовед, он еще тогда углубился в фольклористику. Он участвовал в подготовке к изданию материалов по разным жанрам и тематическим группам фольклора, много ездил в экспедиции по Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии и Адыгее. Будучи приверженцем системного метода, он стремился исследовать явление в историческом и историко-культурном контексте, что привело его к изысканиям комплексного плана, когда явление освещается в разных ракурсах. Поэтому в научном наследии З.М. Налоева одинаково важны различного рода труды – и в такой специфической области как, например, стиховедение, и исследования довольно широкого спектра духовной и материальной культуры. Одинаково непреходящую значимость представляют его очерки об отдельных деятелях национальной литературы и культуры, статьи, посвященные проблеме систематизации жанров архаического фольклора, теоретико-методологические исследования по истории национальной культуры и литературы, труды на стыке фольклора, этнографии и литературоведения. В его работах с особой очевидностью проявляется одна выраженная родовая черта деятелей ренессансного склада – надежная аргументация в сочетании с фундаментальностью суждений. Неслучайно чуть ли не в каждой его отдельной статье или главе монографии имеются ссылки на десятки, а порою сотни самых разных источников. При всем кажущемся тематическом разбросе отдельных публикаций, главный вектор исследований З.М. Налоева оказывается достаточно определенным и может быть обозначен не иначе, как история национальной духовной культуры в многообразии ее проявлений – от архаических верований и связанных с ними ритуалов до феноменов современного профессионального ис-

куства. Поэтому нередко книги его, составленные как бы из отдельных статей, на самом деле легко тематически формируются в целое. Таковы, например, издания «Из истории культуры адыгов»²⁴, «Поэт и джегуако»²⁵, «Этюды по истории культуры адыгов»²⁶, «Корни и ветви»²⁷. В исходных данных они не заявлены как монографические исследования, но единая тематическая линия в них всегда налицо. А если объединить три вводные статьи З.М. Налоева к первому, третьему и четвертому томам серии «Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов», о которых мы ранее упоминали, получится одно фундаментальное исследование адыгской народной песни в ее эволюции. Как представляется, причиной этого является не столько широта круга интересов ученого, сколько его природное желание рассматривать каждое явление во всех его взаимосвязях. Страсть к системности и упорядочению рассматриваемого материала привела его к составлению уникальной классификации адыгского песенного фольклора, основные принципы которой изложены последовательно в трех упомянутых статьях. Некоторые критики, конечно же, могут найти в его систематике какие-то изъяны, могут не соглашаться с отдельными суждениями автора, но лучшей классификации, чем разработанная им, пока никто не сумел предложить. Это имеет отношение не только к адыгскому материалу, но и к практике жанровой классификации фольклора вообще.

Выполнять всякую работу так, чтобы сделать лучше было бы непросто, – черта характера З.М. Налоева. Его излюбленная фраза: «Никто не спросит, сколько времени потрачено, зато всякий захочет узнать, кто это сделал». Он и вправду не жалел времени и сил, чтобы довести работу до такого уровня, чтобы имя ее исполнителя вызывало у читателя только уважение. После завершения монографии о послевоенной кабардинской поэзии²⁸ Заур Магомедович решил глубже разобраться в истоках национальной поэтической традиции и запланировал работу над темой о периоде формирования современной кабардинской литературы. Для этого ему потребовалось основательно изучить историю дописьменной словесной культуры адыгов. Вначале он обратился к истории адыгского просветительства, а параллельно – к устному поэтическому творчеству и роли внешних влияний. Что касается просветительства, З.М. Налоев явился одним из первых ученых на Северном Кавказе, кто обратил внимание на восточные истоки этого явления. Его доклад «О восточном культурном канале»²⁹ на Всесоюзной научной конференции в 1973 г. обозначил открытие нового направления, поскольку до этого изучение просветительства как общественного явления ограничивалось обращением к русским источникам. За этим докладом последовали публикации из изданий, выходивших в разное время на арабском, турецком, а также кабардинском и других языках в Стамбуле, Темирхан-Шуре, Казани, Баксане. Так началось серьезное изучение этого мощного питательного канала, с которым связаны, в частности, такие важные историко-культурные факты, как появление первой адыгской газеты, первого журнала, первой книжной типографии и первого национального издательства в Кабарде. Венчает работу Заура Магомедовича в данном направлении эпохальное по значимости издание «Адаб баксанского культурного движения»³⁰ – вводное исследование, тексты с переводом на русский язык, обстоятельные комментарии, которые можно приравнять к серии небольших по объему исследований, глоссарии – общий объем 25 а.л. Значительная часть материалов, помещенных в нем, собрана буквально по крупицам в полевых экспедициях разных лет, в архивах и раритетных изданиях. Сама книга была подготовлена к печати совершенно безвозмездно, в данном случае – как сверхплановая работа. Это не только вводная статья и основательные комментарии, но еще и перевод текстов на русский язык. Тема восточных истоков, оказавших влияние на национальную литературу и культуру, потребовала внимания к творчеству целого ряда ярких личностей, на которых ранее исследователи не обращали достаточного внимания. Ряд имен и вовсе не был широко известен. Таковы, например,

Хаджи-Исмел Купов, Исмаил Клишбиев, Мухамед Курашинов, Зулкарней Гуанов; недостаточно была освещена общественная и педагогическая деятельность Адама Дымова, Нури Цагова, Хасана Эльбердова, стоявших у истоков создания первой кабардинской газеты и первой типографии.

Все это только одна сторона проблемы. Как оказалось при ближайшем рассмотрении, стандартная схема *от фольклора к литературе, при учете влияния более развитых литератур*, в которой этнокультурная специфика привносилась только упоминанием просветительства как предлитературного этапа, не охватывала всего многообразия того явления, исследовать которое взялся ученый. С одной стороны, в истории этого прогрессивного движения надлежало прокрасить соответствующим цветом некоторые «белые пятна» (как, например, должным образом исследовать тот самый восточный культурный канал), с другой – не все явления в устно-поэтической традиции оказываются фольклорными в прямом смысле слова. Как это характерно для традиционной культуры многих народов, у адыгов уже на довольно ранней стадии эволюции появляется такой важный для литературы фактор, как осознанное авторство устного произведения. Выделяется интересная область традиционной культуры – творчество народно-профессиональных исполнителей и сочинителей, именуемых у адыгов термином *джегуако* и типологически близких явлениям, характерным для традиционной культуры многих народов Евразийского континента. Бесспорно, об адыгских джегуако писали многие авторы и до З.М. Налоева, но именно он взялся за основательное изучение данного феномена, включая его типологию, генезис, функции на разных этапах эволюции общества, поэтику, родо-видовое разнообразие, роль в становлении современных профессиональных видов искусства. Здесь более всего и оказались востребованными обширные познания в разных областях культуры и масштабность аналитического мышления ученого. З.М. Налоев серьезно заинтересовался институтом джегуако еще в начале 70-х гг. Начал он с систематизации имеющихся опубликованных сведений и архивных разысканий. Затем в ежегодных экспедициях он упорно собирал материалы, имеющие отношение к данному феномену, излагал результаты изысканий в многочисленных отдельных статьях. Только к концу жизни, в 2011 г., ученый успел выпустить в свет монографию «Институт джегуако»³¹, по сути, главный научный труд всей жизни. Утверждая последнее, мы никоим образом не принижаем значения многих других, поистине глубоко содержательных научных исследований этого незаурядного ученого. Но названная книга примечательна не только тем, что это его последний фундаментальный труд. Особенно важно то, что данной работой З.М. Налоев логически завершил огромный цикл исследований истоков национальной литературы и начального этапа ее формирования. В то же время и джегуако рассматривался им не иначе, как один из важных компонентов в эволюции адыгской народной культуры, комплексное изучение которой стало делом всей жизни и самого З.М. Налоева, и его коллег, которым мы посвящаем настоящую статью.

Как и у двоих его старших товарищей, у Налоева тоже были свои «побочные продукты», выглядевшие второстепенными на фоне работ, признаваемых за более важные. Так, обратившись к педагогическим проблемам, он задался целью создать образцовое пособие для воспитателей детей дошкольного возраста и для учителей младших классов. Результат – два увесистых тома под общим названием «Сабий щэнгъас»³². Однозначно перевести значение этого сочетания не представляется возможным, а суть заключена в том, что это стало собранием лучших поэтических и прозаических произведений, что на адыгском языке создали народ и лучшие его сыны для детей. Это и колыбельные песни, и считалки, и стихи о природе, и сказки, и пословицы и поговорки, и скороговорки, и многое другое, что способно пробудить в малышах любовь к родному слову, к природе, к своему краю, к людям, ко всем живым существам на земле. Первый том этого уникального и

бесценного труда давно стал библиографической редкостью, а второй так до сих пор и не увидел света. В том же плане выполнены две другие работы, пограничные между художественным творчеством и педагогикой: сборники «Сто сказок»³³ (литературный пересказ ста избранных адыгских народных сказок) и «Лучшие сказки»³⁴ (перевод избранных произведений русских и европейских писателей).

Есть все основания утверждать, что художественные произведения и научные труды и А.Т. Шортанова, З.П. Кардангушева и З.М. Налоева составили настолько важную веху в истории адыгской литературы, искусства и науки, что без их имен невозможно представить себе историю интеллектуальной культуры адыгского этноса в XX столетии. Но, даже при безусловном принятии данного суждения, наши беглые характеристики будут еще менее выразительными, если мы не скажем еще об одной их важной особенности, как всякой ренессансной личности. Это – ясность гражданской позиции в делах общественного масштаба и чуткость к боли всякого близкого или совсем незнакомого человека. Эти черты проявлялись в каждом из них по-своему, но в равное мере ярко и однозначно. В данном плане всех троих объединяет проходящая по всем вехам их биографий независимая позиция по отношению к представителям официальных органов власти и неизменная преданность принципам гуманизма. Неординарность многих поступков Аскерби Шортанова была общеизвестной в кругу тех, кто был с ним знаком, и снискала ему дистанцированное отношение со стороны властей. Под стать ему были и двое других его коллег. Еще в 1940 г. спешная мобилизация в ряды Красной Армии Зарамука Кардангушева в немалой мере обусловлена немилостью властей к нему как вольнодумцу, как и к некоторым другим представителям новоявленной национальной интеллигенции. Неспроста и Заур Налоев в течение многих лет оставался в ранге младшего научного сотрудника, хотя его высокий профессионализм был очевиден: это также свидетельствует о прохладном к нему отношении со стороны «верхов». Но когда над страной нависла страшная угроза, тот же А.Т. Шортанов не просто встал на ее защиту. Когда еще никто не мог со всей определенностью предсказать исход войны, когда фашисты на месте расстреливали каждого попавшего в плен коммуниста, он, не колеблясь, подал заявление и в самые грозные для страны дни декабря 1941 г. вступил в ряды тех, кто тогда имел единственную привилегию – первым подниматься в атаку по призыву «Коммунисты – вперед!». Все его поступки в последующей жизни свидетельствуют о том, что он до конца своих дней оставался человеком, не стесняющимся высказывать свое мнение, несмотря ни на какие обстоятельства. Свидетельств его прямоты и бескорыстия, отнюдь не показной скромности много, хотя, будучи по натуре человеком артистичным, он мог иногда демонстративно поиграть «на публику». По мнению некоторых современников, из этого ряда выпадает случай, когда вдруг подобревшие к нему высокие лица республики спровοцировали его выступить с критикой романа «Сломанная подкова» Алима Кешокова³⁵. Но и тогда, и нынче мало кто обращает внимание на то, что шортановская критика была не чем иным, как откликом товарища по цеху, у которого было свое мотивированное отношение к проблеме правды факта и вымысла в художественном произведении. Чиновничество ловко использовало тогда этот инцидент для травли выдающегося писателя, грубо подставив тем самым Аскерби Шортанова. Однако это не разрушило дружеских отношений между самими писателями, и они до последних дней относились друг к другу с должным уважением.

Зарамук Кардангушев в годы войны испытал и горечь пребывания в фашистском концлагере, и другие злоключения, а также удачный побег из плена. После успешного возвращения к своим он снова оказывается на фронте и неизменно находится на передовой, пока уже в самом конце войны не получает тяжелое ранение, после которого в течение нескольких месяцев лечится в госпиталях. После демобилизации он, несмотря на инвалидность и наступающие на него болезни

(только одних операций он перенес более 20, страдал астмой, диабетом и жестоким радикулитом, до самой кончины носил в миллиметре от височной артерии осколок снаряда), З. Кардангушев до преклонного возраста ездил в экспедиции, собирал фольклор, писал литературные произведения и научные труды, издавал сборники, читал стихи и прозу, пел народные песни на сцене, по радио и телевидению. Его жажда творчества и невероятная работоспособность сочетались с неиссякаемым жизнелюбием и чутким вниманием к ближним. Пусть это звучит высокопарно, но это был человек, для которого на первом плане всегда был долг, а долг свой он ощущал и перед всем обществом, и перед каждым отдельным человеком, который к нему обращался или просто в чем-то нуждался.

До определенного времени наиболее замкнутым в себе оставался Заур Налоев – как выходец из семьи «врагов народа» (его отец и старший брат были репрессированы без каких бы то ни было оснований, причем отец погиб, а брат вернулся с глубокой душевной травмой, хотя и несломленный). Но еще в годы войны он подростком оставил школу и пошел в подручные к колхозным кузнецам В лихие 90-е, когда Советский Союз распался, а в каждой его окраине подняли головы безответственные авантюристы, на защиту непреходящих духовных ценностей встали не «дети патриотов», а многие такие, как Заур Налоев, «сын врага народа». Они первыми проявили тревогу за судьбы общества и государства. Отодвинув в сторону и недописанные художественные произведения, и научные труды, на создание которых были потрачены годы и даже не одно десятилетие, он возглавил одно из общественных движений, которое могло реально положительно повлиять на ситуацию в республике. Если бы в те годы к лидерству прорвались люди, для которых судьбы народов республики и страны были не более, чем разменной монетой (а таковых было множество, особенно в общественных движениях, появившихся в 80–90-е гг., словно грибы после дождя), – и нам бы не избежать кровавой участи Чечни, Карабаха или же осетино-ингушского конфликта. В том, что этого в Кабардино-Балкарии не произошло, в немалой степени сыграли свою роль такие люди, как Заур Налоев, у которых на первом месте неизменно были высокие духовные принципы. О них тогда говорили и писали и хорошее, и плохое, их могли принимать или отвергать, сами они могли находиться на противоположных друг к другу позициях. Но при всех различиях их объединяло одно: им были глубоко дороги мир и согласие на нашей земле, и, действуя каждый по-своему, вместе они отвели общество от края бездны, куда его толкали люди своекорыстные.

* * *

Стараниями людей поколения А. Шортанова и З. Кадангушева народная культура эволюционировала до уровня высокопрофессионального, в годы противостояния с очевидным врагом они сохранили страну, позднее они сумели поставить ее на ноги, передать своим ближайшим наследникам те нравственные ценности, которые формируются веками и свидетельствуют о духовном здоровье самого общества. Шедшее за ним поколение, к которому принадлежит и Заур Налоев, восприняло эти ценности, обогатило их своим опытом и знаниями. Распад «связи времен» начался уже позднее, ближе к нашему времени. Увы, наследники поколения Победы не смогли удержать мощный напор деструктивных сил, и нынче это влечет за собой не только материальное, но, что гораздо страшнее, и нравственное обнищание, это мы и видим повседневно. Выход видится в восстановлении связей, в возрождении духовных ценностей, которые мы растеряли в погоне за иллюзиями, в возвращении к идеалам рыцарства и гармонической личности, образцами каковой были деятели национальной культуры, подобные тем, которым мы посвятили настоящие заметки. Это люди, которые аккумулировали в себе черты, признаваемые обществом вневременными идеалами. В дополнение к на-

званным выше качествам, они обладали еще одним достоинством, свойственным личностям ренессансного склада, – цельностью натуры, что особенно важно для времени глобальных перемен в обществе. Благодаря этому они и сами сумели совершить немало дел, важных для поступательного развития общества, и явили обществу пример достойного служения ему.

Примечания

1. *Шортэн Аскэрбий*. Бгырысхэр. Роман. Налшык: япэ Гыхъэ – 1954, 2-нэ – 1975, 3-нэ – 1985, 4-нэ – 1988.
2. *КъардэнгъуцІ Зырамыку*. Къанщобийрэ Гуащэгъагърэ. Трагедие. Налшык, 1956.
3. *Нало Заур*. Бзухэм я бзэ. (Заур Налоев. Язык птиц). Налшык, 1959; *Нало Заур*. Усэхэр. Налшык: Эльбрус, 1972; *Нало Заур*. Урыху Іубыгъуэ. Налшык: Эльбрус, 1999.
4. *Шогенцукоев А.О.* Слово о молодых // Литература и жизнь. 1959, 20 дек.; *Теунэ Хь*. МакъыщІэщ, къарууфІэщ. (*Теунов Х.* Голос молодой, мощный) // Ленин гъуэгу. 1960. 9 окт.
5. *Нало Заур*. Къру закъуэ (Заур Налоев. Одинокий журавль): Новеллэхэр. Налшык: Эльбрус, 1982.
6. Кабардинский фольклор. М.–Л.: Academia, 1936. (Изд. 2-е: Нальчик: 2000).
7. Къэбэрдей уэрэдхэмрэ псалъэжъхэмрэ (Кабардинские песни и пословицы и поговорки). Налшык, 1948. Н. 3–18.
8. Наргхэр. Къэбэрдей эпос (Нарты. Кабардинский эпос). Налшык, 1951.
9. *Шортэн А.* Къэзанокъуэ Жэбагъы. Налшык, 1956.
10. БСЭ. Т. 11. М.: Советская энциклопедия, 1973. С. 138.
11. *Шортанов А.Т.* Театральное искусство Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1962.
12. *Шортанов А.Т.* Адыгская мифология. Нальчик: Эльбрус, 1982.
13. *Шортанов А.Т.* Адыгские культы. Нальчик: Эльбрус, 1992.
14. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 188–225; Нарты. Адыгский героический эпос. М.: Наука, 1974. С. 6–35.
15. Адыгэ Іуэрыуатэхэр (Адыгский фольклор). Налшык, 1963. Т. I. Н. 3–34; Адыгэ Іуэрыуатэхэр. Налшык, 1969. Т. II. Н. 3–35.
16. Адыгэ псалъэжъхэр. Япэ тхыль (Адыгские пословицы и поговорки. Книга первая). Налшык: Эльбрус, 1965. Н. 3–34.
17. Периодизация, отбор и публикация адыго-кабардино-черкесского фольклора: Материалы научной сессии КБНИИ по проблемам периодизации, отбора и публикации адыгейского, кабардинского, черкесского, балкарского и крачаевского фольклора. Нальчик, 1960. С. 5–48.
18. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов. Т. I. М.: Советский композитор, 1980; Народные песни и инструментальные ... Т. II. М.: Советский композитор, 1981; Народные песни и инструментальные ... Т. III. Ч. 1. М.: Советский композитор, 1990; Народные песни и инструментальные ... Т. III. Ч. 2. М.: Композитор, 1996.
19. Андемыркъан: Адыгэ лыхъужь эпос (Андемиркан. Адыгский героический эпос. Налшык: Эльбрус, 2002.
20. *КъардэнгъуцІ З., Шоджэи Хь*. Адыгэхэм хабзэу ялахэр (З. Кардангушев, Х. Шогенов. Обычай, которые были у адыгов). Налшык: Эльбрус, 1995.
21. *Агънокъуэ Лаиэ*. Усэхэр (Ляша Агноко. Стихотворения). Налшык: Эльбрус, 1993.
22. Хъуэжэ и таурыхъищэ (Сто историй о Ходже). Налшык, 1959 (Совм. с А. Маховым).
23. Адыгэ уэрэдыжъхэр (Адыгские народные песни). Налшык: Эльбрус, 1969; Адыгэ уэрэдыжъхэр. Налшык: Эльбрус, 1979; Адыгэ пшыналгъэ. (Адыгская мелодия). Налшык: Эльбрус, 1992.
24. *Заур Налоев*. Из истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1978.
25. *Нало Заур*. УсакІуэмрэ джэгуакІуэмрэ (Заур Налоев. Поэт и джегуако). Налшык: Эльбрус, 1978.
26. *Заур Налоев*. Этюды по истории культуры адыгов. Нальчик: Эльбрус, 1985.
27. *Нало Заур*. Лъабжьэмрэ шхъэкІэмрэ (Заур Налоев. Корни и ветви). Налшык: Эльбрус, 1991.

28. *Налоев З.М.* Послевоенная кабардинская поэзия. Нальчик: Эльбрус, 1970.
29. *Налоев З.М.* О восточном культурном канале. Общественная мысль адыгов, балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX вв. Материалы Всесоюзной научной конференции. Нальчик: Эльбрус, 1975.
30. Адаб Баксанского просветительского движения. Исследование, материалы. Нальчик: Эльбрус, 1991.
31. Институт джегуако. Нальчик: КБИГИ, 2011.
32. Сабий щэнгъасэ (Пособие по эстетическому воспитанию детей). Налшык: Эль-Фа, 1998.
33. *Нало Заур.* Таурыхъищэ (Сто сказок). Налшык: Эльбрус, 1992.
34. ПсысэфI дыдэхэр (Избранные сказки) / Пер. З. Налоева. Налшык: Эльбрус, 1994.
35. *Шортанов А.* О романе «Сломанная подкова» // Кабардино-Балкарская правда. 1972. 25 авг.

A.M. Gutov, L.H. Hezheva

PHENOMENON RENAISSANCE IDENTITY AND NATIONALITY CULTURE

By a combination of «Renaissance person» means a person versatile and gifted thinking outside the box. People are marked by the type of demand especially in times of turning the history of society. The main features of the personality type renessannogo as they relate to a particular time and circumstances are investigated in the article on the example of the three outstanding representatives of the national intelligentsia of the twentieth century.

Keywords: renaissance personality, the cultural revolution, the national intelligentsia, multifunctionality.

ИЗ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ

Б.Х. Балкаров

АДЫГСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Балкаров Борис Хазешевич (1917–1994) – выдающийся ученый-исследователь и преподаватель, доктор филологических наук, профессор, специалист по фонетике адыгских языков и ареальной лингвистике. Участник Великой Отечественной войны. Опубликовал 220 научных работ, из них 10 монографий¹.

Публикуемая в нашем вестнике статья Бориса Хазешевича впервые увидела свет в 1994 г. в сборнике «От скифов до осетин»². Редколлегия выражает благодарность доктору филол. наук Л.Б. Гацаловой за неоценимую помощь в редактировании и подготовке к печати настоящей статьи.

Лексические встречи осетинского языка с адыгским нашли широкое освещение в работах профессора В.И. Абаева «Осетинский язык и фольклор»³, «Историко-этимологический словарь осетинского языка»⁴. В этих трудах установлено наличие в осетинском словаре лексического слоя, восходящего к адыгскому источнику. В него входят термины и слова, выражающие самые различные понятия. Весь адыгский лексический материал в осетинском распадается на две неравные части: большая часть отмечается в одном дигорском диалекте, а меньшая часть – в обоих диалектах одновременно. В диахроническом срезе в этом лексическом фонде выделяются слова, относящиеся к субстрату, и слова позднего заимствования. Анализ фонетических особенностей этого лексического фонда показывает, что осетинские формы слов являются отражением адыгских фонетических обликов.

Несмотря на более тесный контакт между кабардинцами и осетинами на протяжении последних веков, осетинские формы отражают часто не современное, а более раннее состояние фонетики кабардинского языка. В отдельных осетинских формах проглядывают черты адыгского языка-основы.

Большинство слов этого общего фонда для обоих языков поддается этимологии с помощью адыгских языков. Одни слова разлагаются на составные части, представляющие собой самостоятельные слова и корни или грамматические формы, а в других мотивированы отдельные части. В этом фонде самой многочисленной является социальная лексика. В нее входят слова, выражающие разнообразные понятия, связанные с организацией человеческого общества, с поведением и переживаниями его членов, с бытом и нравами. Вот некоторые слова: осетинское унаут «прислуга, горничная, служанка», кабардинское унэут «челядь, дворовой, горничная, прислуга», адыгейское унэут с теми же значениями. Этимология данного слова на адыгейской почве совершенно прозрачна: она является композитом, состоящим из существительного унэ «дом» и причастия Iут, «стоящий у», буквально «стоящий у дома».

Осетинское гуызаваæ «колебание, сомнение, подозрение, беспокойство», гуызаваæтæ фæсурын «рассеять сомнение», кабардинское гузавэ «тревога, волнение, беспокойство», адыгейское гузажьо с тем же значениями. Семантика этого слова в осетинском шире: она расширилась в результате смешения с другим адыгским словом «гурыщхъуэ» «сомнение», «подозрение», которое также бытует в осетинском языке – «гуырысхо».

Гуызаваæ – сложное слово и состоит оно из гуы и заваæ. Срав. каб. гуы «сердце», каб. зэвын «тесниться, сжиматься, сужаться». Звуковые соответствия между кабардинским языком и адыгским гу//гу и в//жьо, обнаруживаемые в

адыгских формах, подтверждают правильность установленного состава анализируемого слова.

Дигорское феце «плохо одетый, лохмотья, бедная одежда», кабардинское фейцей «убогий, неприглядный, невзрачный, плохо одетый, бедная одежда».

Слово фейцей состоит из четырех корней: фэ «кожа, вид», цы «шерсть» и повторяющееся дважды Ией «плохой». Стяжение гласных и редукция согласных на стыке корней преобразили их и дали в кабардинском фейцей, а в осетинском – феце.

В этом фонде присутствуют термины ботанические (джеджджын/гедигин «чебрец»), кулинарные (ливзæ/ливзæ «соус, жаркое, мясное рагу»), военные (дигорское тьасхæ «разведка»), зоологические (дигорское æргъай «лосось», гъапа «курдюк»), религиозные (дигорское уасхæ «клятва»), названия орудий труда (дигорское хьогъанцæ «лопаточка для очистки лемеха от земли»), танцев (кафт «танец», «пляска»), растительного покрова на теле человека (иронское зачъе «ус»/дигорское закъæ «бородка»), местностей (туацъæ «низкое болотистое место, поросшее камышом»), детских игр (къен «шашки игральные»), домашней утвари (агуывзæ/агувзæ «стакан»), природных явлений (дигорское ахъуз «ветер»), металлов (дигорское дзæху «олово»), болезни (сынкъ «нарыв, фурункул», цветов (цъæх «синий, серый, голубой»), хозяйственных построек (псуна «отхожее место», уборная») и другие.

Сравните кабардинское джедгын «чебрец», лыбжьæ «мясо в сметане, соус», тьасхæ «разведка», аргъей «лосось», кIапэ «курдюк», уащхъуэ «бог, клятва», кхъуэхъэнцæ «лопаточка для очистки лемеха от земли», къафэ «танец», жъачIæ «борода», тIыуащIæ «междуречье», кIэн «альчик», Iæгубжьæ «чашка», акъужь «южный ветер, ветер из ущелья», дзæху «олово, жель», шын «нарыв, фурункул», щIыху «синий», псыунэ «отхожее место, уборная».

Характерно, что адыгские слова живут в чужой языковой среде полнокровной жизнью: они сохраняют свою полисемию, как, например, гуызаваæ «колебание, беспокойство», дзыллæ «общество, население, мир, масса»; они входят в арсенал словообразовательных средств, и с их помощью создаются новые лексические единицы. Так, от кафын образовано слово кафаæ «танцор», от дзыллæ – дзыллон «массовый», дзыллаг «поколение», от гуырысхо – гуырысхойаг «сомнительный, подозрительный», от уынаффæ – æуынаффæ «совместное решение».

Черты поразительного сходства между осетинским и кабардинским языками обнаруживаются во внутренней форме слов. Они проявляются в единстве образной основы названий предметов, явлений окружающего мира и в одинаковом характере связи звуковой оболочки слов и с их содержанием, а также в конструктивных особенностях уже готовых названий.

Как осетин, так и кабардинцев поразило сходство слезы с водой. Поэтому и те, и другие в основу названия этого явления положили образ воды, реки. Соединив этот образ с его источником – глазом, осетины получили цæстысыг «слеза», что означает буквально цæст «глаз» плюс сыг «ручей», а кабардинцы напс «слеза», состоящее из тех же корней: нэ «глаз» и псы «ручей». Такое единство внутренней формы характерно для определенного количества слов. Приведу еще несколько примеров. Одинаковые внутренние формы у осетинских саргъыбæх «верховая лошадь», хæффындз «сопля», хæрд-нозт «угощение» и кабардинских уанэш «верховая лошадь», пэшы «сопля», ешхэ-ефе «угощение».

Система значений многих осетинских и кабардинских слов, внутренняя группировка и взаимодействие их оказываются едиными: осетинское хуыз «цвет, вид, образ, внешность, масть», дон «вода, река», зоньин «уметь, знать», хос «сено (сухая трава), порох, лекарство», кабардинское фэ «вид, цвет, кожа, масть», псы «вода, река», щIэн «уметь, знать, делать», гын «порох, лекарство, яд».

Линия схождения между осетинским и кабардинским языками прослеживается и в фразеологии. Она захватывает как свободные фразеологические обороты, так

и идиоматические выражения. В этом отношении показательны фразеологические обороты, выражающие пожелания различного характера. Содержание подавляющего большинства из них едино у обоих народов. Для примера приведу параллельно несколько оборотов: осетинское *дæ хъуыддаг раст* «да будет удачным твое дело!», кабардинское *уи Гуэху фЫ ухъу!* «да будет удачным твое дело!», осетинское *дæ райсом хорз!* – «да будет твое утро хорошим!», кабардинское *уи пщэджыж фЫ ухъу!* – «да будет твое утро хорошим!».

Тожественна и ритуальная сторона их. И у осетин, и у кабардинцев строго регламентировано употребление этих оборотов: каждый оборот произносится только в определенной обстановке и по определенному случаю. С человеком, занятым молотью на гумне, здороваются формулой: *дзаг мус у!* – «да будет твое гумно полным!» (осет.), *хъэм бов апщи!* – «да будет твое гумно богатым!» (каб.). Когда надо отблагодарить ребенка за оказанную услугу, используется оборот: *байрæз дæ хицауæн!* – «да вырастит бог тебя для родителей!» (осет.), *тхъэм уи адз-анэм уакъыхуигъэхъу!* – «да вырастит бог тебя для твоих родителей!» (каб.).

Одни и те же пословицы и поговорки встречаются как в осетинском фольклоре, так и в кабардинском, демонстрируя духовную близость этих народов. Вот некоторые из них: *уазæг куы бахæра, уæд дуармæ кæсы* – «когда гость покушает, смотрит на дверь» (осет.); *хъэщІэр шхэм, бжэм йопль* – «гость покушает, смотрит на дверь» (каб.); *гъоги къах уæс нæ маруй* – «коровья нога теленка не убивает» (осет.), *жэм лъакъуэ шкІэ иукІыркъым* – «коровья нога теленка не убивает» (каб.)⁵.

Связи между осетинским и адыгейским языками в области фонетики глубокие и сложные. Они проявляются не только в совпадении отдельных звуков, но и в единстве принципов, лежащих в основе фонологических систем этих языков.

В системе вокализма общим является наличие особых гласных, именуемых в осетинском слабыми (æ, ы), а в адыгских – краткими (э, ы). О качественном единообразии этих гласных свидетельствует облик адыгских слов, проникших в осетинский язык. В них адыгские краткие гласные заменяются обычно осетинскими слабыми. Например, кабардинское *гузавэ*, осетинское *гуызаваæ*, кабардинское *жылэ*, осетинское *дзыллæ*, кабардинское *унэІут*, осетинское *унаут*.

Значительно больше сходства в системе согласных. Общими являются построение фонологических рядов в системе взрывных согласных. Осетинские взрывные образуют четверичные фонологические ряды. Об этом В.И. Абаев пишет: «Значительным шагом в деле уточнения наших представлений в осетинском консонантизме было выяснение того, что осетинский имеет не три ряда взрывных согласных, как думали до сих пор, а четыре: 1-й ряд звонких, 2-й ряд глухих придыхательных, 3-й ряд смычно-гортанных, 4-й ряд глухих непридыхательных»⁶.

Эту особенность осетинской фонологии отмечает и профессор В.С. Соколова, больше того, она делает попытки установить физическую основу такого фонологического построения взрывных согласных. Она считает, что противоположение между звонкими и глухими-смычными идет по линии «придыхательность-непридыхательность»⁷. Четверичность характерна и для фонологических рядов смычных в адыгских языках⁸. Взрывные согласные сближаются не только в принципах построения фонологических рядов, но и в своей акустической природе. Особую близость обнаруживают звонкие и придыхательные члены этих рядов. Осетинские звонкие являются неполнозвонкими, как и адыгские⁹. В зависимости от фонетических условий они допускают то более, то менее звонкое произношение.

В придыхательных согласных близость проявляется в одинаковой степени аспирации. Об однородности природы этих согласных свидетельствует тот факт, что осетинский язык не производит субституции придыхательных в адыгских заимствованиях.

Сравните кабардинские формы унэут, хэдэтепхуэ с осетинскими унаут, хадэтепхæ. Об этом свидетельствует еще и тот факт, что замена глухих согласных в русских заимствованиях абруптивами в осетинском не носит строгой категоричности, а допускает известную свободу, как и адыгских. Примеры: осетинское трактор – «трактор», парти – «партия», политикаæ – «политика», кабардинское трактор – «трактор», парт – «партия», политикэ – «политика».

Характерно, что и в современном осетинском, и современном адыгском языках четвертичная система взрывных разрушается. В кабардинском ее уже нет, но следы сохраняются в звуковых соответствиях с адыгейскими диалектами, в которых она продолжает существовать.

В потоке речи осетинские сонорные взаимодействуют с соседними звуками: глухие под их влиянием переходят в звонкие, например, æмдых (равносильный), где *m* переходит в *ɖ* под воздействием соседнего *m*, дæлвæндаг (нижняя тропа), где также *ɸ* озвончился под влиянием другого сонорного *l*, т.е. ведут себя как шумные согласные. В этом отношении с ними совпадают и кабардинские прототипы (сывмыштэ – «не берите меня», шызнац – «я оставил»). В первом слове глухой *ɸ* перешел в звонкий *ɸ* под воздействием соседнего *m*, а во втором – озвончился глухой *s* под воздействием соседнего *n*.

Если другие согласные находят в той или иной мере аналогию в других кавказских языках, то переднеязычные сибиллянты *s* и *z* относятся к исключительным явлениям консонантизма адыгских языков. Подтверждая это, В.И. Абаев пишет «... некоторые другие элементы осетинского консонантизма ведут нас к языкам западной группы. Таковы характерные сибиллянты *s* и *z*, средние между *s* и *z*, с одной стороны, и *š* и *ž* – с другой. Наличие их только в некоторых осетинских диалектах не было правильно охарактеризовано прежними исследователями, отождествлявшими их то с зубными, то с палатальными европейскими сибиллянтами. Между тем сравнение этих согласных с соответствующими сибиллянтами в языках черкесской группы легко обнаруживает, что мы имеем дело с фонетическими фактами одного порядка»¹⁰.

Осетинские полусогласные *y* и *ɣ* как по своей фонетической природе, так и по функции идентичны с адыгскими: они сонанты и используются для образования дифтонгов.

Близость между осетинской и адыгской фонетическими системами проглядывает и в нормах субституции. В этом плане интересны формы русских заимствований: осетинского стьол, кабардинского стЮол – «стол», осетинского скьола, кабардинского шкЮол – «школа».

Сходство с кабардинским языком обнаруживается и в динамической стороне осетинской фонетики. В этих языках глухие согласные переходят в звонкие в интервокальном положении: (осетинское кæрон «конец», æгæрон «бесконечный», тас «страх», æдас «нестрашный», кабардинское жысІац «сказал», жызоІэ «говоря», фтац «дали», ивот «даете»).

В системе вокализма отмечается редукция слабого гласного в исходе слова в иронском диалекте при сохранении его в дигорском:

ирон. д.	диг. д.	
мад	мадæ	«мать»
фыд	фидæ	«отец»
бындз	биндзæ	«муха» ¹¹

Аналогичное явление имеет место и в адыгских языках: подобно иронскому диалекту, в адыгейском редуцируется конечное краткое гласное э, а в кабардинском сохраняется, как в дигорском:

адыг. яз	каб. яз	
тат	дадэ	«папа, дедушка»
нан	нанэ	«мама, бабушка»
мацІ	мацІэ	«саранча»

В осетинском языке группы слов, связанные синтаксически, объединяются одним ударением, образуя акцентуальные комплексы, как и в кабардинском. Срав. осетинское рæсугъд чызг «красивая девушка», осетинское хур бон «солнечный день», кабардинское мэхуэфІ «хороший день».

Это же самое наблюдается с послеложными конструкциями: осетинское хæдзары сæрмае «над домом», кабардинское къуэжапщэм дыкІуаш «мы пошли в верхнюю часть села».

Нити связи между этими языками тянутся и через грамматический строй, захватывая как морфологию, так и синтаксис. Осетинское склонение значительно отошло от индоевропейского прототипа под влиянием кавказского субстрата. В его парадигме отсутствует винительный падеж. Этот тип склонения характерен и для адыгских языков. Сходство здесь не только в типологии, но и в материальном воплощении отдельных падежей, в их значении и функциях. Так, в осетинской парадигме склонения имеется уподобительный падеж на – ау. Форма его близка к превратительному падежу в адыгских языках. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить уподобительную форму некоторых осетинских слов (сæгъ «коза», зæхх «земля», лæппу «мальчик») с формой превратительного падежа аналогичных лексем в адыгских.

осет. яз	адыг. яз	каб. яз.
сæгъ-ау	пчэн-ау	бжэн-у
зæхх-ау	чІыр-эу	щІы-уэ
лæппуй-ау	чІэлэцІыкІу-эу	щІалэ-у

Кабардинская форма данного падежа отличается редукцией предшествующего кратного гласного и спорадическим возникновением его на конце. Осетинская форма указывает на то, что кабардинское окончание в прошлом совпадало с адыгейским, которое является более архаичным.

Эта падежная форма имеет одинаковые грамматические значения в осетинском и адыгских языках: уподобления, выделения, а также значение обстоятельства образа действия. Примеры: хуымæтæджы хъазтау нын ласы нæ уд (Хетæгкаты Къ. «Хъазтæ» – «Как простых гусей (подобно простым гусям), он мучает нас») (дословно: «вытягивает нашу душу»), фæст райсомæй лæгау (Хетæгкаты Къ. «Лæгау») «Встань утром, как мужчина», лæгау лæг «мужчина из мужчин»¹², кабардинское щэхуу къыздæкІуауэ и хъыджэбзэр си лэгъунэм гъатхэу щобзэрабзэ. «Его девушка тайно вышла за меня, и как весна щебечет в моей комнате»¹³; ЛІуэ щыт! «Мужчиной будь!»¹⁴.

В семантической природе данной формы заложены возможности использования его для образования качественных наречий. Используя эти возможности, кабардинский язык образует качественные наречия образа действия от прилагательных. Облекая в эту форму прилагательные дахе «красивый», псынщІэ «быстрый», фІы «хороший», язык получает дахэу «красиво», псынщІэу «быстро», фІыуэ «хорошо». И в осетинском наблюдается аналогичное: прилагательные в роли качественного наречия могут иметь форму уподобительного падежа: хорзау нал уыди «неловко ему было», æрæджиау «поздненько».

Интересна форма осетинского родительного падежа -ы: сæгъ-ы // сæгъ-и «козы», кау-ы // кау-и «плетня». Аналогичная форма встречается в адыгейском

языке: – Аминаты извено игъэтЫсыхъэгъэ расадым тэрэзыджагъэ кыхэкЫжы ихэбзагъэпши, Гусэрыкъо зи кыфыхэгъэКЫжыгъэп – «Но в рассаде, посаженной звеном Аминат, обычно недостатки не обнаруживались, и Гусарико ничего не мог найти».

В связи с отсутствием винительного падежа в осетинском именительный оформляет не только подлежащее, но и прямое дополнение, как в адыгских языках. Однако в осетинском две формы прямого объекта: одна для существительных, обозначающих класс вещей (Гал дон нуазы, уаьныг их ахсыны (Поговорка). «Вол воду пьет, бычок лед глодает»), другая – для класса человека (фæсырдта бинонты (Хетæгкаты Къ.) «Разогнал семью»). Падежные формы в осетинском, как и в адыгских языках, дополнительно выражают значение определенности.

Перестройка грамматического строя под влиянием кавказского субстрата привела к появлению в осетинском послеслогов. Осетинские послеслоги, как и адыгские, восходят к соматическим названиям, лежащим в основе пространственных понятий и представлений у этих народов. Вот некоторые послеслоги: сæр «над, на», сæрты «через», от сæр «голова», фарсмæ «около», от фарс «бок», кабардинское щхъэкIэ «ради, для», от щхъэ «голова», ибгъум «около, рядом», от бгъу «бок».

Провербы в этих языках семантически и функционально близки: они показывают направление действия, причем оно ориентируется по отношению к говорящему. Например: осетинское ра-тахт «вылетел», кабардинское къ-ильэтащ «вылетел», (говорящий находился снаружи), осетинское а-тахт «вылетел», кабардинское н-ильэтащ «вылетел» (говорящий находился внутри). Интересно, что форма осетинского инфинитива от всех глаголов оканчивается на -ын, а в кабардинском такую форму получают обычно переходные глаголы:

осет. яз.	каб. яз.	
хæсс-ын	хь-ын	«нести»
араз-ын	щI-ын	«делать»

В адыгских языках существуют два спряжения: одно для переходных глаголов, а второе – для непереходных. Пережитки двух типов спряжения в осетинском сохраняются в прошедшем времени изъявительного наклонения. Отсюда глаголы хæрын «кушать» и цæуын «идти» спрягаются по-разному¹⁵.

В осетинском имеется особая отрицательная частица *ма*, употребляемая лишь с формой повелительного наклонения, как в адыгских языках (осетинское Макамаан мацы загъ! – «Никому ничего не говори!», кабардинское зыми зыри жомыIэ! – «Никому ничего не говори!»). В глагольном словообразовании в осетинском характерно перемещение центра тяжести на словосложение и префиксацию, как в адыгских языках.

В синтаксисе осетино-адыгские схождения проявляются в атрибутивных словосочетаниях, оформлении прямой речи, порядке слов, способах синтаксической связи. Общим является то, что определение, выраженное существительным, всегда стоит в препозиции, и связь его с определяемым устанавливается соположением (осетинское хур бон «солнечный день», кабардинское гъэмахуэ махуэ «летний день»). В осетинском и кабардинском языках сказуемое замыкает предложение. Цыр д лæппу гæлæбу рцахста (Хетæгкаты Къ. «Уалдзæг») – «Проворный мальчик бабочку поймал», кабардинское Нэхущим и нэхур фи пашхъэ щеупсых (Нартхэр) – «Пусть предраcсветная заря перед вами опустится».

Между этими языками наблюдается сходство в оформлении прямой речи: «Кæдæм лидзыс?» – загъгæ бафарсы Уырызмаг – «Куда бежишь?» – сказав, спрашивает его Уырызмаг (осет.) «Дэнэ ужэрэ?» – жиIэри, еупщIац абы Уэзырмэс. «Куда бежишь?» – сказав, спросил его Уэрызмэс (каб.).

Таким образом, связи между осетинским и адыгским языками обнаруживаются во всех сферах: в проницаемых, малопроницаемых и вовсе непроницаемых, т.е. как в верхних слоях, так и в глубоких недрах языка. Они носят более сложный характер, чем те, которые устанавливаются обычно в результате длительного территориального соседства двух различных народов. По своему характеру связи между этими языками примыкают к субстратным явлениям. Это дает основание предполагать, что кавказским субстратом в осетинском послужил какой-то язык из адыгской группы.

Примечания

1. *Габуниа З.М.* Борис Хазешевиц Балкаров и кавказское языкознание. Нальчик, 1997. С. 5–12.
2. *Балкаров Б.Х.* Адыгские элементы в осетинском языке // От скифов до осетин: Материалы по осетиноведению. М.: Менеджер, 1994. С. 109–118.
3. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949. Т. 1.
4. *Он же.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л., 1959.
5. Осетинские примеры взяты из статьи Н.Я. Габараева «Фразеологические обороты осетинского языка, выражающие пожелания различного характера» // Известия Юго-Осетинского НИИ Академии наук Грузинской ССР. Вып. X. 1960.
6. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор... С. 98.
7. *Соколова В.С.* Очерки по фонетике иранских языков. М.–Л., 1953. Ч. II.
8. *Рогава Г.В.* Четвертая система взрывных в адыгских языках // Сообщения Академии наук Грузинской ССР. 1943. Т. 13. № 3.
9. *Соколова В.С.* Очерки по фонетике иранских языков. М.–Л., 1953. Ч. II. С. 39.
10. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор... С. 98.
11. Грамматика осетинского языка. Орджоникидзе, 1959. Т. 1. С. 14–15.
12. Там же.
13. *Иуашхэмахуэ.* Нальчик, 1961. № 2. С. 23.
14. Там же. С. 46.
15. Грамматика осетинского языка. Орджоникидзе, 1959. Т. 1. С. 237.

В.Н. Balkarov

ADYGHE ELEMENTS IN OSSETIAN LANGUAGE

Balkarov Boris Hazeshevich (1917–1994) is an outstanding scientist, investigator, teacher, doctor of philology, professor and specialist on phonetics of adyghe languages and areal linguistics. He was a member of the Great Patriotic War. He published 220 scientific works, of them 10 monographs.

Balkarov's article was firstly published in 1994 in the collection «Scythians to the ossetians». Editorial board thanks the doctor of philology L.B. Gatsalova for help in preparing it.

Б.А. Калоев

**АЛАНСКИЙ СУБСТРАТ В ЭТНОГЕНЕЗЕ
БАЛКАРЦЕВ И КАРАЧАЕВЦЕВ ПО ДАННЫМ ЭТНОГРАФИИ**

Калоев Борис Александрович (1916–2006) – выдающийся ученый-этнограф, доктор исторических наук. Участник Великой Отечественной войны. Был сотрудником Института этнологии и антропологии РАН. На протяжении многих лет собирал этнографический материал в различных районах Кавказа. Б.А. Калоев – автор 20 монографий по этногенезу, этнической истории, культуре осетин и др. проблемам кавказской этнологии. Последняя из них под названием «Осетины Восточной Осетии и районов Грузии (историко-этнографические очерки)» была опубликована во Владикавказе в 2012 г.

Публикуемая в нашем вестнике статья Бориса Александровича впервые увидела свет в 1994 г. в сборнике «От скифов до осетин»¹. Редколлегия выражает благодарность доктору филол. наук Л.Б. Гацаловой за неоценимую помощь в редактировании и подготовке к печати настоящей статьи.

Вопрос о средневековых алано-тюркских (половецких) связях впервые был освещен в трудах Всеволода Миллера и Максима Ковалевского, совершивших в 80-х гг. путешествие по ущельям Балкарии². Собранные ими в большом количестве осетинские топонимические названия, а также ряд фамильных преданий ярко свидетельствуют о значительной роли аланского компонента в формировании балкарского народа. В советское время исследование этой проблемы было продолжено В.И. Абаевым. Совершенные им еще в 20-х гг. специальные экспедиции в Балкарию и Карачай дали ему возможность обследовать почти всю западную часть исторической территории Алании – от Черека до верховьев Кубани – и собрать огромный материал, показывающий присутствие большого количества осетинских черт в быту балкарцев и карачаевцев. Автором, в частности, выявлено 200 осетинских слов, воспринятых предками указанных народов в средневековый период, причем среди этих слов есть такие, которые в самом осетинском уже мало или вовсе не употребляются. Для нас исключительно важным является и основной вывод В.И. Абаева, который легко подкрепляется нашими данными по этнографии. «Этот материал, – пишет он, – вновь подтвердил, что осетинские элементы в балкаро-карачаевском ни в коем случае не могут объясниться распространением из нынешней Осетии. В этом случае количество таких элементов резко убывало бы с востока на запад и в таком отдаленном от Осетии районе, как Баксанский, не могло быть сколько-нибудь значительным. В действительности баксанский насыщен «осетинизмами» не меньше других говоров и, что особенно показательно, в нем встречаются такие осетинские элементы, которых нет в более близких к Осетии говорах – чегемском и верхнебалкарском. Вывод ясен: осетинские элементы в балкаро-карачаевском не результат новейшего заимствования из современной Осетии, а наследие старого алано-тюркского смешения, происходившего на территории всех ущелий, от Терека до верхней Кубани»³.

Наряду с данными языка и топонимики, весьма важным источником для выявления аланского субстрата в этногенезе балкарцев и карачаевцев является этнографический материал, который почти не привлекался указанными выше исследователями. Основой для данной статьи послужили сведения, собранные нами во время продолжительных экспедиционных работ на территории Балкарии и Карачая, а также некоторые архивные источники, извлеченные главным образом из личного полевого дневника М.М. Ковалевского по Кавказу.

Полевой этнографический материал характеризует многие стороны жизни балкарцев и карачаевцев, показывает большое родство с осетинами в хозяйстве, культуре, в обычаях, нравах и т.д. Такая близость этих народов во многом объясняется, несомненно, их этническим родством и общими традициями, сложившимися в период Средневековья.

Из этнографических данных немаловажный интерес для нас представляют фамильные предания, записанные в значительном количестве еще В. Миллером и М. Ковалевским в период их пребывания в Балкарии. Этот вид устного народного творчества, как бы тенденциозен он ни был, является отражением реальных исторических событий и вполне может служить одним из важных источников для решения рассматриваемой проблемы. Именно с такой точки зрения к ним подходили названные исследователи. По их признанию, из народных преданий они «добывали ряд интереснейших указаний». На основании этого материала устанавливается, в частности, первоначальный район поселения половцев в горах, каким было Черекское ущелье, более доступное, чем, например, Чегемское с его чрезвычайно узким скалистым проходом. «Все предания, – писали В. Миллер и М. Ковалевский, – указывают на то, что эта местность, некогда заселенная осетинами-дигорцами, раньше других приняла татарское поселение, и что из нее уже пошло дальнейшее движение в ближайшие долины на Северо-Запад»⁴.

В преданиях упоминаются названия некоторых осетинских родов (Саута – ос. Черные, Мысаковы – ос. Масут, башня)⁵, сталкивавшихся с пришлыми тюркоязычными племенами. Вторгнувшаяся в густонаселенное Черекское ущелье огромная масса половцев вызвала, естественно, уход значительной части коренных жителей – алан в районы современной Осетии, в частности, в Дигорское ущелье. По нашим данным, например, многие дигорские фамилии⁶ считают своими предками выходцев из Балкарии. Очень возможно, что значительная часть их покинула свою родину в период вторжения половцев в горы Балкарии и особенно в верховье Черка. Время заселения половцами территории современной Балкарии исследователи относят к разным периодам. Всеволод Миллер⁷, например, приурочивает это событие к XIV в., а Л.И. Лавров⁸ – к первой половине XIII в. Нам кажется, что половцы окончательно покинули равнину Центрального Кавказа и укрылись в горы, как и их ближайшие соседи – аланы, после тимуровского побоища. Но появление первых крупных волн поселения в горах, в частности в верховьях Черка, могло быть и в XIII в., в период монгольского нашествия.

Как указывают народные предания, переселение половцев происходило постепенно с востока (из Черка) на северо-запад, охватывая все другие балкарские ущелья – Безенги, Хулам, Чегем и Баксан. Повсюду пришельцы находили аланское население, с которым они сталкивались, подчиняя его большей частью своему влиянию.

Следует отметить, однако, что аланы, попавшие в тюркоязычную среду, долго не поддавались окончательной ассимиляции и сохраняли свои этнические особенности. Об этом свидетельствуют не только осетинские топонимические названия, встречаемые до сих пор в большом количестве, особенно в Балкарии, но и некоторые предания, отражающие более поздний период, в которых еще упоминаются аланы.

Одно такое предание, рассказывающее о заселении Чегемского ущелья, было записано М. Ковалевским, но опубликовано им только частично. Мы приводим его полностью из его полевого дневника: «Предание, дошедшее до нас, – пишет он, – не восходит далее появления в местности Болотуковых, до сих пор существующего в Абазехии. Из этого семейства некто Анфако, не ужившись с братьями, решил выселиться: прибыл прежде всего в Баксанское ущелье у верховьев реки Баксана, где в то время жили сванеты. В стычках с ними он был убит, оставив после себя двух сыновей: Бей-Мурзу и Дан-Мурзу. Приблизительно это будет десять поколений назад (более 350 лет.)»⁹.

Дети эти из Баксана переправились в Чегемское ущелье. Они направились в аул, который уже тогда назывался Чегем, в котором жил какой-то народец с князем Берды (Бердыбей – князь Берды). Рассказчик предполагает, что народец этот были осетины, (т.е., по-видимому, аланы. – Б.К.). Возле аула имеется камень, доселе называемый камнем Бердыбея. Когда братья прибыли в Чегем, они были приняты радушно Бердыбеем. Как умные люди они, понравились ему. По смерти Бердыбея остался малолетний сын Рачкау. Благодаря малолетству Рачкау оба брата успели снискать расположение аула и захватили власть в свои руки.

От народца, здесь жившего, остался ли кто до нашего времени, неизвестно. Народец, здесь живший, распался на два поселка; на левой стороне Чегема жил Бердыбей, у подножья скалы Бетикочер, сохранившей следы башни, в которой он жил; башни, сложенной с помощью цемента. На правой стороне Чегема был другой поселок, который до сих пор называется Бердыбей. Оба поселка принадлежали Бердыбею»¹⁰.

Как видно из приведенного текста, хорошо прослеживаются следы прежних обитателей – алан, сохранившиеся еще в XVI в. Однако из всех ущелий, которые ныне населяют балкарцы, дольше всего аланы сохранили свою этническую самостоятельность в Чегемском, близко примыкающем к Дигории. Это доказывается обилием здесь и осетинских топонимических названий, и памятников материальной культуры алан. В 1966 г., например, в одном только сел. Къаспарты, на левом берегу Чегема, находящемся ныне в развалинах, мы зафиксировали следующие названия: Шаудан (ос. Шаудон) – родник, Дорбун (ос. Добун) – пещера, Байрам (ос. Майрам) – мать Мария и т.д. До сих пор здесь звучат названия несуществующих уже сел: Фардыг (ос. Бусина), Курнойат (ос. Курой уат – место, где мельница). Эти селения располагались по правой стороне **Черка на верхней окраине теперешнего селения Верхняя Балкария**. В этом же районе раскинулся «городок мертвых» с большим количеством средневековых аланских склепов.

Другим фактором, доказывающим сосуществование в Верхней Балкарии (Черекское ущелье) в течение длительного времени наряду с тюркоязычным населением и аланского населения, близкое общение между жителями этого района и Дигорского ущелья, является связанное с указанными двумя ущельями предание о происхождении родоначальников балкарских таубиев – Басиат и дигорских феодальных фамилий – Бадила. Басиат и Бадила считаются родными братьями. После выхода их из древнего города Маджара на Куме они сначала поселились в Дигорском ущелье, а затем Басиат, не поладив с младшим братом, – Бадилой, ушел в верховья Черка¹¹. Очень важно отметить также, что память об общем происхождении осетин, балкарцев и карачаевцев сближала их между собой в течение веков. Это проявление не только в заключении взаимных браков, но в переселении многих осетинских фамилий в Балкарию и наоборот. Приведу лишь несколько примеров. По словам 80-летнего Юсупа Чочаева (сел. Безенги), предок его рода – Чочай был выходцем из Осетии; он пришел в Балкарию вместе со своими братьями Чера и Миза, причем Чочай обосновался в Безенги, Чера – в Верхней Балкарии, а Миза поселился в Верхнем Чегеме. Позже они стали родоначальниками современных балкарских фамилий: Чочаевых, Чераевых и Мизиевых. Между этими родственными фамилиями до недавнего времени не допускалось заключения браков.

Выходцем из Осетии считается и предок фамилии Созаевых, составляющих более 100 семейств, живущих в разных селах Балкарии. По рассказам 70-летнего Кубати Созаева (сел. Белая Речка), предок его фамилии, пришедший из Дигории со своим братом, жил в сел. Хулам, откуда пошло его потомство. Между балкарскими и осетинскими Созаевыми существуют до сих пор родственные связи, выражающиеся во взаимных посещениях друг друга, особенно по случаю свадьбы или похорон. Кстати, эта черта весьма характерна и для многих других осетино-балкарских родственных фамилий. Наконец, нередки случаи, когда в одном селении

встречаются фамилии, ведущие свое происхождение из Осетии. В сел. Гунделен, например, такими являются фамилии Тюбеевых, Жантуевых, Балаевых, Хутуевых. Характерно и то, что у балкарцев, карачаевцев и осетин имеется много одинаковых фамилий (Абаевы, Базиевы, Балаевы, Газзаевы, Касаевы, Тменовы и др.), время возникновения которых определяется несколькими столетиями. Возможно, что некоторые из них существовали еще в период поселения половцев в этих горных районах. В тот и позднейший периоды под ударами миграционных волн разбивались компактно жившие роды (фамилии), части которых затем волею исторических судеб оказывались среди разных народов. Иначе, например, нельзя объяснить существование фамилии Касаевых на двух разных концах огромной территории в Карачаевском сел. Хурзук в верховьях Кубани и в Центральной Осетии в сел. Нижний Пурят и в ряде других мест этой республики. В Хурзуке Касаевы до недавнего времени составляли около 300 семейств, а в Осетии – несколько десятков дворов.

При рассмотрении осетино-балкаро-карачаевских связей важное значение имеет и то, как эти народы называют друг друга. Балкария издавна известна осетинам под именем «Ассы», отсюда «ассиаг», т.е. человек из страны Ассы. Это старое аланское самоназвание жителей Западной Алании сохранилось и в самом карачаево-балкарском языке, но означает здесь другое понятие – безбожник: «Ассыдан тугъан» – рожденный от безбожника, т.е. от человека другой веры, какими были аланы.

В языке указанных тюркских народов употребляется и термин «алан», означающий товарищ, друг, чего мы не встречаем у других тюркских народов. Можно полагать, что аланы, оказавшиеся среди пришлых тюркоязычных племен, сохраняя в какое-то время свою этническую обособленность, действительно были их товарищами в труде, в походах, при набегах на соседей или же при отражении врага.

Карачай, возникший, по-видимому, не ранее XVII в. из переселившихся в верховья Кубани балкарцев, называется осетинами почти так же – хъарасе, хъарасиаг – из страны Карачая. Сами же осетины именуются у балкарцев «дигор», т.е. по названию их ближайших соседей – дигорцев. В отличие от балкарцев, карачаевцы называют осетин-иронцев «тегей»¹², а дигорцев – «дюгор».

Таким образом, из вышесказанного видно, что мы находим здесь аланские этнонимы – «ассы» и «дигори» (дигорцы), отмеченные еще в «Армянской географии» VII в.; под именем «дигор» были известны обитатели современного Дигорского ущелья, «ассаами» же называли жителей остальных районов исторической Западной Алании. Возможно, что это были два самостоятельных аланских племени, о чем свидетельствуют и данные «Армянской географии». Несомненно, что половцы, попавшие в непривычные для них условия гор, унаследовали аланские сельскохозяйственные орудия, включая и пахотные, а также некоторые навыки и приемы хозяйства алан. Это довольно убедительно доказывается при сравнительном изучении традиционных сельскохозяйственных орудий у осетин, балкарцев, карачаевцев. Балкаро-карачаевское пахотное орудие (сабан агъач), например, имеет абсолютное сходство с горным осетинским пахотным орудием (дзыбыр) и особенно – с его дигорским вариантом. В то же время оно не находит аналогии у других соседей – кабардинцев, ингушей, чеченцев. Более того, две главные части этого орудия – ручка и дугообразная стойка – имеют осетинские названия; первая называется глош, а вторая – гина¹³. Все это явное свидетельство осетинского происхождения пахотного орудия этого типа. Общими у осетин, балкарцев и карачаевцев являлись своеобразная самодельная коса и деревянные грабли с вертящимися вокруг своей оси зубьями. Ни одно из этих орудий не применялось в Кабарде.

Из древних традиций земледелия повсеместное распространение здесь имели земляные ямы, служившие для хранения зерна. Особенно много их в средневековых

поселениях¹⁴, в оборонительных и культовых сооружениях алан. Так, например, в аланских соборах X–XI вв. (Хумарский, Сентинский), расположенных в верховьях Кубани, можно заметить множество таких помещений. В сел. Чегем нам рассказывали, что здесь до недавнего времени зерно хранили в глубоких земляных ямах. Сел. Чегем не составляло исключения. Этой традиции придерживались во многих других селах Балкарии и Карачая так же, как и в горной Осетии. Наконец, многие балкаро-карачаевские названия процессов уборки урожая и косьбы сена, а также связанные с ними предметы и орудия труда, имеют осетинские названия, вошедшие в язык указанных народов в период их формирования. К ним относятся: гэстэ – полная горсть колосьев при жатве – (ос. дæстæг); дис – сноп (ос. уыгæс); хастан – место, куда свозят копны сена – (ос. хуасдонæ); куф – большая корзина для перевозки навоза в поле – (ос. куыф); балас – плетенка из молодых березок, на которой волокут сено с гор – (ос. бæлас); толан – скатывание с горы массы сена – (ос. тулын/толун); бардух, урдух – скрученный прут – (ос. уæрдæх); гэркэ, гэрка – деревянное кольцо для натягивания на конце веревки – (ос. гæркъа) и т.д.¹⁵

В скотоводческой практике балкарцев наибольший интерес представляет широко применяемый до сих пор на животноводческих фермах осетинский парный счет, который отличается, по словам наших информаторов, большим удобством. Во время экспедиции я слышал здесь этот счет повсюду – как от глубоких стариков, так и от молодых людей. «У балкарцев, – говорит 115-летний Кукуза Токуев (сел. Верхняя Балкария), – не было другого счета, кроме осетинского». Как отмечал В.И. Абаев, характерная черта этого счета у балкарцев заключается в том, что он ведется «по старой иранской десятичной системе, в то время как у самих осетин десятичная система замещена двадцатичной, по примеру соседних яфетических языков»¹⁶.

Общими чертами в хозяйстве осетин, балкарцев и карачаевцев характеризуется и способ приготовления молочных продуктов, в частности, сыра и масла, весьма близких по своим высоким вкусовым качествам к осетинским; в отличие от этих народов, кабардинцам известен только копченый сыр и топленое масло, приготовляемое без применения маслобойки. Для подтверждения нашего положения важное значение имеет распространение у осетин, балкарцев и карачаевцев маслобойки одного типа, представляющей собой цельный деревянный ствол с деревянным дном¹⁷. О такой маслобойке, вероятно, говорит Геродот, описывая быт скифов¹⁸. В качестве маслобойки балкарцы и карачаевцы применяли еще и бурдюк, который носит дигорское название¹⁹, и является, по-видимому, также наследием алан.

Осетино-балкаро-карачаевская общность не менее ярко проявляется и в области материальной культуры: в их оборонительных и жилых сооружениях, в домашней утвари, в пище и напитках и т.п. Встречаемые на территории Балкарии и в ряде мест Карачая сторожевые, оборонительные, жилые башни, а также целые замки типа осетинского галуана, относятся по времени постройки к аланской эпохе и периоду позднего Средневековья. В настоящее время уцелели только некоторые из этих памятников, остальные находятся в развалинах. Башни эти, как правило, одного типа. Исключение составляет хорошо сохранившаяся трехэтажная сванская башня в Верхнем Чегеме, построенная сванскими мастерами не позднее XVII в. Подобной башни не встречается на Северном Кавказе нигде. Балкарские башни, как и замки, имеют очень близкие аналогии с осетинскими, что не раз подчеркивалось исследователями. «Следует отметить, – писали В. Миллер и М. Ковалевский, – башни, встречающиеся в этих местах не менее часто, чем в Осетии, в большинстве совершенно сходные с осетинскими по наружному виду. Некоторые из этих массивных сооружений, расположенные на удобных в стратегическом отношении местах, представляют целые крепости, как например, близ аула Хулам. Здесь на высоком, почти коническом холме виднеются величественные развалины

замка длиной около 6, шириной более двух саженей с остатками башен. Кто построил эту некогда неприступную крепость, сложенную весьма правильно из тесаного местного камня, неизвестно, об этом не сохранилось даже предания.

На противоположной стороне долины виднеются развалины башни, которая должна была одновременно с первой защищать ущелье так, чтобы неприятель подвергался перекрестным выстрелам. Обе башни по типической четырехугольной форме, суживающейся кверху, совершенно совпадают с осетинскими²⁰. По мнению автора, башни эти, как и другие оборонительные сооружения, были воздвигнуты до появления в горах тюркоязычных предков балкарцев и карачаевцев. Наличие здесь целого комплекса крепостных сооружений аланского периода подтверждается и последующими исследователями, в частности, археологами Г.И. Ионе²¹ и И.М. Мизиевым²², занимавшимися специально изучением памятников Средневековья Балкарии и Карачая. Крепостные сооружения позднего периода также характеризуются абсолютным сходством с осетинскими и продолжают традицию сооружений Средневековья. Поскольку осетинские мастера были наиболее искусными в строительстве башен и замков подобного рода, то, как отмечают некоторые авторы²³, многие из указанных крепостей на территории Балкарии воздвигнуты ими.

Сходство культуры осетин, балкарцев и карачаевцев ярко прослеживается и в их склеповых сооружениях. Встречающиеся здесь в значительном количестве подземные, полуподземные и наземные склепы имеют большие аналогии с осетинскими²⁴. Особое внимание в этом отношении заслуживает «городок мертвых» в верховьях Черека, состоящий из множества полуподземных склепов, построенных, несомненно, еще до водворения здесь тюркоязычных племен. Большой интерес представляет собой и группа надземных склепов в Верхнем Чегеме, относящихся к XVII–XVIII вв.²⁵ Многие из них аналогичны подобным склепам Дигории, особенно сел. Дзинага и Хазнидона. Из сказанного можно заключить, что поскольку аланами уже в Средние века широко применялась в горах рассматриваемая форма погребения, то пришлые тюркоязычные племена, смешавшись с ними, по-видимому, унаследовали ее у них. Большую роль в общественной жизни балкаро-карачаевского села, как и осетинского, играл *ныхыш* (ос. *ныхас*), – место, где собирались мужчины, а также сельские старейшины для решения важнейших вопросов, касавшихся всего общества или отдельных его членов. Порядок поведения на *ныхыше* и функции, осуществлявшиеся последним, были совершенно аналогичны тем, которыми обладал осетинский *ныхас*²⁶. На *ныхыше*, имевшемся в каждом селении и даже в каждом фамильном квартале, располагались, как правило, одни старики; мужчины помоложе стояли около них и никогда не садились в их присутствии. Тут же, недалеко от старших, находилась молодежь, не подававшая голоса. Женщинам не только не полагалось присутствовать на *ныхыше*, но не разрешалось даже пройти мимо него во время мужских соборщ. На *ныхыше* примиряли поссорившиеся фамилии, решали вопросы, касавшиеся постройки или ремонта дорог, мостов, а также найма общественных пастухов и т.д. Здесь же устраивали спортивные игры, пели песни, играли на музыкальных инструментах. Таким образом, балкаро-карачаевский *ныхыш* был сходен с осетинским *ныхасом* не только по названию, но и по своему назначению как орган общественного управления. Как и осетинский *ныхас*, он уходит корнями в аланскую эпоху. Подтверждением этого является и сохранившийся до недавнего времени в сел. Верхний Чегем под навесом дома Муссы Барасбиева *ныхыш*, аналогичный известному средневековому осетинскому *ныхасу* сел. Лац в Куртатанском ущелье²⁷.

Участие алан в формировании балкарцев и карачаевцев довольно убедительно доказывается на материале их жилых построек и убранства дома. Главную часть балкаро-карачаевского дома составляла кухня, представлявшая собой, подобно осетинскому *хадзару*, огромное помещение²⁸; потолок его опирался на очень

массивный столб в центре, на который обычно вешали всякие предметы домашнего обихода. Один из передних углов кухни отгораживали и делали кладовую (гуму) с низким входом, не отличавшуюся по своему характеру и назначению от осетинского къабица (кладовой); она служила для хранения продуктов семьи. Ее хозяйкой являлась старшая женщина (юйбиче), имевшая всегда при себе ключи от кладовой и нож. Подобно осетинской афсин, без разрешения юйбиче ни одна женщина, не говоря о мужчинах, не могли войти в гуму. По существовавшему здесь обычаю, молодая невестка, пожелавшая побывать в кладовой, должна была делать подарки ее хозяйке – юйбиче. Наряду с кладовой в кухне строили также яму (уру) для хранения зерна. Наконец, здесь же в центре или у стены при выходе располагался очаг с очажной цепью, который, по данным многих наших информаторов, делил это помещение на две половины: на мужскую (правую) и женскую (левую); около очага на мужской половине находилось красиво орнаментированное кресло (шынтык)²⁹ для старика – главы семьи.

В старину у балкарцев и карачаевцев, как и осетин, очаг и очажная цепь пользовались большим религиозным почитанием и свято оберегались. По словам 115-летнего Кукуза Токуева (сел. Верхняя Балкария), снять и выбросить очажную цепь считалось большим оскорблением для семьи и всего рода и непременно вызывало кровную месть. Подобно осетинам, с очагом здесь было связано совершение некоторых свадебных обрядов. Так, например, девушка, выходя замуж, прощалась с очажной цепью, вокруг очага обводили молодую, приобщая ее к новой семье. Наконец, проклятие «чтобы у тебя в очаге погас огонь» также свидетельствует о высоком почитании здесь очага. Вышесказанное можно дополнить и тем, что многие важные элементы жилища балкарцев и карачаевцев имеют осетинские наименования, усвоенные ими еще на заре становления народности. К ним относятся: хэрэкк – большая продольная балка – ос. аххæрæг, зэлмэ – хворост, которым покрывают плоскую крышу дома – ос. æндзалм, чидинзи – столб – ос. диг. сæджындз/сæгиндзæ и т.д.³⁰ Немало осетинских названий предметов домашней обстановки и утвари: тэрхэк – каменная скамья (ос. тæрхæг), чэпдэк, чиндик – скамья, кресло (ос. сынтаг – кровать), кучтел – кадка (большая) (ос. диг. къустелæ), чолпи – ковш, черпалка (ос. цолпы) и т.д.

Большая общность у рассматриваемых народов обнаруживается в их традиционной пище и напитках. Наиболее распространенным блюдом можно считать здесь пироги с мясом и пироги с сыром, имеющие у балкарцев и карачаевцев одно общее наименование хычын³¹ и считающиеся, как у осетин, их любимыми блюдами; такие же пироги делаются ими и с начинкой из картофеля, капусты, фасоли и т.д. Общими блюдами для этих народов являются и чэрна – своеобразная каша – ос. зæрна, кэрзэн – хлеб, чурек – ос. кæрдзын, а также распространенное особенно у осетин блюдо (дзыкка), представляющую собой кашу, приготовленную из свежего растопленного сыра с добавлением небольшого количества муки.

Из национальных напитков большим почетом пользовалось у балкарцев до недавнего времени пиво³², приготавливавшееся преимущественно из ячменя с применением хмеля (хумеллек – ос. хуымæллæг) в огромных медных котлах, особенно по случаю празднеств, свадьбы и других семейных торжеств. Как у осетин для пива, применяли здесь различные деревянные пивные бокалы, изготавливавшиеся местными мастерами, а также воловь и туры рога.

Таким образом можно полагать, что культура пива, принесенная на Северный Кавказ древними иранцами³³, была воспринята балкарцами и карачаевцами от их аланских предков.

Этнографические параллели, характеризующие связи предков осетин в Средние века с указанными народами, весьма многочисленны и в области духовной культуры, в обычаях, нравах и народных религиозных верованиях. К сожалению, ограниченность объема статьи не дает нам возможности останавливаться на них подробно.

Осетино-балкаро-карачаевское родство особенно ярко прослеживается в семейных обрядах, в частности, свадебных, а до принятия мусульманства балкарцами и карачаевцами – и в похоронных обычаях. Свадебные обряды, записанные нами во многих селах Балкарии и Карачая, характеризуются таким поразительным сходством с осетинскими, что, слушая рассказчика, осетин мог бы представить, что перед ним находится не балкарец или карачаевец, а его соплеменник, сообщающий хорошо знакомые ему различные свадебные обычаи своего народа. Сходство проявляется во всем: в сватовстве, в заключении брака, а в прошлом – в уплате калыма, в подборе дружков, причем один из них, под именем улан югер – дружок, играет такую же роль во всей свадебной церемонии, какую играет в осетинской свадьбе къухылхæцæг (букв. держащий за руку). Здесь же мы находим абсолютное повторение осетинских свадебных обычаев: «донмажонд» – отправление невестки по воду и «хызисæн»³⁴ – снятие платка с ее головы, причем при совершении последнего кричали пожелания иметь молодой девять мальчиков и одну девочку. Можно было бы упомянуть и о некоторых обычаях избегания, соблюдавшихся молодыми и их родственниками, но они характерны и для других народов Кавказа.

Отметим лишь один из них, по которому у балкарцев, карачаевцев и осетин молодая не разговаривала длительное время или всю жизнь со своим свекром и старшими родственниками мужа. Только после совершения обряда «раскрытия рта невесты» и преподношения молодой соответствующих подарков она получала право разговаривать с ними.

Полевой этнографический материал свидетельствует том, что до принятия ислама балкарцы и карачаевцы совершали похороны с соблюдением многих архаических обрядов, совершенно аналогичных осетинским и уходящих своими корнями в древнеиранский мир³⁵. Сюда, в частности, относятся обычай оплакивания покойника, устройство в честь покойника соревнований по стрельбе в цель (хчабахъ – ос. хъабахъ), скачки и т.д. Большой интерес представляют и домусульманские верования балкарцев и карачаевцев, в которых мы находим значительное число тех же божеств, которые были у осетин: Жеорги (св. Георгий) ос. диг. Уасгергий, Тотур, Тотор (св. Федор) – ос. Тутыр, Аш-элиа (св. Илия) – ос. Илья, Байрам (св. Мария) – ос. Майрам, и почитавшихся ими долго, во всяком случае до окончательного упрочения ислама. Характерно, что до сих пор во многих селах (Верхняя Балкария, Безенги, Верхний Чегем и др.) Балкарии сохранились святилища в честь Байрам, куда еще недавно приходили женщины с приношениями и обращались за благословением к своей покровительнице – Байрам. Наиболее часто появлялись здесь те из них, которые не имели детей.

Среди языческих божеств осетин большой популярностью пользовался Апсати (ос. Аѳсати), обитавший высоко в горах и зорко охранявший, по мнению суеверных горцев, свои стада. Характерно, что это охотничье божество выступает здесь не в образе человека – старика с белой бородой, как у осетин, а изображается в виде белого тура, убить которого считалось большим несчастьем для охотника, по рассказам других стариков – просто невозможно. Наш информатор 102-летний Кны Хазанов (сел. Верхняя Балкария), бывалый охотник, утверждал, что он стрелял семь раз в белого тура и ни разу не попал. Однако, несмотря на это, отмеченное расхождение в образе между карачаево-балкарским Апсати и осетинским Аѳсати, все поверия, связанные с этим божеством, а также охотничьи обычаи у этих народов, характеризуются совершенно сходными чертами³⁶. Приведу несколько примеров, касающихся карачаево-балкарского Апсати. Один из магических приемов заключался в том, что охотники приносили с собой в намеченный район три удлинённых лепешки, сделанных в честь Апсати. После обращенной к этому божеству молитвы старшего, пироги съедали. Здесь же охотники распевали специальные охотничьи песни, посвященные

Апсати. Все это делалось для того, чтобы выпросить у божества хотя бы одного тура или козла. Суеверия проявлялись и в случае, когда охотник, отправляясь на охоту, встречался с человеком, обладавшим, по мнению общества, дурным глазом. По обычаю старшему охотнику всегда предоставляли право стрелять первому³⁷. Ему же при разделе дичи отдавали голову и шкуру. Наконец, существовал здесь еще один охотничий обычай, аналогичный также осетинскому, отдавать «встречную долю» тому, кто первым попадает на пути возвращающихся с добычей охотников.

Из других языческих верований, проявлявшихся одинаково у осетин, балкарцев и карачаевцев, следует отметить и стрельбу в небо во время лунного затмения. По сведениям наших информаторов, в этот день в карачаево-балкарских селах стреляли из всех видов оружия в Луну, чтобы разбудить ее охрану и отогнать дракона, который якобы собирается ее поглотить. Почти то же самое поверье мы находим и у осетин. Вот как описывал его очевидец в середине XIX в.: «Вся ночь под новый год проходит в подобной стрельбе без умолку. Осетины стреляют вверх, в воздух, прицеливаясь в Луну, с убеждением, что в эту ночь раз в год Луна находится в крайней опасности от какого-то дракона»³⁸. Некоторые близкие параллели, указывающие также на давнее родство рассматриваемых народов, мы находим в их этикете, в частности, в одинаковом соблюдении обычая старшинства за столом, выбора тамады, которым может быть здесь только самый старший – старик; распределении мяса жертвенного животного особым образом. У балкарцев и карачаевцев перед старшим обязательно ставят правую половину головы и часть курдюка. Подобный обычай из кавказских народов существует только у осетин. Однако у последних ставят перед старшим целиком голову, курдюк, шею и некоторые другие части животного. Заметим, что рассматриваемый обычай характерен и для казахов в Средней Азии, в формировании которых принимали большое участие также ираноязычные народы – скифы, сарматы и аланы. Характерно, что у балкарцев и карачаевцев так же, как у осетин, в качестве холодной закуски подают на стол сыр, отличающийся весьма высокими вкусовыми качествами.

Близкое родство упомянутых народов проявляется и в их музыкальном и хореографическом искусстве. Среди музыкальных инструментов особый интерес вызывает 12-струнная арфа, имевшая значительное распространение и на территории Балкарии. Об этом, например, свидетельствует описание ее у балкарцев-урусбиевцев еще в 80-х гг. композитором С.И. Танеевым во время его путешествия по горам Центрального Кавказа. Арфа, занесенная на Кавказ скифами, имела несомненно широкое бытование и у алан, от которых она унаследована упомянутыми народами. Отметим также, что карачаево-балкарские танцы характеризуются очень близким сходством с осетинскими и в то же время во многом отличается от адыгских танцев. Так, например, излюбленный старинный круговой хоровой танец (толлу) балкарцев и карачаевцев по манере исполнения очень близок к осетинскому танцу чепена, широко известному из сказаний о нартах. С большим искусством танцуют здесь и плавные танцы наподобие известных осетинских плавных танцев – «ханты кафт», «танец куртатинцев» и др.

Подводя итог, мы можем отметить, что пришлые тюркоязычные племена, поселившиеся в горах рядом с давно живущими там аланами, постепенно сливаясь с ними, передали им свой язык и некоторые обычаи, вместе с тем восприняли многие элементы аланской культуры. Из синтеза этих близких по языку и культуре народов постепенно сложилась новая этническая общность – балкарцы, а затем и карачаевцы.

Приведенный материал свидетельствует о большой общности в культуре осетин, балкарцев и карачаевцев, что, несомненно, объясняется активным участием алан в этногенезе этих народов.

Примечания

1. *Калоев Б.А.* Аланский субстрат в этногенезе балкарцев и карачаевцев по данным этнографии // От скифов до осетин: Материалы по осетиноведению. М.: Менеджер, 1994. С. 83–97.
2. *Миллер В., Ковалевский М.* В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Кн. 4; *Миллер В.* О поездке в горские общества Кабарды и Осетии летом 1883 г. // Известия КОРГО. 1883. Т. VIII; *Миллер В.* Терская область: Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. М., 1888. Вып. 1.
3. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949. Т. 1. С. 275.
4. *Миллер В., Ковалевский М.* В горских обществах Кабарды... С. 553.
5. Там же.
6. *Калоев Б.А.* Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1967. С. 27–35.
7. *Миллер В.* Терская область... С. 72.
8. *Лавров Л.И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. // Кавказский этнографический сборник. М., 1969. Т. IV. С. 71.
9. М. Ковалевский отдалил эту дату, обычно считается продолжительность одного поколения 25–30 лет.
10. Архив Академии наук СССР. Ф. 103. О. 1. Д. 329. Л. 35.
11. *Миллер В., Ковалевский М.* В горских обществах Кабарды... С. 78; *Красницкий Ф.* Кое-что об осетинском округе // Кавказ. 1865. № 30.
12. Тегей – осетин, ос. Тагиата – осетины-тагаурцы // *Абаев В.И.* Осетинский язык... С. 280.
13. *Абаев В.И.* Осетинский язык... С. 279.
14. *Минаева Т.М.* Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965. С. 64.
15. *Абаев В.И.* Осетинский язык... С. 278–279.
16. Там же. С. 282.
17. *Калоев Б.А.* Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1967. С. 87.
18. *Латышев В.В.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // Вестник древней истории. 1947. № 2. С. 298.
19. Дигорск. – габбат, балк. и крач. – гебет.
20. *Миллер В.* Терская область... С. 73.
21. *Ионе Г.И.* Верхние Чегемские памятники VI–XIV вв. // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1963. Т. XIX; *Ионе Г., Опрышко О.* Памятники рассказывают. Нальчик, 1963.
22. *Мизиев И.М.* Средневековая материальная культура Балкарии и Карачая (XII–XVII вв.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1967.
23. *Акритас П.Г., Медведева О.П., Шаханов Т.Б.* Архитектурно-археологические памятники горной части Кабардино-Балкарии // Ученые записки КБНИИ. Нальчик, 1960. Т. XVII. С. 69.
24. *Мизиев И.М.* Средневековая материальная культура... С. 11–16.
25. Там же.
26. *Калоев Б.А.* Осетины... С. 173–174.
27. *Калоев Б.А.* Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967. С. 107.
28. Ланге Б.А. писал: «Центральную часть каждого двора составляет общая кухня, обыкновенно очень просторное помещение с широким отверстием наверху для выхода дыма... Каждый член семьи имеет определенное место. Здесь же справляются все семейные торжества, решаются вопросы о выдаче замуж дочерей и получении платы за кровь с убийцы. Здесь и ищет убежище преступник» (*Ланге Б.А.* Балкария и балкарцы // Кавказ. 1903. № 283).
29. Шынтык – ос. сынтаг – кровать.
30. *Абаев В.И.* Осетинский язык... С. 279.
31. Почти так же называется у осетин-иронцев пирог с мясом – фыджджын, у осетин-дигорцев же пирог с мясом и пирог с сыром имеет одно, так же как у балкарцев и карачаевцев, общее название – ахсин. У осетин-дигорцев пирог с мясом – фидгун, а пирог с сыром – ахцин! – Гацалова Лариса.
32. У карачаевцев этот напиток исчез, по-видимому, давно; кабардинцам он был совершенно не знаком.

33. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949. Т. 1. С. 338–339.
34. *Шанаев Дж.* Свадьба у северных осетин // Сборник сведений о кавказских горцах. 1870. Вып. IV. С. 195.
35. *Калоев Б.А.* Осетины... С. 200–204.
36. *Цаголов Г.* Охотничий язык и обряды у осетин (этнографические заметки) // Терские ведомости. 1895. № 53.
37. Тульчинский Н.П. отмечал по этому поводу: «По обычаю старший предлагает младшему первому стрелять, но это не больше как церемония: младший все-таки предоставляет старшему первый выстрел». См.: *Тульчинский Н.П.* Пять горских обществ Кабарды // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 205.
38. Кавказ. 1855. № 7. С. 8.

B.A. Kaloev

**ALANIAN SUBSTRATUM IN ETHNOGENY OF BALKARIANS
AND KARACHAI ACCORDING TO ETHNOGRAPHY**

Kaloev Boris Aleksandrovich (1916–2006) is an outstanding scientist, ethnographer, doctor of history. He was a member of the Great Patriotic War. He worked in Institute of ethnology and anthropology of RAS. During much time he collected ethnography material in different regions of Caucasus. B.A. Kaloev is the author of 20 monographs on ethnogeny, ethnic history, ossetian culture and so on. The last one named «Ossetians of the east Ossetia and regions of Georgia (historic and ethnographic outlines)» was published in Vladikavkaz in 2012.

Kaloev's article was firstly published in 1994 in the collection «Scythians to the ossetians». Editorial board thanks the doctor of philology L.B. Gatsalova for help in preparing it.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кузнецов Владимир Александрович, д.и.н., ведущий научный сотрудник сектора археологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Фоменко Владимир Александрович, к.и.н., зав. сектором археологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Кармов Амерби Хазретович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора новейшей истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-928-078-68-98
E-mail: kbigi@mail.ru

Сабанчиева Любовь Хабижевна, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник сектора этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-48-91
E-mail: sablyu@mail.ru

Алоев Тимур Хазраилович, к.и.н., старший научный сотрудник сектора средневековой и новой истории ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. +7-903-491-85-92
E-mail: kbigi@mail.ru

Бгажников Барасби Хачимович, д.и.н., зав. отделом археологии и этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Базиева Гульфия Джамаловна, к.филос.н., старший научный сотрудник сектора этнологии ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел. 8 (8662) 42-51-95
E-mail: gbaz@mail.ru

Аппоев Алим Каншауович, к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник сектора карачаево-балкарского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-52-75

E-mail: appoev74@mail.ru

Токмакова Мадина Хасанбиевна, к.ф.н., доцент, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесского языка ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-20-52

E-mail: tokmak_madina_h@mail.ru

Гутов Адам Мухамедович, д.ф.н., профессор, заведующий сектором адыгского фольклора ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований».

360000, Нальчик, ул. Пушкина, 18

Тел. 8 (8662) 42-38-52

E-mail: adam.gut@mail.ru

Хежева Лена Хабилловна, к.ф.н., старший преподаватель кафедры фольклора и литературы народов Северного Кавказа ФГБОУ ВПО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова».

360000, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173

Тел. 8 (8662) 42-21-93

E-mail: kafedraliteraturifolk@mail.ru

THE AUTHORS OF THIS ISSUE

Kuznetsov Vladimir Aleksandrovich, Doctor of History, leading research fellow at sector of archeology of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Fomenko Vladimir Aleksandrovich, Candidate of History, head at sector of archeology of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-42-74
E-mail: kbigi@mail.ru

Karmov Amerbi Hazretovich, Candidate of History, senior research fellow at sector of newest history of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-928-078-68-98
E-mail: kbigi@mail.ru

Sabanchieva Lyubov Habizhevna, Candidate of History, associate professor, senior research fellow at sector of ethnology of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-48-91
E-mail: sablyu@mail.ru

Aloev Timur Hazrailovich, Candidate of History, senior research fellow at sector of medieval and new history of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. +7-903-491-85-92
E-mail: kbigi@mail.ru

Bgazhnokov Barasbi Hachimovich, Doctor of History, head at department of archeology and ethnology of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-19-26
E-mail: kbigi@mail.ru

Bazieva Gulfiya Džamalovna, Candidate of Philosophy, senior research fellow at sector of ethnology of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-51-95
E-mail: gbaz@mail.ru

Appoev Alim Kanshanovich, Candidate of Philology, associate professor, senior research fellow at sector of karachay-balkarian language of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-52-75
E-mail: appoev74@mail.ru

Tokmakova Madina Hasanbievna, Candidate of Philology, associate professor, senior research fellow at sector of kabardino-circassian language of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-20-52
E-mail: tokmak_madina_h@mail.ru

Gutov Adam Muhamedovich, Doctor of Philology, professor, head at sector of adyghe folklore of the Federal State Budgetary Science Establishment the Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Researches.

18 Pushkin Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-38-52
E-mail: adam.gut@mail.ru

Hezheva Lena Habilovna, Candidate of Philology, senior lecturer of the chair of folklore and literature of the peoples of the North Caucasus of the Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional Education Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov.

173 Chernyshevsky Street
Nalchik 360000
Ph. 8 (8662) 42-21-93
E-mail: kafedraliteraturifolk@mail.ru

Информация для авторов журнала «ВЕСТНИК КБИГИ»

Журнал принимает к рассмотрению работы, которые не публиковались прежде и не находятся в процессе подготовки к публикации в других изданиях.

1. Редакция журнала принимает для публикации статьи по следующим направлениям:

- история;
- филология;
- проблемы развития современного общества;
- культурология.

2. Объем материалов. Рекомендуемый объем для статьи – до 15 с. (с учетом требований п.п. 4 и 5), включая текст, таблицы, примечания, иллюстрации.

3. Статьи должны иметь:

- 3.1. Направление организации, в которой работает автор;
- 3.2. Акт экспертизы;
- 3.3. Справку из отдела аспирантуры (для аспирантов и соискателей);
- 3.4. УДК (индекс статьи по универсальной десятичной классификации);
- 3.5. Фамилию и инициалы автора на русском языке;
- 3.6. Название статьи на русском языке;
- 3.7. Аннотации (не более 7–10 строк) и ключевые слова на русском языке;
- 3.8. Сведения об авторе на русском языке (место работы и должность, ученая степень и звание, контактный телефон, почтовый и электронный адреса);
- 3.9. В конце текста статьи после примечаний приводятся данные (пп. 3.5.–3.8.) на английском языке, в том числе Ф.И.О. автора (авторов) полностью;
- 3.10. Первая страница статьи подписывается автором.

4. Авторы представляют в журнал один распечатанный экземпляр работы и файл (MS Word, формат DOC или RTF). Текст работы должен быть набран в формате бумаги А4 шрифтом Times New Roman 14 через полуторный интервал; страницы должны быть автоматически пронумерованы. При использовании в статье аббревиатур и сокращенных названий необходимо давать их расшифровку в конце статьи после списка примечаний. Иллюстрации должны быть хорошего качества и представлены дополнительно в виде графических файлов (в формате TIFF или JPEG).

5. Примечания помещаются в конце статьи (затекстовая ссылка) и вносятся автоматически; нумерация сквозная, например:

- 1) Фотометрия и радиометрия оптического излучения. М.: Наука, 2002. Кн. 5. С. 24.
- 2) Археология: история и перспективы: сб. ст. I межрегиональной конференции. Ярославль, 2003. С. 156.

Нумерация в основном тексте должна полностью соответствовать нумерации и тексту ссылки.

В выходных данных книг следует указывать фамилию и инициалы автора, полное название книги, место издания, издательство, год издания, том или выпуск, общее количество страниц. А в выходных данных статьи – фамилию и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, том, номер, первую и последнюю страницы статьи.

Внимание: Вся информация на электронном носителе должна полностью соответствовать бумажному и представлять собой окончательный вариант научного труда.

Рукописи и электронные носители авторам не возвращаются.

Решение о публикации или отклонении статей принимается редакционной коллегией.

Подписано в печать 15.07.2015
Усл. печ. л. 10,3

Формат 70x108 ¹/₁₆
Тираж 100 экз.
Цена свободная

Гарнитура Таймс
Заказ № 134

Учредитель: ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Адрес издателя: 360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Отпечатано в Издательском отделе КБИГИ:
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18. Тел. 8 (8662) 42-50-94

Зав. издательским отделом *А.В. Гергокова*
Корректор *Л.О. Тамазова*